

История Русской Церкви

1801-1908 гг.

Н. Д. Тальберг

Расцвет церковной жизни.

Царствование императора Александра I.

Царствование императора Николая I. (1825-1855)

Царствование императора Александра II. (1855-1881).

Царствование императора Александра III. (1881-1894).

Царствование Императора Николая II.

Епархиальное управление. Духовенство. Распространение веры. Миссионерство в Казанской епархии и соседних местностях. Миссионерство среди калмыков, киргизов и самоедов. Миссионерство в Сибири. Миссионерство в Китае. Миссионерство в Японии. Восстановление православия на Кавказе. Грузинская церковь. Православное миссионерское общество. Миссионерские съезды. Пропаганда иезуитов. Униаты и их воссоединение. Православие в Прибалтийском крае и в Финляндии. Сношения с иноверами в Англии и в С. Ш. А. Духовное просвещение. Представители духовной науки и проповедничества. Библейское общество. Перевод Библии на русский язык. Влияния и явления, чуждые православию; противодействия им. Богомольцы и паломники, Императорское Палестинское общество. Состояние религиозного образования народа. Секты. Старообрядчество и единоверие. Прославление святых, Новые праздники, Храмы, Иконопись. Церковное пение. Церковное управление до восстановления патриаршества. Монастыри, Подвижники.

Расцвет церковной жизни.

Царствование императора Александра I.

Император Александр I (1777-25) вступил в 1801 г. на престол, будучи далеким от Церкви. Ничего поучительного не давала ему тогдашняя придворная жизнь. Рос он во время вольнодумства, проникшего уже с Запада в Россию. Александр говорил: “Я был, как и все мои современники, не набожен.” В 1818 г. он высказался так: “Императрица Екатерина была проныцательная, умная, великая жена, но, что касается воспитания сердца в духе истинного благочестия, при петербургском дворе было как почти везде...” Ключевский так пишет о том, кому доверено было Екатериной II воспитание и образование вел. князей Александра и Константина: “Главным наставником, воспитателем политической мысли великих князей был избран полковник Лагарп, швейцарский республиканец, восторженный, хотя и осторожный поклонник отвлеченных идей французской просветительной философии, ходячая и очень говорливая либеральная книжка.” Лагарпа Ключевский именует атеистом.

Первые годы своего царствования Александр I окружил себя друзьями юных лет, тоже отпрысков XVIII в., для которых Церковь занимала мало места в их тогдашней жизни. Таковыми были: гр. В. П. Кочубей, годами старше остальных, в молодые годы состоявший за границей на дипломатической службе, умный; гр. П. А. Строганов, воспитанный во Франции, срочно, в разгар революции, вывезенный домой из Парижа, где воспитатель француз водил его в крайние республиканские клубы; Н. Н. Новосильцев, воспитанный в семье Строгановых, в молодости воевал и был дипломатом, потом четыре года учился в лондонском университете; чуждый и враждебный России поляк католик кн. Адам Чарторыйжский. Этот кружок сподвижников носил название негласного или интимного комитета.

Обер-прокурором св. Синода в начале царствования продолжал быть гр. Д. И. Хвостов, по-прежнему проявлявший мало почтения в делах, которыми руководил митр. с. петербургский и новгородский *Амвросий* (Подобедов). Когда стали вырисовываться преобразовательные планы нового Государя, коснувшиеся бы и церковных вопросов, почувствовалась необходимость иметь более энергичного и самостоятельного обер-прокурора. 31 дек. 1802 г. таковым был назначен А. А. *Яковлев*, до того числившийся в Коллегии иностранных дел. Как и кн. Шаховской он оставил свои воспоминания, которые дополняют данные о нем, имеющиеся в синодальном архиве. Он прежде всего обратил внимание на недочеты в ведении синодального хозяйства, находившегося вне контроля обер-прокурора. Имея поддержку в лице Новосильцева, Яковлев получил согласие государя на расширение его полномочий в этой области. Стремился он к большему подчинению себе секретарей духовных консисторий. Постепенно отношения его с митр. Амвросием и другими членами Синода ухудшались, что начало озабочивать имп. Александра. “Яковлев не совсем хорош...” говорил он кн. Голицыну, “Духовенство совершенно им недоволено; жалобы на него непрестанные, и мне кажется, что он неспособен быть на месте синодального обер-прокурора.” Яковлев, чувствуя непрочность своего положения, просил об увольнении от занимаемой должности. 21 окт.

1803 г. последовало назначение на его место кн. *Александра Ник. Голицына*, близкого друга юности государя.

Новый обер-прокурор, казалось, совершенно не подходил к занятой им должности. Типичный светский человек, он отражал на себе вольнодумство XVIII в. Профессор Благовидов (Ф. В. Благовидов. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII в. и в первой половине XIX столетия. Казань. 1899. Феодор Вас. Благовидов, доктор церковного права, профессор академии по кафедре русской гражданской истории), ссылаясь на данные, помещенные в журнале “Русская Старина,” приводит сказанное им: “Какой я обер-прокурор, ведь я ничему не верю.” — “Разве вам неизвестно,” говорил Голицын государю, “что, приняв назначаемую вами обязанность, я решительно ставлю себя в ложное отношение сперва к вам, потом к службе, да и к самой публике. Вам не безызвестен образ моих мыслей о религии, и вот, служа здесь, я буду прямо уже стоять наперекор совести

и вопреки моим убеждениям. Государь же так объяснил ему свои особые соображения: “Я бы очень желал, чтобы ты занял место обер-прокурора в Синоде; мне бы хотелось, чтобы преданный мне и мой, так сказать, человек занимал эту важную должность. Я никогда не допускал к себе Яковлева, никогда с ним вместе не работал, а ты будешь иметь дело непосредственно со мною, потому что вместе с тем я назначу тебя и моим статс-секретарем” (“Русская Старина” 1884 г. т. 41. Рассказы Голицына).

Кн. Голицын отнесся к своим обязанностям с большой добросовестностью и, в сущности, проводил те мероприятия, важность которых определилась при его предшественнике. Но положение его было иное. Члены Синода, сам первоприсутствующий митр. Амвросий и епархиальные архиереи считались с ним, учитывая его личную близость с государем и непосредственные доклады ему. От обер-прокурора все более зависели награждения и продвижения иерархов, вызовы их для присутствования в Синоде.

Император Александр I вскоре убедился в недостаточной подготовленности членов негласного комитета к разрешению крупных государственных вопросов. Ближайшим сподвижником государя стал *Михаил Мих. Сперанский* (1772-1839). Сын священника, он учился во владимирской семинарии, окончил главную семинарию при Александро-Невском мон. в Петербурге, остался там учителем. Вместе с тем, он был личным секретарем, а потом чиновником канцелярии кн. А. Б. Куракина, в то время генерал-прокурора. Сперанский стал известен имп. Александру, который назначил его статс-секретарем, все более приближал к себе, поручал ему разработку важных законопроектов.

В 1807 г. государь выдвинул вопрос о повышении образования и материальных средств духовенства. По-видимому, Сперанский, знавший по своему прошлому существующее положение, проявил почин в этом деле. Голицын, вероятно, под его влиянием, подал 20 ноября доклад государю об учреждении особого *Комитета* для обсуждения этого вопроса людьми из среды духовенства и лиц, занимающих высшие государственные должности. Членами Комитета были назначены: митр. Амвросий, епископ Феофилакт, протопресвитер Краснопевков, обер-священник Державин, кн. Голицын и Сперанский. В разработке этого вопроса, наряду с владыкой Амвросием, принимали участие видные иерархи, тогда члены Синода. Таковыми были: епископ Мефодий (Смирнов), известный хорошим устройством учебных заведений в управлявшихся им епархиях, возглавлявший тогда тверскую; архиеп. астраханский Анастасий (Братановский), член российской академии, работавший над этим вопросом еще до образования комитета (ум. в дек. 1806 г.); еп. калужский, потом рязанский, Феофилакт (Русанов), однокурсник и друг Сперанского, хорошо образованный и по общим наукам. Будучи с 1807 г. членом Синода, он вскоре сделался влиятельнее митр. Амвросия. Ближайшим помощником митрополита был тогда его викарий, еп. старорусский Евгений (Болховитинов), впоследствии митрополит киевский и член российской академии. Он был воспитанником московского университета и академии, из вдовых священников, префект Петербургской Академии. Последний разработал преимущественно учебную и административную части проекта об усовершенствовании духовного образования. При разработке экономической части владыка Анастасий выдвинул вопрос о назначении содержания для духовных школ из *свечного дохода* церквей. В июле 1808 г. Комитет выработал: 1) план новой организации всего духовного образования и 2) план изыскания средств для создания огромного капитала духовного ведомства.

Во главе всего духовно-учебного дела была в том же году поставлена *комиссия духовных училищ* из высших духовных и частью и светских сановников, заседавших в прежнем комитете. Этим при Синоде впервые создавалось центральное учреждение, ведавшее духовным образованием в государстве. Окружными органами комиссии сделаны были духовные академии, для чего при них были учреждены особые конференции, составленные из местных уче-

ных и духовных лиц. Ближайшее попечение о школах по-прежнему предоставлено было местным архиереям, но самим лично, без участия в нем консисторий.

Средства на содержание духовных школ должны были создаваться без особого отягощения государства и народа. В основу капитала были положены: 1) экономические суммы всех церквей (до 5.600.000), которые назначено было поместить в банк для приращения; 2) ежегодный свечной доход церквей (до 3.000.000 р.), тоже назначенный к помещению в банке; 3) ежегодное пособие от казны (1.300.000) в течение только 6 лет. Предполагалось, что Синод будет ежегодно иметь на расходы 4 с лишним мил., которые со временем дойдут до 8 с половиною мил. На последнюю сумму можно было бы полностью обеспечить содержание духовных школ и всех церковных причтов (от 300 до 1000 р. на каждый). Но расчеты эти расстроились частично из-за утаения некоторыми приходами экономических и свечных сумм, главным же образом из-за наступившей вскоре войны и вызванных ею бедствий.

Синод пожертвовал полтора мил. из своего капитала на военные нужды. Архиереи и монастыри жертвовали, как и встарь. Вражеское нашествие французов и подвластных Наполеону пародов произвело в ряде губерний и в самой Москве страшные разрушения. После войны 1812 г. приходилось восстанавливать множество храмов и монастырей и помогать разоренному духовенству. На удовлетворение этих нужд Синод должен был отпустить из своих сумм еще три с половиною мил. К 1815 г., когда капитал должен был возрасти нормально до 24 мил., он едва составлял 15 мил. На проценты с этого капитала е трудом можно было бы содержать одни духовные школы, почему он и получил назначение *капитала учебного*. От выдачи из него окладов на причты пришлось отказаться.

Тяжкие бедствия, испытанные Россией во время Отечественной войны 1812 г., жертвы принесенные народом во время войны за освобождение западной Европы от гнета Наполеона, порожденного “великой” революцией, заставили значительную часть русского общества отказаться от увлечения всем французским. Чувствовалось отталкивание многих от либеральных движений XVIII в. Зараза продолжала действовать только на часть молодого поколения, попавшую в сети масонских лож. Народ благодарил Господа Бога за спасение Родины и укреплял свое бытие в лоне Церкви. Но в некоторой части общества выявилось влечение к протестантскому мистицизму, к сектантству.

Император Александр I в начале Отечественной войны захвачен был стихийным религиозным народным подъемом в древней Москве. Потрясли его последующие проявления здорового отечестволюбия. Он говорил: “Пожар Москвы просветил мою душу и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотой веры, какой я до сих пор не чувствовал. Тогда я познал Бога, как открывает Его Св. Писание.” Но это не было еще истинным обращением его к Церкви. Откровение искал государь сначала у лжеучителей. Во время заграничного похода Александр посещал в Силезии, в Гернгуте, общины моравских братьев, в Бадене беседовал с Юнгъ-Штиллингом, в 1814 г., будучи в Англии, выражал сочувствие депутации Библейского общества, в Германии в июне 1815 г. встретился с бар. Криденер (Крюденер), некоторое время оказывавшей на царя большое влияние, утверждая его в мистицизме. Государь оказывает сильную поддержку Библейскому обществу, деятельность которого, начавшись в 1813 г., быстро развивалась. Кн. Голицын, по собственному влечению или уловив настроение императора, все более увлекался мистицизмом.

Произошли еще раньше изменения в составе ближайших сподвижников митр. Амвросия. В 1808 г. еп. Евгений назначен был епископом вологодским. Главным помощником митрополита стал иеромонах *Филарет (Дроздов)*. Родился он в г. Коломне, московской г.; отец и дед его были священниками; окончил Троицкую семинарию; оставлен был в ней преподавателем. На него обратил внимание митр. Платон, который склонил его в 1808 г. к принятию монашества. В том же году он был назначен профессором преобразованной Петербургской

Академии и инспектором ее. Митр. Амвросий сразу оценил Филарета. Встретился же он с недоброжелательством влиятельного тогда еп. Феофилакта, не желавшего допускать его к работам в комиссии духовных училищ. Позднее Феофилакт обвинил его в неправославных суждениях, высказанных в одной из проповедей. Дело Филарета, тогда уже известного своими проповедями в столице, дошло до государя. Кончилось оно Высочайшей наградою проповеднику и возведением его, в 1811 г., в сан архимандрита. В 1812 г. он был назначен ректором академии, ослабив влияние на дела нее Феофилакта, что давно не нравилось митрополиту. Опала, постигшая Сперанского, высланного из Петербурга, отразилась на положении Феофилакта. Он был освобожден от Присутствия в Синоде, вернулся в свою рязанскую епархию, а в 1817 г. назначен экзархом Грузии (†1820).

Имп. Петр Великий, учреждая институт государственной прокуратуры, поставил синодального обер-прокурора в положение, сходственное с сенатским генерал-прокурором. Имп. Екатерина усилила значение генерал-прокурора. Со времени учреждения в 1802 г. имп. Александром I министерств и назначения обер-прокурором лица, пользовавшегося исключительным его доверием, выдвинулся вопрос о присвоении последнему звания министра. 19 ноября 1817 г. последовал указ: “Обер-прокурору св. Синода и главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий, тайному советнику князю Голицыну быть министром духовных дел и народного просвещения.” 24 ноября обер-прокурором был назначен кн. П. С. Мещерский, поставленный в прямое подчинение новому министру. Обер-прокурор стал представлять в Синоде не монарха, а Голицына. В ведомстве кн. Голицына Синод занял совершенно такое же положение, как евангелическая консистория, католическая коллегия, духовные управления армян, евреев и др. иноверцев.

Проф. ф. Благовидов пишет, что “крайнее унижение св. Синода, явившееся результатом учреждения министерства духовных дел, — унижение, оказавшееся, вследствие характера деятельности Голицына, далеко небезопасным для интересов самого православия, не могло не вызывать сильного, хотя и затаенного недовольства произведенною реформою в среде высшей церковной иерархии.” Большое волнение вызывало все усиливавшееся увлечение Голицына мистицизмом. Митр. Амвросий, с тревогой наблюдавший происходящее, высказался против Голицына, но успеха не имел. В начале 1816 т. он, не без давления, отказался от управления петербургской епархией, оставив себе только новгородскую. Владыка Амвросий скончался 21 мая 1818 г. в Новгороде и погребен в Софийском соборе. С 1817 года ему дан был викарий — еп. Филарет (Дроздов), еп. Ревельский.

Положение же обострилось все больше. Все, связанное с инославием, находило полную поддержку у Голицына, который прикрывал даже своим авторитетом хлыстовские радения, устраивавшиеся Татариновой. Не препятствовал он и распространению скопческой литературы Кондратия Селиванова. Главные посты в Библейском обществе занимали масоны: А. Ф. Лабзин (директор) и В. М. Попов (секретарь). Голицын запрещал духовной цензуре пропускать печатные произведения против вредных сочинений.

Первым начал открытую борьбу с явным злом архим. Иннокентий (Смирнов). Сын дьячка, род. в 1784 г., он окончил Троицкую лаврскую семинарию, был в ней учителем и префектом, состоял игуменом Николо-Угрешского и московского Знаменского монастырей. С 1811 г. он пребывал в Петербурге, сначала бакалавром церковной истории в академии, потом, в сане. архимандрита, инспектором академии. В 1814 г. удостоен исключительного в то время отличия — степени доктора богословия. Состоя духовным цензором, он возмущался деятельностью Лабзина. В 1818 г. он пропустил к напечатанию книгу Станевича, полную резких нападок на мистицизм. Голицын сильно возмущился. Книга была запрещена и отобрана; автор выслан за границу. Уволить просто архим. Иннокентия было трудно. Число его сторонников увеличивалось и среди них были влиятельные лица. Тогда Голицын в 1819 г. провел

поставление Иннокентия, страдавшего туберкулезом, епископом в Оренбург. Светским друзьям последнего, учитывавшим неблагоприятные климатические условия этого города, удалось убедить государя переменить назначение на Пензу. Совершенно больным приехал туда владыка, что не помешало ему все недолгое время своего святительства провести в службах и посещениях епархии. Он скончался 10 окт. 1819 г. Местно почитали его святым.

В то время митрополитом был владыка *Михаил (Десницкий)*. Род. в 1762 г., воспитывался в Троицкой семинарии и в филологической семинарии при “Дружеском ученом обществе” Новикова и Шварца. Будучи священником в Москве, он известен был как отличный проповедник. Приняв в 1796 г. пострижение, был архимандритом Юрьевского м./в 1801 г. — викарным епископом старорусским, в 1802, — черниговским. Архиеп. Филарет, сам позднее возглавлявший последнюю кафедру, пишет: Как здесь, так и на пастве петербургской (с 1818 г.), имевшие в нем нужду, особенно несчастные, приходили к нему в назначенное время без доклада; в обхождении был он прост. Ненавидел дух приказничества, особенно в начальниках; тяжбы и ссоры между духовенством любил прекращать увещаниями. Не раз внушал консистории и благочинным внести сей порядок мира в дело.” В 1814 г. петербургская конференция, пишет архиеп. Филарет, поднесла степень доктора богословия “Михаилу, архиепископу черниговскому, изданием назидательных поучений споспешествовавшему распространению духовного просвещения.” Голицын, выдвигая владыку Михаила в митрополиты, имел, очевидно, неправильное о нем представление. Нахождение последнего в юности в учебном заведении Новикова и др., побуждало библейцев думать, что он не будет противодействовать их вредной деятельности. Но митр. Михаил, строго церковный, по прибытии в 1818 г. в столицу, где переживалась еще история с архим. Иннокентием, убедился вблизи происходящей разрушительной работе. Владыка начал посещать отдельные храмы и в замечательных проповедях призывал стоять твердо за исконное Православие. В 1821 г. митрополит открыто выступил против Голицына. Император Александр I в это время был на конгрессе по европейским делам в Лайбахе (Любляне). “Государь,” писал святитель, обличая Голицына и прося спасти “от слепотствующего министра” Церковь, — “когда до Вас дойдет это писание, меня уже не будет на свете. Ничего, кроме истины, не вещал я людям: наипаче же теперь, когда в деяниях своих готовлюсь отдать отчет Вышнему Судии.” Он действительно умер через две недели после отправки письма. Это событие произвело огромное впечатление на государя и усилило враждебность здоровой части петербургского общества к Голицыну. Столица полюбила праведного архипастыря. Против Голицына стал выступать любимец государя граф А. А. Аракчеев.

Главную же борьбу с Голицыным повел иеромонах *Фотий (Спасский)*. Сын дьячка в новгородском у., род. в 1792 г., он окончил новгородскую семинарию и год учился в Петербургской Академии. Окончить ее он не мог из-за обострившейся грудной болезни. Будучи иеромонахом, Фотий законоучительствовал во 2-ом кадетском корпусе; был строг, произносил проповеди аскетического содержания. Митр. Серафим (Глаголевский), преемник митр. Михаила, писал о нем еп. Парфению владимирскому (Черткову): “Он носит вериги, которые тщательно скрывает от всех. Сверх сего можно сказать, что умерщвляет тело свое самым строгим постом и бдением, бескорыстен, не человекоугодлив. Но отнюдь не ханжа и не лицемер. Рассудок имеет здоровый, память твердую, премного читал св. Отцов и крепко их держится, имеет дар слова отличный и говорит от сердца с большим убеждением, а иногда и строго, и даже с какою то властью, смотря по нужде.” Оцененный таким исключительным пастырем, как архим., потом еп. Иннокентием, передавшим ему своих духовных чад, *иером. Фотий* открыто и дерзновенно стал выступать против т. н. “внутренней церкви,” шел напролом, не страшась Голицына. Н. И. Барсов, всесторонне изучавший Фотия, говорит, что он не был ученым богословом, не получил хорошего академического образования, но твердо стоял

на основах чисто православного учения. Голицын, недовольный противодействием Фотия, провел назначение его настоятелем запущенного Деревяницкого новгородского мон. Приведя скоро обитель в образцовый порядок, он сделал образцовым и Сквородский мон., которым управлял, будучи уже архимандритом. В 1822 г. митр. Серафим назначил его архимандритом *Юрьевского мон.*, каковым он и оставался до кончины. По описанию А. Н. Муравьева, келья его там имела три шага в длину и один в ширину с тесным седалищем на одном конце и углублением для икон на другом. В келье этой он проводил всю Четыредесятницу, исключая богослужения и свободное от занятий время. С помощью огромных средств *графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской*, которую, как духовную дочь свою, передал ему еп. Иннокентий, архим. Фотию удалось привести обитель в цветущее состояние. По древнему назначению настоятеля Юрьева мон., Фотий на те же средства благоустраивал и другие новгородские обители. Гр. Орлова говорила своему близкому другу, что Фотий распорядился для других ее состоянием, но себе отказывал во всем; она хотела обеспечить его бедных родных, но и этого он ей не позволил.

Преемником владыки Михаила стал митрополит московский *Серафим (Тлаголевский)*. Сын дьячка, род. в 1763 г., воспитывался в Славяно-греко-латинской Академии, был слушателем московского университета и семинарии Новиковского “Дружеского общества.” После пострижения он был преподавателем и префектом академии, управлял несколькими епархиями, проявляя отличные административные способности. В 1819 г. был митрополитом московским. В начале деятельности Библейского общества он принимал в ней большое участие, но когда определилось его вредное Церкви направление, владыка Серафим вступил с обществом в борьбу. Он сблизился с архим. Фотием, часто вызывал его к себе, в 1822 г. поместил его в Лавре. В этом году Фотий был принят государем и произвел на него большое впечатление своей личностью и сказанным об опасностях, грозящих Церкви. У государя и до этого возникали сомнения в правильности мистицизма. Еще в 1818 г., в разговоре с графиней С. И. Соллогуб, он восторгался простой и чистой верою, говоря: “Одни лишь беспокойные умы находят отраду в тонкостях, которые и сами не понимают ... Обязанности, налагаемые на нас, надо исполнять просто, быть только хорошими последователями, не теряясь в утонченных исканиях, которые нам вовсе не предписаны.” Другим деятельным противником Голицына стал президент Российской Академии, *адмирал Шишков*, горячий противник перевода Библии на “простонародное” наречие. В 1822 г. последовал Высочайший указ о закрытии мasonicких и других тайных обществ. Архим. Фотий в 1824 г. усилил обличение Голицына. 23 апр. он писал последнему: “Умоляю тебя, Господа ради, останови ты книги, кои в течение твоего министерства созданы против Церкви, власти царской, против всякой Святыни и в коих возвещается революция.” 25 апр. на квартире гр. Орловой он предал анафеме пришедшего туда, Голицына. Митр. Серафим решительно выступил перед государем против министра, Когда император послал к нему гр. Аракчеева и уговаривал помириться с Голицыным, — митрополит ответил отказом и просил передать монарху, что готов оставить свою кафедру.

Последовал 15 мая 1824 г. Высочайший указ об увольнении Голицына, по его прошению, от управления министерствами духовных дел и народного просвещения, с оставлением “главноуправляющим над почтовым департаментом.” Главное управление делами иностранных исповеданий было поручено новому министру народного просвещения адмиралу А. С. Шишкову. Дела св. Синода повелено было “иметь то же течение, в каком они находились до учреждения министерства 24 окт. 1817 г..” Обер-прокурору кн. Мещерскому оставлено было министерское право непосредственного сношения с Верховною властью. Личный состав Синода изменился. Члены его, сочувствовавшие Голицыну, были уволены. В числе новых был владыка *Евгений*, тогда уже (с 1822 г.) митр. киевский. Поколебалось положение

владыки *Филарета*. Шишков настаивал на запрещении его катехизисов (полного и краткого) на том основании, что в них не только тексты св. Писания, но даже молитвы “Верую” и “Отче наш” и Заповеди переведены были на “простонародное наречие.” Владыка Филарет горячо возражал, указывая на признание его катехизисов Синодом. Но продажа и издание катехизисов были приостановлены; новое издание их — уже со славянскими текстами — последовало в следующее царствование в 1827 г.

Митрополит московский *Платон* скончался в ноябре 1812 года. Он пережил страшные испытания Отечественной войны и начавшееся поражение Наполеона. Последнее он предвидел, что явствует из его писем к имп. Александру. Посылая ему в самом начале войны образ преп. Сергия Радонежского, устроенный из гробовой доски Святого и сопутствовавший Петру I в его походах, старец митрополит писал, что “кроткая вера, сия праща Российского Давида, сразит внезапно главу крови жаждущей гордыни Наполеона.” Письмо же от 23 июля заканчивалось так: “Государь, Вы, по духу христианского благочестия, благословили нововооружаемых героев принесенной Вам от меня иконой Чудотворца Сергия. Много может молитва праведного споспешествуема. Покуситесь алчный враг простереть за Днепр злобное оружие, и этот фараон погрязнет здесь полчищем своим, яко в Чермном море. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку — страшно выговорить — реку крови человеческой. О! Каждая капля крови воззовет от земли к Небу. — Крови брата твоего взыщу от руки твоея. — Франция познает о Боге-Господе отмщения, а Россия восчувствует, воспоеет к Нему: Авва Отче, Царю Небесный, Ты изведеши, яко свет, правду Монарха и судьбу России, яко полудне.” Когда Наполеон занимал Москву, митр. Платон жил в созданном им вблизи Троицкой Лавры ските Вифании или в Махрищском мон. Получив известие об оставлении врагами Москвы, владыка заплакал и, перекрестясь, сказал: “Слава Богу, Москва свободна, и я теперь умру спокойно!”

В последние годы жизни митр. Платона ближайшим помощником его был викарный епископ *Августин (Виноградский)*, хиротонисанный в 1804 г. во епископа Дмитровского, до этого бывший ректором московских семинарий и академии, настоятелем нескольких монастырей в московской епархии. Владыка Платон передал ему постепенно бремя епархиального управления. Епископ Августин восстанавливал храмы Москвы после осквернения и разграбления их вражеским войском. По смерти митр. Платона он был назначен управляющим московской митрополией с саном архиепископа. Когда он скончался в 1819 г. митрополитом был назначен архиеп. тверской Серафим (Глаголевский). В 1821 г. архиепископом московским был назначен владыка *Филарет (Дроздов)*, до этого занимавший ярославскую кафедру.

Император Александр I в последние годы своего царствования обрел истинную веру, стал смиренным сыном Православной Церкви. Он любил беседы с иноками-старцами. Большую радость доставило ему посещение Валаамской обители. Покидая 1 сентября 1825 г. навсегда столицу, он виделся в это раннее утро в Александро-Невской Лавре с почитаемым старцем Алексием.

Царствование императора Николая I. (1825-1855)

Глубоко верующим и церковным был император Николай I, вступивший в 1825 г. на престол, вследствие отказа от прав на таковой старшего брата, великого князя Константина Павловича, морганатическая супруга которого была полька католичка. Вере Государя чужды

были колебания, искания, умствования; во всем он полагался на волю Божию. В подписанном им 30 апр. 1835 г. завещании своему наследнику, Цесаревичу Александру он писал: “Соблюдай строго все, что нашей Церковью предписывается.”

Император Николай I с большим уважением отнесся к архиепископу московскому *Филарету*, который, согласно его воле, возведен был в сан митрополита в день венчания государя на царство (1826 г.). До 1842 г. владыка Филарет постоянно лично деятельно участвовал в делах Синода. Постоянными членами Синода были, наряду с первоприсутствующим *митр. Серафимом*, и киевские митрополиты: Евгений, после же его кончины в 1837 г., *Филарет*, один из достойнейших иерархов Русской Церкви.

Владыка *Филарет (Амфитеатров)*, род. в 1779 г., четвертый сын многосемейного священника Орловской епархии, в раннем детстве почти “слепенький,” рос под неусыпным уходом бабушки иерея, учившего его грамоте и любви к храму. Службу свою он начал с учительства в родной севской семинарии, потом был ректором нескольких семинарий, сначала претерпев много тяжелого от своих епархиальных архиереев. Потом, будучи очень близок с митр. Филаретом, когда он еще и не занимал высокого положения, он был недолго инспектором преобразованной петербургской академии, где в 1814 г. удостоен степени доктора богословия, затем ректором московской академии. В 1819 г. он был рукоположен епископом калужским, потом святительствуя в епархиях рязанской, казанской, ярославской и киевской. Владыка был истинным подвижником, непоколебимым в православии, строго державшимся консервативного направления во всех церковных делах. Мудрый наставник, ревнитель святого подвижничества, монахолюбец, аскет, нищелюбец, он сам так определял свой образ действий: “Идти всегда прямым путем, это было моим постоянным правилом, и было хорошо. Часто случалось мне, с самых первых пор службы, бывать в большой тесноте обстоятельств: и сверху давят, и со стороны теснят, а я все держался одного прямого пути и так рассуждал: как люди не хитрят и ни усиливаются, а Бог всех перемудрит и пересилит.”

Всех членов Синода, по штатам 1819 г., было семь с присутствующими по вызову из епархий. Обер-прокурором первое время оставался кн. Мещерский, которому государь подтвердил его право непосредственного доклада ему. Но иногда первоприсутствующий митр. Серафим испрашивал личные доклады. В декабре 1827 г., по делу некоего Поваловского, касавшемуся расторжения его брака, государь согласился с мнением обер-прокурора, расходившимся с решением Синода. После же личного доклада митр. Серафима, имп. Николай на донесении, последним представленном, написал: “Если б в записке, мне представленной, дело было столь же ясно изложено, как здесь: то я бы не остановился согласиться с мнением свят. Синода; — впредь обер-прокурору быт осмотнительнее в отправлении своей должности; и когда бывает в недоумении, спрашивать моего разрешения.” В 1828 г. митр. Серафим объявил Синоду Высочайшую волю о переводе пермского епископа Дионисия в другую епархию и о назначении на место его “другого архиерея с большею твердостью.” Необходимость для кн. Мещерского, по семейным обстоятельствам, часто уклоняться от дел побудила государя назначить 2 апр. 1833 г. обер-прокурором Степана Дмитр. Нечаева.

Нечаев был хорошо знаком с церковными делами, т. к. до этого пять лет работал в канцелярии обер-прокурора. Он, как и его предшественник, старался усилить власть обер-прокурора. Положил он основание установлению особого контроля, подчиненного обер-прокурору, для проведения строгой отчетности в многочисленных суммах, находившихся в распоряжении духовного ведомства. Намеревался Нечаев дела униатские и раскольничьи сосредоточить в обер-прокуратуре, но не получил на это согласия государя. Ставшее известным, установленное им наблюдение за епархиальными архиереями и все большее проявление власти вооружило против него членов Синода. Частые его отлучки к тяжело болевшей в Крыму жене отражались на ходе дел. “От имени высшего церковного учреждения,” — пишет Благо-

видов, — “был составлен всеподданнейший доклад, где св. Синод просил государя дать Нечаеву, как человеку обширных государственных способностей, другое, более высокое назначение, а обер-прокурором назначить товарища министра народного просвещения, графа Протасова, известного своим усердием к православной церкви. Первенствующий синодальный член, петербургский митрополит Серафим, после долгих колебаний, осмелился вручить составленный доклад непосредственно самому государю. Николай Павлович, хотя и отнесся не совсем благосклонно к неожиданной просьбе Синода, но нашел возможным удовлетворить ее и 25 июня 1836 г. дал на имя Сената Высочайший указ о назначении Нечаева в пр. Сенат, с пожалованием в тайные советники и оставлением членом комиссии духовных училищ” (Благовидов ссылается на Архив св. Синода 1836 № 744).

Граф Николай Александрович Протасов состоял на военной службе до 1834 г., после чего занимал должности по министерству народного просвещения, исправлял обязанности товарища министра и заведующего белорусским округом. Незадолго до своего назначения он исполнял временно обязанности государственной власти в церковном управлении. Как отмечает Благовидов, назначение его встречено было в духовном мире с большою радостью и наилучшими ожиданиями; приводит он соответствующие выдержки из писем митрополита Филарета московского, архиеп. Антония (Смирницкого) воронежского, архиеп. Игнатия (Семенова) олонецкого, и др. Вступив в исполнение своих обязанностей Протасов, стал в отношении Синода проводить политику Нечаева, но еще с большей настойчивостью. В 1839 г. Протасов получил позволение поднести на Высочайшее утверждение составленные им проекты: 1) указа св. Синоду об упразднении комиссии духовных училищ, 2) положение о духовно-учебном управлении при св. Синоде, 3) положение о хозяйственном управлении при св. Синоде и 4) указа Сенату о соединении отделения духовных дел православного и греко-униатского исповеданий с канцелярией обер-прокурора. Благовидов пишет, что утверждение государем этих проектов упрочило за обер-прокуратурой преобладающее влияние на всю систему церковного управления, создав для обер-прокурора положение фактического министра духовного ведомства.

Отдельные члены Синода не всегда соглашались с мнением Протасова. Благовидов приводит такие случаи. Митр. московский Филарет сумел настоять на недопущении в духовных учреждениях учебного руководства герменевтики, составленного ректором петербургской духовной академии Афанасием, соответственно взглядам Протасова. Духовник царский прот. Музовский не согласился в 1839 г. с, поддержанным членами Синода, предложением Протасова об усилении ограничений прав священнослужителей, слагающих с себя духовный сан. Государь, признавая звание священническое столь важным, что “должно затруднять добровольное оного сложение,” не согласился, сколь это ему ни прискорбно, с мнением Музовского.

“Еще милосердный Господь хранит православный русский народ от горьких следствий свободомыслия,” — писал Протасов в секретной всеподданнейшей записке от 14 ноября 1842 г., — “еще преданность отечественной вере жива в сердцах его; но тем заботливее должны быть блюстители веры и тем тщательнее должны извлекать всю пользу из уроков прошедшего для: охранения начал, на коих зиждется религиозное воспитание юношества, особенно духовного... К сожалению, не можем скрывать от себя, что и у нас начала сии были нарушены.” Первым сеятелем чуждых понятий на ниве образования духовного юношества Протасов считал Феофана Прокоповича. В 1836 г. проведено было крупное преобразование воспитания духовного юношества, о чем будет сказано в особой главе, как и о деле прот. Павского, провидимому, вызвавшем неприсутствие в Синоде с 1842 г. митрополитов московского и киевского.

Ревностно относившийся к своим обязанностям, властный Протасов не раз расходился с митр. Филаретом (Дроздовым). Но это не препятствовало последнему оставаться главным средоточием всей русской церковной жизни того времени. Протасов так говорил о митр. Филарете: “Слушаются иногда дела, почти неразрешимые, возникают обстоятельства сомнительные, поднимаются вопросы щекотливые. .. Мы думаем, думаем, — и ничего не придумаем. И вот я, пользуясь его правилом не отказываться ни от какого труда, соберу все бумаги к разрешению задачи, запечатаю, напишу “в собственные руки,” в: прав. Святой отец все обсудит, обделаает и скорехонько мне возвратит” (Сумароков). Знаменский пишет о владыке Филарете: “С 1850 годов его руководительно-административное значение проявлялось в шумно широких размерах, которые не ограничивались пределами одного церковного ведомства, а захватывали чуть не всю русскую жизнь. При взгляде на много томное издание его писем, мнений и отзывов по самым разнообразным делам становится даже непонятным, когда этот крепкий и многосторонний ум успевал все это обдумать.”

Митр. Филарет киевский в последние годы царствования имп. Николая I не принимал непосредственного участия в делах высшего церковного управления. Он устраивал и далее свою обширную епархию, поддерживал, по прежнему, монашество. За десять лет до кончины он тайно принял схиму. *Митр. петербургский Серафим* скончался в 1843 г. Государь пожелал, неожиданно для всех, видеть его заместителем тогдашнего архиепископа варшавского Антония (Рафальского), сына священника волынской епархии, окончившего только волынскую семинарию. Известен он был государю, по отзывам гражданских властей, как ревностный пастырь, в особенности проявивший себя когда, по его убеждениям, все монахи Почаевского мон., возвращенного православным, отреклись от унии. В 1833 г. Антоний, в сане архимандрита, назначен был наместником сей обители. В 1834 г. он был поставлен во епископа, тогда образованной, варшавской епархии. Принимая его, после хиротонии, император сказал ему: “Преосвященный, я слышал про вас много похвал и с нетерпением желал видеть вас, но вы превзошли все похвалы и мои ожидания.” Необыкновенным благоразумием и истинно-христианской любовью владыка Антоний блестяще выполнил свое назначение в католическом крае, где положение его было особенно сложно. В Петербурге он своею обходительностью и добротой расположил к себе всех. Скончался он в 1848 г. Государь сказал: “Да, у меня митрополит будет, но Антония уже не будет” (Прав. Бог. Эн.). Заместителем его был владыка *Никанор* (Клементьевский), до этого епископ Ревельский, калужский, минский, волынский и архиепископ варшавский.

Граф Протасов умер 15 янв. 1855 г. На докладе о сем Карасевского, исполнявшего обязанности обер-прокурора во время его кратковременной болезни, государь написал: “Искренно и душевно скорблю о потере этого достойного и верного слуги, которого столь долго знал и уважал.” 18 февраля 1855 г. скончался император Николай I. Архиепископ рижский Платон (Городецкий), впоследствии митрополит киевский, говорил И. Палимпсестову, после его кончины: “...Император Николай Павлович всем сердцем был предан всему чистокровному русскому и в особенности тому, что стоит во главе и в основе Русского народа и царства — православной вере. То был истинно-православный, глубоко верующий Русский Царь, и едва ли наша история может указать подобного ему в этом отношении. Припомните последние часы его жизни: так умирать может истинный христианин, истинный сын Православной Церкви.”

Царствование императора Александра II. (1855-1881).

В первое десятилетие царствования императора *Александра II* (1855-81) продолжал занимать выдающееся место в рядах иерархии митрополит московский *Филарет*. “К нему,” пишет Знаменский, “как к последней инстанции, для решения всяких недоумений обращались с вопросами и Св. Синод, и разные государственные ведомства, и сама верховная власть. В тревожное время разнообразных реформ 1860-х годов осторожная и осмотрительная консервативность московского святителя спасала русскую жизнь от многих лишних увлечений преобразовательного движения и оказала услуги, которые еще трудно пока и оценивать.” Владыке поручено было царем составление манифеста 19 февраля 1861 т. об освобождении крестьян от крепостной зависимости. 7 авг. 1867 г. церковная и государственно мыслящая Россия торжественно праздновала 50-летие его епископства. В рескрипте государя на его имя, в числе прочего, говорилось: “Высокие дарования, замечательные ученые труды, неустанная деятельность на благо духовного образования, строгое христианское благочестие открыли вам путь к высшему иерархическому поприщу.” Константинопольский патриарх Григорий VII писал митрополиту: “Не одними русскими, но и всеми, так сказать, повсюду сущими православными чтится всегда с благоговением ваше славное и достойное имя...” Поэт Ф. И. Тютчев был на торжестве, происходившем в Троице-Сергиевой Лавре. В письме к жене он так пишет о святителе: “...Мое место в приемном зале было в двух шагах от кресла, стоя перед которым провел он большую часть времени, принимая подносимые ему адреса и поздравления. Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существа, но с глазами полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал над всем, что происходило вокруг него...” (“Рус. Арх.” 1899. т. III). 19 окт. 1867 г. митрополит Филарет скончался.

В январе 1868 г. московским митрополитом был назначен архиепископ камчатский, Курильский и алеутский *Иннокентий (Попов-Вениаминов)*, известный своей миссионерской деятельностью, которую продолжал и в Москве. О ней будет сказано в особой главе. Владыка заботился о благоустройстве духовно-учебных заведений. “Он привлек к себе не только любовь духовенства, но и паствы, своей добротой, доступностью, простотой обращения. Он явил в себе образ любвеобильного отца-пастыря” (“Прав. Бог. Энц.”). Замечательно его сочинение “Указание пути к царству небесному,” написанное на русском, славянском и инородческих наречиях. Скончался владыка 31 марта 1879 г.

В 1879 г. московскую кафедру возглавил владыка *Макарий (Булгаков)*. Родившийся в 1816 г., сын сельского священника Курской г., он был впоследствии знаменитым богословом и историком, членом академии наук и почти всех русских ученых археологических и исторических обществ. Окончив киевскую академию, имея там выдающихся наставников богословов Иннокентия (Борисова) и Димитрия (Муретова), будущих архиепископов херсонских, он преподавал в ней историю церковную и гражданскую. Был он инспектором и ректором петербургской академии, с возведением в 1851 г. в сан епископа. Занимал он затем кафедры тамбовскую, харьковскую и литовскую. Его главные труды: “Введение в Богословие,” “Догматическое богословие,” “История Русской Церкви” в тринадцати томах. “К научному и всякому умственному труду Макарий относился всегда с особенною симпатией и всем труженикам науки всегда оказывал самое энергическое моральное, а часто и материальное содействие, завершившееся пожертвованием в академию наук всех денег, вырученных от продажи его сочинений, в количестве 120.000 руб., на премии за лучшие ученые и учебные сочине-

ния... В 1869 г. им пожертвовано на премии за лучшие сочинения киевской академии 25000 р.” (“Энци. Сл.”). Митрополит Макарий скончался в 1882 г.

Митрополит киевский *Филарет (Амфитеатров)* скончался в 1857 г., имея радость незадолго до кончины принимать в Лавре императора Александра II и его благочестивую супругу императрицу Марию Александровну. Преемниками его были до 1860 г. владыка *Исидор (Никольский)*, затем владыка *Арсений (Москвин)*, до этого возглавлявший кафедры тамбовскую, подольскую и волынскую. Опытный администратор, он отличался большою любовью и заботливостью в отношении монашества, много трудов положил на борьбу с молоканами. После его кончины в 1876 г. митрополитом был назначен архиепископ тверской *Филофей (Успенский)*.

После кончины, в 1856 г., митрополита Никанора петербургскую кафедру возглавил владыка Григорий (Постников), ранее управлявший епархиями: калужской, рязанской, тверской и казанской (1784-1860). Окончив только что преобразованную Петербургскую Академию, он был потом ее ректором. Ему обязаны своим возникновением три духовных журнала: в Петербурге — “Христианское чтение” и “Духовная беседа,” в Казани — “Православный Собеседник.” Казанская академия обязана ему развитием своего миссионерского отделения. В Твери он часто посещал места, населенные раскольниками, их скиты и часовни, Е: сам вступал в беседы и прения с заблуждающимися. Был он доктором богословия. С. Рункевич пишет, что владыка “отличался широким образованием, твердостью в догматах и преданиях, ревностью к церковной службе и соблюдению церковного устава, проповедничеством, заботами о водворении мира и любви между пастырями и пасомыми... строгим аскетизмом и тою прямою характера, которая не допускала его быть причастным какой-либо партии. Он всегда был сам по себе и не стеснялся никому говорить правду открыто. Ни к кому он никогда не применялся, а между тем неуклонно шел по пути повышений, потому что умственная и нравственная сила делали то, что без него не могли обойтись. В бытность ректором академии и викарием (епископом Ревельским) ему пришлось принимать участие в руководящих сферах тогдашних религиозно-философских петербургских направлений — сначала мистицизма, а потом борьбы с ним. В бытность митрополитом он вступал в литературную полемику с развивавшимся тогда противоборием (“Прав. Богосл. Энци.”). Архиепископ Филарет в своем “Обзоре рус. дух. лит.” приводит письмо владыки Григория, писанное в 1844 г.: “Связь с Петербургом я разорвал еще с 27 г.; никогда не чувствовал нужды в возобновлении ее и теперь конечно уже не возобновлю, потому что чем далее, тем живее чувствуется потребность связи с вечною столицею... Глубоко проник дух мира всюду. Старая дисциплина крайне ослабевает. Мы придумываем все меры укрепить ее: но дух, идущий со стороны, сильнее нас. Нет иного способа, как бороться неутомимо, пока есть силы и возможность. Да будет с нами Бог!” Митр. Григорий скончался в 1860 г.

Заместителем его был владыка *Исидор (Никольский)*, перемещенный из Киева. Петербургскую кафедру он возглавлял 32 года. Сын диакона тульской епархии, род. в 1799 г., он окончил Петербургскую академию, был ректором орловской и московской семинарий; в 1834 г. был рукоположен митр. Филаретом во еп. Дмитровского, викария московского. Был он затем епископом полоцким, могилевским, помогая митр. Иосифу (Семашко). С 1844 г. владыка назначен был экзархом Грузии и в течение 14 лет устраивал сию древнюю Церковь. Любимым предметом научных занятий владыки было Св. Писание; принимал он участие в переводе Библии на русский язык. “Сам с первого года своей жизни сирота, митр. Исидор был внимателен к бедным и щедр на благотворение; человеколюбие и благотворительность составляют самое лучшее и видное украшение личного характера митр. Исидора. Особенно он много вложил забот в Импер. Человеколюбивое общество, главным попечителем которого он состоял 32 года” (“Прав. Бог. Энци.”).

В устройстве Св. Синода последовали перемены: учреждено при нем в 1867 г. контрольное отделение, учреждено в том же году, вместо духовно-учебного управления, новое средоточие для духовно-учебного ведомства — учебный комитет, в роде прежней комиссии духовных училищ, в 1872 г. установлены для синодальных учреждений новые штаты.

После смерти гр. Протасова обязанности обер-прокурора в течение года исполнял его ближайший помощник А. И. Карасевский. В дальнейшем должность эту занимали: гр. А. П. Толстой (1856-62), ген. адют. Ахматов (1862-65), гр. Д. А. Толстой (1865-80) и К. П. Победоносцев в самом конце царствования императора Александра II.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823-89) был видным государственным деятелем, службу свою начал в департаменте духовных дел иностранных исповеданий, через год после занятия должности обер-прокурора, назначен был и министром народного просвещения. Твердый администратор правых убеждений, он провел значительное усиление преподавания древних языков в гимназиях. При нем произведено было преобразование духовно-учебных заведений. С 1882 г. он состоял президентом академии наук.

Число епархий увеличивалось. В первой половине XIX в. особенно известны были иерархи: *Антоний (Смирницкий)*, архиеп. воронежский, явившийся в мире живым напоминанием о выполняемых заповедях Христовых, называвший себя “служкой святителя Митрофана,” мощи которого при нем и были прославлены (†1846 г.). *Мелетий (Леонтович)*, архиеп. харьковский (†1835 года), нетленно почивающий в гробу (†1840). *Евфимий (Беликов)*, еп. саратовский (†1863). *Михаил (Добров)*, еп. оренбургский (правивший в 1831-35 годы). *Антоний (Амфитеатров)*, архиеп. казанский, воспитанный своим праведным дядей митр. Филаретом киевским (†1879). *Иаков (Вечерков)*, архиепископ нижегородский (†1850). В 1827 г. затворником на покое в Кирилло-Белозерском мон. преставился еп. пензенский *Амвросий (Орнатский)*. Все они отличались особой праведностью и глубоко почитались.

Херсонская и таврическая епархии возглавлялись с 1848 г. выдающимся иерархом, архиеп. Иннокентием (Борисовым), до этого правившим вологодской и харьковской епархиями. Род. в 1800 г. сын священника орловской епархии, он окончил первым Киевскую Академию; рано развился в нем дар проповедничества. Педагогическая деятельность его началась в петербургской семинарии; был он потом инспектором и профессором Петербургской Академии, сумевши оживить своими статьями и проповедями журнал “Христианское чтение.” Преподавал он богословие основное, догматическое, нравственное, пастырское, обличительное. Будучи доктором богословия, он назначен был ректором родной Киевской Академии. “И здесь его гений сразу приподнял внутреннюю жизнь академии. В ней началась небывалая умственная деятельность и то десятилетие, в течение которого во главе ее стоял Иннокентий, справедливо может быть названо самым блестящим периодом ее истории... Повсюду оставил он по себе добрую славу мудрого администратора, неутомимого проповедника и просветителя. Особенно любил он вновь устраивать монастыри, строить и украшать церкви; много заботился об улучшении материального быта и подъеме образования сельского духовенства. Много хорошего сделал он (в Одессе) для славян и греков.” (“Прав. Бог. Эн.”). Он поддерживал оживленную переписку с очень многими архиереями и был в близких отношениях с современными ему четверьмя обер-прокурорами. Архипастырское мужество проявил владыка во время крымской кампании, посетив Одессу и Севастополь во время его осады. Скончался архиеп. Иннокентий в 1857 г.

Митрополит *Гавриил* (Банулеско-Бодони), сын молдавского дворянина (1746-1821), получивший богословское образование в Греции, преподававший в Яссах, с 1789 г. связанный с Россией, бывший членом Св. Синода. С 1813 г. он правил новой кишиневской епархией, устроил церковное управление во вновь приобретенной Бесарабии.

Царствование императора Александра III. (1881-1894).

Император Александр III, будучи глубоко религиозным, особенно ревновал о благе Церкви. Ближайшим его сподвижником был обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, в молодые годы преподававший ему законоведение. В церковных и государственных вопросах они были единомышленны. Царствование благочестивого Государя ознаменовано церковными преобразованиями, о чем будет упомянуто ниже.

После кончины в 1882 г. митр. Макария московскую кафедру возглавил владыка *Иоанникий (Руднев)*. Сын бедного диакона тульской епархии, род. в 1826 г., он окончил Киевскую академию, приняв перед ее окончанием постриг, причем восприемником его по монашеству был подвижник иеросхимонах Парфений. Во иеродиакона рукополагал его митр. Филарет. Первые 15 лет своего служения он посвятил педагогической деятельности, будучи в течение этого времени ректором киевской и петербургской академий. Последние 35 лет жизни Иоанникий служил Церкви в должности архиерея в пяти епархиях. В отношении подчиненных и учащихся он проявлял правду и милость, любовь к истине. Испытав нужду и лишения в юные годы, владыка проявлял горячее сострадание к бедным и вообще несчастным. Будучи архиереем, в Саратове и Нижнем Новгороде, он основал братство св. Креста для распространения истинно-христианского духовного просвещения, преимущественно в низших классах населения. Братство помогало архипастырю и в обращении раскольников. Будучи экзархом Грузии (1877-82), владыка Иоанникий сумел водворить и поддерживать мир в разноплеменной и легко возбудимой пастве. В Москве им основано было Кирилло-мефодиевское братство для распространения православного образования и просвещения среди народа. В 1891 г. владыка Иоанникий переведен был в Киев. С 1891 по 1893 г. московской епархией правил митр. *Леонтий (Лебединский)*, до этого архиепископ варшавский. Заместителем его был владыка *Сергий (Ляпидевский)*, ранее архиеп. херсонский.

После кончины в 1882 г. митр. Киевского Филофея его преемником был, по почину самого Государя, владыка *Платон (Городецкий)*. Сын священника тверской епархии, род. в 1803 г., он окончил киевскую академию, был преподавателем и инспектором петербургской академии, ректором костромской семинарии. Пробыв викарием литовской и псковской епархий, он занимал потом кафедры: рижскую, донскую и херсонскую, всюду проявляя свои административные способности. В Риге он укреплял православие, во Пскове деятельно боролся с расколом. В Донской епархии основывал единоверческие приходы и обращал в православие калмыков; в Киеве боролся с штундизмом. При нем в Матери городов русских торжественно праздновалось 900-летие Крещения Руси. Скончался митр. Платон в 1891 г. Преемником его был митрополит Иоанникий (Руднев).

В 1892 г. скончался митрополит с. петербургский и ладожский Исидор, состоявший в сане священном 67 лет, в епископском — 58, в сане митрополита — 36 лет, служивший при четырех императорах. Докладывая государю о кончине митр. Исидора, последовавшей от случайного заражения крови на руке, обер-прокурор Победоносцев, писал: “Трудно заменить этого старца. Он был учен, разумен, обладал громадную памятью и опытностью в делах. Взгляда был в делах широкого, чем многим отличался от многих духовных, и потребность данной минуты понимал сразу своим практическим житейским смыслом; и так в делах синодских был он твердой опорой для разумных распоряжений. Притом был невозмутимо спокоен, всегда весел и при добром сердце и уме обладал свойством всякой доброй русской натуры — юмором живым, но беззлобным.” После него петербургскую кафедру возглавил вла-

дыка Палладий (Раев), экзарх Грузии (1887-92), до этого архиепископ казанский. В занимавшихся им ранее тамбовской и рязанской епархиях он основал миссионерские противораскольничьи общества. В Грузии владыка реставрировал многие памятники церковной старины.

Выдающимися иерархами во второй половине XIX в. были: архиепископы херсонские Димитрий (Муретов), ум. в 1883 г. и Никанор (Бровкович), ум. в 1890 г.; Феофан (Говоров) еп. владимирский, впоследствии затворник Вышенский, ум. в 1894 г.; Арсений (Иващенко), еп. кирилловский, составивший “Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные события от рожд. Христова до 1898 г” (1830-1908); Арсений (Брянцев), архиеп. харьковский, до этого рижский и казанский; Димитрий (Самбикин), архиеп. казанский, ранее тверской, составивший “Месяцеслов русских святых, всею русскою церковью или местно чтимых” (1839-1908); Ювеналий (Половцев), архиеп. литовский, ранее еп. курский (1826-1904); Михаил (Грибановский) еп. таврический, видный богослов, рано скончавшийся (1898). В бытность его еще инспектором петербургской академии, Победоносцев так определил его в письме к имп. Александру III: “Это человек прекрасной души, ясного взгляда, ученый, образованный, благочестивый.” Харьковскую епархию 19 лет возглавлял ревностный архиеп. Амвросий (Ключарев) известный проповедник (†1901 г.). Николай (Касаткин), архиеп. японский, с 1860 г. миссионерствовавший в Японии, скончавшийся в 1911 г.

Обер-прокурором в течение всего царствования императора Александра III был *Константин Петрович Победоносцев* (1827-1907). Дед его был священником московской епархии, отец — профессором московского университета. Образование он получил в Императорском Училище Правоведения, службу начал в Сенате, был потом профессором московского университета; его труд “Курс гражданского права” считается выдающимся; был он впоследствии почетным членом московского, петербургского, киевского, казанского и Юрьевского университетов и французской академии; при назначении обер-прокурором был уже сенатором и членом Государственного Совета. Его “Московский Сборник” ярко и отчетливо раскрывает ложь и вред современных ему политических и общественных движений, его проникновенные “Господские праздники” выявляют его глубокую религиозность. “Он имел и своих горячих сторонников, и противников. Но для церкви православной, которую он любил со всей силой своей богатой души, им сделано было столько хорошего, столько важного, что признание его великих заслуг для нее может быть утверждено и теперь. В этом отношении можно привести мнение лица, совершенно беспристрастного и непартийного и, вместе с тем, пользующегося известностью серьезного журналиста (Б. В. Глинский): “Сам вышедший из духовной среды, не порвавший с нею ни внешней, ни внутренней связи, человек горячо верующий и страстно и убежденно исповедующий православие, человек обширного ума и громадной эрудиции, лицо, приближенное ко Двору и имеющее непосредственный доступ к Престолу и Царской Семье ... он авторитетно и властно заявил и правительству и обществу: встаньте пред православным священником, поклонитесь с почтением и любовью перед его саном и отнеситесь благоговейно к той трудовой и полной сокровенного и высшего значения крестной ноше, которую он несет” (“Полный Прав. Бог. Энцикл. Сл.” т. II. Дополнения. 1913).

В жизни церковной царствование императора Александра III ознаменовано существенными мероприятиями. Положено твердое начало по обеспечению всего духовенства жалованием. Установлены новые оклады жалования для войскового духовенства. Утвержден новый устав духовных консисторий. Возвышены оклады педагогическому персоналу духовно-учебных заведений. *Духовенство поставлено во главе дела народного образования.* Восстановлены многие, прежде закрытые, приходы. Увеличилось числа общин и монастырей. Оживилась деятельность духовенства созданием братств и обществ распространения религиозно-нрав-

ственного просвещения. Получило широкое развитие дело издательства духовно-нравственных книг для народа и открыто много духовно-народных библиотек. Созывались съезды: епископов — в Киеве, Петербурге, Казани и Иркутске; миссионерские всероссийские в Москве и окружные. В Киеве в 1894 г. происходил съезд преподавателей церковно-приходских школ. Заведены миссионерские курсы и учреждены особые кафедры при семинариях по изучению раскола и сектантства. Учреждены новые епархии: екатеринбургская, владикавказская, финляндская и забайкальская, и четыре новые семинарии (“Прав. Бог. Энц.” т. I.).

Царствование Императора Николая II.

Император Николай II (1894-1917) всецело воспринял мировоззрение любимого Отца, Царя Миротворца, преклонялся перед покорностью Промыслу Божию Прадеда, императора Николая I, в историческом прошлом люб был ему Тишайший Царь Алексей Михайлович. Свойственная этим монархам глубокая вера и преданность Церкви были в полной мере сродственны Государю, вступившему 21 окт. 1894 г. на престол в 26-летнем возрасте.

Владыка Антоний (Храповицкий), епископ волынский, вскоре почувствовал духовную красоту юного государя. В разгар разгоравшейся большой смуты, он 21 окт. 1905 г. произнес в житомирском соборе проповедь, в которой выявил личность и свойства Императора Николая Александровича, подтверждая слово свое примерами. Обращаясь к русскому народу, архипастырь взывал: “...Часто ли встречал такую силу веры среди людей знатных и богатых и укажешь ли мне во всей вселенной нечто подобное в жизни царей, именующих себя христианами? Учись же у своего Царя вере, умилению и молитве. Искреннее благочестие остается неполным, если не украшается любовью и состраданием к ближним. И сию любовь наш Государь проявил в первые же месяцы по своем воцарении, когда, по примеру всероссийского праведника отца Иоанна Кронштадтского, начал повсюду учреждать дома трудолюбия для бедных, ибо именно в этом нуждается городская беднота.” В осиянии приснопамятного отца Иоанна Прошла первая половина царствования Государя. По преставлении сего праведника 20 дек. 1908 г., по почину Государя, возвещенному в тот же день в рескрипте на имя митрополита петербургского и ладожского Антония (Вадковского), установлено было особое ежегодное поминание дня его кончины.

Царствование императора Николая II ознаменовано прославлением ряда святых. Развивалась особенно церковная жизнь, Государю столь близкая, понятная и дорогая. Усиливалось миссионерство. Понималось Им значение древности церковной и проявлял Он заботы о ней; ценил стародавние иконопись, зодчество, пение. В 1901 г. был Высочайше утвержден Комитет попечительства о русской иконописи, под председательством гр. С. Д. Шереметева. Ревновал Государь о развитии церковно-приходских школ, в чем ставило ему препоны либеральное большинство Государственной Думы. Государем был утвержден устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам.

С 1905 г. велась подготовительная работа по созыву Церковного Собора. По высочайшему повелению образовано было в январе 1906 года предсоборное присутствие. Председателю такового, митрополиту петербургскому Антонию, Государь писал: “С глубоким вниманием слежу Я за подготовительными работами к предстоящему Поместному Собору Русской Православной Церкви. Да благословит Господь ваши труды к обновлению нашей церковной жизни.” Присутствие выработало ряд важных постановлений, которые были предоставлены на благоусмотрение Государя. В 1912 г. учреждено было предсоборное совещание для дальнейшей разработки этих вопросов. Наступившая в 1914 г. война задержала созыв Собора.

В 1913 году, когда праздновалось 300-летие Дома Романовых, Государь, подчеркивая важность высшего духовного образования, наименовал Духовные Академии Императорскими. Государь даровал полную свободу исповедания старообрядцам. Поощрял Он всячески развитие деятельности Императорского Палестинского общества, дававшего возможность большому числу богомольцев из всей России совершать дешево и удобно паломничества в Святую Землю.

В 1898 г. скончался *московский* митрополит Сергей. В Москву назначен был владыка *Владимир* (Богоявленский), экзарх Грузии. Сын священника Тамбовской епархии, род. в 1847 году, он окончил Киевскую Духовную Академию, преподавал в родной тамбовской семинарии; овдовев, принял монашество; был настоятелем Троицкого м. в г. Козлове; в 1888 г. был хиротонисан во епископа Старорусского, викария новгородского, с пребыванием в Новгороде. Для понимания дальнейшей архипастырской деятельности этого достойнейшего иерарха, показательно начало его архипастырской деятельности, о которой сохранилось такое повествование: “Этот, ныне заглохший, а в древности столь шумный город, сделался колыбелью славы молодого Владыки; епископство в этом городе послужило для преосв. Владимира прекрасной школой и подготовкой для самостоятельной деятельности в самом недалеком будущем. В безусловной скромности, в простоте и прямоте Владыка нес бремя возложенного на него служения. Здесь он проявил в высшей степени оживленную и энергичную архипастырскую деятельность, а вместе — и особое умение, такт в общении со всеми, соединенные с любвеобильной отзывчивостью к нуждам паствы и духовенства. — В особенности преосв. Владимир заботился о развитии церковного учительства. Еще будучи приходским священником, он придавал большое значение церковной проповеди, причем особенно обращал внимание на внебогослужебные беседы, в которых усматривал верное средство для духовно-нравственного просвещения прихожан и доброго воздействия на их жизнь. И тогда уже показал себя выдающимся церковным проповедником ... Выступая на амвоне со словом проповеди, он оживлялся до неузнаваемости: его тихий голос, простая, естественная форма речи не давала ничего любителю слога и громких фраз но каждая проповедь являлась согретою огнем глубокой сердечной искренности, так была назидательна, что производила изумительное впечатление, неотразимо увлекая слушателей ... Благолепие, которым стало отличаться при нем архиерейское служение, еще усиливало впечатление и привлекало к Владыке сердца, так что, когда настало время расстаться с Новгородом, новгородцы проводили своего епископа со славой и искренним, глубоким сожалением” (Правосл. Вогосл. Энцикл. т. III). Столь же плодотворную и неутомимую деятельность развивал он, будучи с 1891 г. епископом самарским и с 1892 г. экзархом Грузии. В Самаре он проявлял исключительную и самоотверженную деятельность во время народных бедствий (голода, холеры). Введение им в Грузии проповедей способствовало сближению неправославных этого края с православными. Развил он там и церковно-строительное дело; им построено и возобновлено более 100 храмов. В Москве с его именем связаны благолепные богослужения, сильные поучительные проповеди, широкая просветительная работа, борьба с народным бедствием — пьянством. В смутные годы начала XX века митр. Владимир, вдохновленный примерами великих Святителей московских, на протяжении веков выступавших против внутренних врагов государства, безбоязненно восстал против разрушителей России. Проповедь, печатное слово, вразумление малых сих, подпадавших под влияние сил зла — все это он использовал в своем церковно-государственном делании. Владыка написал труд против социализма, подписанный буквами М. В. Ближайшими его помощниками в отечестволюбивой просветительной деятельности были викарный епископ Парфений (Левицкий), буд. архиепископ тульский; архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Никон (Рождественский), буд. архиепископ вологодский; и молодой викарный епископ Анастасий (Грибановский) буд. архиепископ кишиневский и Глава Русской За-

рубежной Церкви. В 1912 г. митр. Владимир возглавил с. петербургскую кафедру. Митрополитом московским был назначен архиепископ томский Макарий (Невский), известный своей замечательной миссионерской деятельностью, именовавшийся “Апостолом Алтая.”

После кончины в 1900 г. киевского митрополита Иоанникия заместителем его был владыка Феогност (Лебедев), архиепископ новгородский, член Св. Синода. Он особенное внимание посвящал развитию церковно-приходских школ. После его смерти в 1903 г., киевскую кафедру возглавил владыка Флавиан (Городецкий), до этого архиепископ харьковский. Он не принадлежал к духовному сословию, учился в московском университете на юридическом факультете; приняв монашество, исполнял, до заболевания своего, трудные послушания. С 1873 по 1884 г.г. состоял членом Духовной Миссии в Пекине, потом ее начальником, основательно изучил китайский язык. Перевел на китайский язык составленное им “Объяснение православного богослужения.” С 1885 г. он был епископом люблинским, архиепископом варшавским, экзархом Грузии и архиепископом харьковским. Архиепископ Антоний (Храповицкий), издавна связанный с ним близкой дружбой, в слове своем при его отпевании 9 ноября 1915 г., подчеркнул его отеческую заботливость к приходскому духовенству, к воспитанникам духовных школ и нарочитое доброе отношение к монахам. “В митр. Флавиане эти смиренные труженики видели своего брата, своего родителя ж заступника, своего доброго попечителя и отца, и притом не только в вверявшихся ему епархиях, но и во всей русской Церкви.” На свои средства митр. Флавиан соорудил в Киево-Печерской Лавре Благовещенский храм, огромную библиотеку, больницу с церковью. В 1915 г. киевскую митрополию возглавил владыка Владимир (Богоявленский), зверски убитый в Киеве в январе 1918 г.

Митрополит с. *петербургский* Палладий скончался в 1898 г. Кафедру возглавил владыка Антоний (Вадковский), до этого первый архиепископ финляндский. Род. в 1846 г. в Тамбовской г., он окончил Казанскую духовную академию, был в ней потом профессором. В Казани он редактировал журнал “Православный Собеседник.” Овдовев и потеряв одновременно детей, он принял постриг. В 1885 г. арх. Антоний назначен был инспектором петербургской Духовной академии, через два года ректором ее и викарным епископом Выборгским. Академия под его руководством достигла большого развития. Владыка работал научно и был утвержден в степени доктора церковной истории. Поручены были ему переговоры с англиканами. В 1897 г. он представлял от Русской Церкви на юбилейном торжестве английской королевы Виктории и имя его широко известно было за границей. В смутные годы он, в отличие от митрополитов Флавиана и Владимира, примыкал к более либеральному течению. Скончался митр. Антоний в 1912 г. Заместителем его был митрополит Владимир (Богоявленский), который в 1915 г. переведен был в Киев, с оставлением его первоприсутствующим членом Св. Синода. Заместителем его был экзарх Грузии *Питирим* (Окнов), ок. киевскую духовную академию, ректор петербургской семинарии, с 1894 г. епископ Новгород-северский, затем тульский, архиепископ курский, владикавказский, самарский, экзарх с 1914 г. Проявлял он заботливость в отношении монастырей. Был сторонником реформы церковного прихода на выборных началах, В 1913 г. Наместник Кавказа гр. И. И. Воронцов-Дашков, выдвигая его в числе кандидатов в экзархи, писал: “Архиепископ Питирим владикавказский высоконравственный, очень заботливый к своей пастве, любим и уважаем как осетинами, так и казаками.” Владыка помещал свои труды во многих духовных журналах.

Другими видными иерархами в это царствование были: *Антоний* (Храповицкий), доктор богословия, род. в 1863 г., дворянин новгородской губ., кончивший с. петербургские гимназию и духовную академию, с 1885 г. иеромонах. Был он инспектором в родной академии, ректором московской и казанской академий, в 1908 г. по Высочайшему повелению ревизовал киевскую академию. В 1897 г. состоялась хиротония его во епископа чебоксарского, викария казанской епархии; возглавлял он епархии уфимскую, вольнскую и харьковскую. В 1917 г.

Всероссийский Церковный Собор избрал его первым кандидатом в патриархи; весной 1918 г. он был избран митрополитом киевским и Галицким, с ноября 1920 г. возглавлял Зарубежную Церковь. Скончался владыка Антоний в 1936 г. С. Рункевич писал о нем в “Прав. Бог. Энци” (1900): “Преосвященный Антоний давно приобрел себе широкую известность как весьма усердный и ревностный распространитель духовного просвещения и богословской науки в народных массах. В Петербургской Академии он был душою кружка студентов-проповедников, разносивших плоды науки по церквам во вне богослужебных чтениях, общественным и частным залам, заводам, тюрьмам, ночлежным домам; такие же кружки он основал в академиях московской и казанской. Противник всяких административных и учебных строгостей и ограничений, преосв. Антоний всегда стремился к достижению выполнения учащимися правил, уставов и программ свободною волею. Провидению угодно было провести его почти по всем академиям, и всюду он оставил после себя заметный след. В 1900 г. издано в Казани полное собрание сочинения преосвященного.” *Арсений* (Стадницкий) доктор церковной истории, оконч. киевскую дух. академию, инспектор и ректор московской академии, в 1899 г. возведенный в сан епископа Волоколамского, vikария московского, возглавлявший кафедры псковскую и новгородскую, архиеп. с 1910 г. Ученый археолог, поборник строгой уставности, оберегатель церковной старины. В 1917 г. был избран вторым кандидатом в патриархи. Николай (Зиоров), род. в 1850 г. кончивший московскую академию; возглавляя епархию алеутскую и североамериканскую проявил плодотворную деятельность, был затем епископом Таврическим, тверским и архиепископом варшавским. Сергей (Старагородский), род. в 1867 г., оконч. с.-Петербургскую Академию; в епископском сане с 1901 г., архиепископ финляндский с 1905 г. Феофан (Быстров), ок. петербургскую академию, ректор ее; возглавлявший кафедры Таврическую, астраханскую и полтавскую (†1940 г.). *Анастасий* (Грибановский), род. в 1873 г., оконч. московскую академию, был ректором московской семинарии, с 1906 г. еп. Можайский, вик. московский. Митр. Антоний, вспоминая в 1935 г. его служение Церкви в молодые годы, писал: “По окончании курса духовной Академии преосвященный Анастасий проводил первые годы своего священнослужения в Москве и скоро же стал любимцем всей паствы за свою строго аскетическую жизнь, которую проходил с замечательным смирением и терпением.” Владыка Анастасий возглавлял епархии Холмскую и кишиневскую, последнюю в сане архиепископа. На Всероссийском Соборе он был избран членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета; с 1935 г. митрополит; с 1936 г. глава Зарубежной Церкви. *Феодор* (Поздеевский), окончивший Московскую Академию и с 1909 г. еп. Волоколамский и ректор родной академии.

Обер-прокурором Св. Синода оставался К. П. Победоносцев, продолжавший неутомимо трудиться на пользу Церкви. Все более чуждым был ему либерализм, захватывавший все большие круги русского общества. Когда в октябре 1905 г. установлен был представительный образ правления, он оставил пост, занимавшийся им в течение 25 лет. Итог его деятельности подвел иерарх тогда уже выделявшийся, расхоронившийся с ним в вопросе о восстановлении патриаршества и не принадлежавший к числу близких к нему лиц. Епископ волынский и житомирский Антоний (Храповицкий) в длинном письме, отправленном ему в ноябре 1905 г., писал: “...Я чтил в Вас христианина, чтил патриота, чтил ученого, чтил труженика. Я сознавал всегда, что просвещение народа в единении с церковью, начатое в 1884 г. исключительно благодаря Вам и Вами усиленно поддерживавшееся до последнего дня Вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее Вашу заслугу Церкви, престолу и отечеству, что в этом деле Вы были нравственно почти одиноким. Вы не были продолжателем административной рутин, как желают представить Вас жалкие, бездарные критики. Напротив, Вы подымали целину жизни и быта, брались за дела, нужные России, но до Вас администрации неведомые... Первое — дело церковно-приходских школ Вы таким об-

разом подняли и вынесли на своих плечах. Второе — приближение духовной школы к духовным нуждам народа, к жизни Церкви — Вы старались выполнить, но здесь наткнулись на слишком неодолимую двухвековую косность самоуверенной и схоластической сословной громады, и хотя не сдвинули ее с места, но значительно поколебали ее в ее самоуверенности и успели внести в нее несколько сильных оздоравливающих лучей церковного и народного духа. Вы подняли над грамотною Россией свет Божественной Библии, распространили слово Божие по дешевой цене на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран. Вы украсили издания книг, святых молитв и песнопений церковных и старались убедить духовенство и общество в том, что послепетровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала наши напевы и богослужения. Вы убедили лучшего из покойных царей наших приказать строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ. Вы оценили высокие качества единоверческих общин, поддержали и ободрили поборников этого единственно надежного моста от раскола к Церкви. Вы умели ценить снедающую ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещеных иноверцев. Вы отыскивали ревнителей веры и Церкви и не стыдились учиться у смиренных тружеников провинции — Рачинского и Ильминского, в то время, когда Царь России имел Вас своим главным советником, а Европа знала Вас как просвещеннейшего профессора и общественного деятеля. Те самые восьмидесятые годы прошедшего столетия, столь ненавистные нынешним ненавистным для России, либералам, но ценные в глазах истинно русского патриота, как годы реформы нравов, те восьмидесятые годы отрезвления русских умов и обращения их к родной забытой старине имели в лице Вашем одного из главных вдохновителей собирания Руси — в области убеждений и нравов — и несомненно Семаго главного — в области преобразований административных, законодательных.. А Победоносцев скончался 10 марта 1907 г.

В течение шести дальнейших лет обер-прокурорами были: кн. А. Д. Оболенский, кн. А. А. Ширинский-Шихматов, один из ближайших сотрудников Победоносцева, управлявший с 1894 по 1903 г. московской синодальной конторой, недолго бывший товарищем обер-прокурора, П. П. Извольский, С. М. Лукьянов. С 1911 по 1915 г. обер-прокурором был, хорошо известный духовенству, *Владимир Карлович Саблер*. Службу в Синоде он начал с 1881 г., занимая должность юрисконсульта, потом был управляющим канцелярией. С 1892 г. по 1905 г. он со стоял товарищем обер-прокурора. Антоний (Храповицкий), еп. волынский, при оставлении им последней должности, писал ему: "...Своей горячей любовью к Божественной службе Вы, можно сказать, поворотили историю русского богослужения, Вы удержали ее от стремительного удаления от богопреданных образцов к западноевропейским чувственным эффектам, под Вашим влиянием церковная служба духовных школ, монастырей и приходов вновь украсилась забытыми сокровищами молитвы, созданными богопросвещенными мужами или, вернее, Святым Духом. Не все духовные лица ценят эти возвращенные церквам стихиры, антифоны и осмогласие, но должны помнить, что, помимо прочего, богослужение и в наше время составляет девять десятых созидующих сил Церкви, а проповедь у нас так скудна и школьное обучение так формально, бедно и далеко от жизни, что едва ли одна десятая воспитывающих сил церкви выполняются этими отправлениями. Но и здесь дело не шло вне Вашего влияния. Благодаря последнему, наши семинарии хоть несколько прониклись началами духовного воспитания и проповедничество стало предметом практических упражнений учащихся. Говорить ли о миссионерской проповеди, о борьбе с ересями и расколом, об утверждении единоверия. Здесь все живое по всей России и далеко за границей носит печать Вашего влияния и покровительства, и все почти миссионеры считают Вас своим личным другом. Строение храмов Божиих, учреждение св. обителей, церковно народная школа — все это двигалось и, можно сказать, дышало Вами... Особенно трогательным, для меня в частности,

являлось то чисто материнское участие,, с которым Вы, никем не побуждаемый, вникали во всякое ходатайство крестьян по своим приходским делам; можно было думать, что Вы сами прихожанин любого села далекого Заволжья или Сибири, откуда приходили малограмотные просьбы приходских уполномоченных. Один маститый иерарх говорил мне, что хотя скопление дел и понуждает всех нас быть подчас чиновниками, но наименее чиновником среди нас являлись всегда Вы, незабвенный Владимир Карлович. Да, будучи по своему званию чиновником Духовного Ведомства, Вы на самом деле были прежде всего сыном Церкви и радетелем ее славы...” Будучи обер-прокурором, Саблер развивал ту же деятельность. Последними обер-прокурорами были А. Д. Самарин, А. Н. Волжин и Н. П. Раев.

Епархиальное управление. Духовенство.

По официальным данным 1904 г., в России были 4: митрополии, 1 экзархат и 62 епархии. Карташев, указывая, что при Петре Великом в России было 15 миллионов православных, в царствование же императора Николая II 115 мил., пишет: “В патриаршем периоде Россия имела 20 епархий с двадцатью епископами. Кончила свой императорский период Русская Церковь при 64:епархиях и приблизительно 40 викариатствах, возглавляемая более чем 100 епископами.”

Епархиальное управление состояло из епархиального архиерея с подчиненными ему вспомогательными лицами и учреждениями, каковы: викарий, консистория, благочинный с благочинническим советом, епархиальные попечительства о бедных духовного звания и депутаты (Попечительства о бедных духовного звания учреждены в 1823 г. при консисториях). Последнее название применялось к духовному лицу, вызываемому при следствии о лицах духовных, к лицам, избираемым в качестве членов на училищные и обще-епархиальные съезды духовенства и командируемым епархиальными начальствами для присутствования в заседаниях земств и городских дум, при разбирательстве гражданских дел, связанных с церковными землями. Глава управления — архиерей, по избрании Св. Синодом, утверждался Государем; в пределах своей епархии являлся совершенно самостоятельным начальником указанных учреждений и духовенства. В качестве хозяйственного учреждения при нем существовал архиерейский дом. В каждой почти епархии издавались “Епархиальные Ведомости.” Почин в создании этого органа принадлежал архиепископу херсонскому Иннокентию (Борисову). В Свят. Синоде вопрос этот проведен был епископом херсонским Димитрием (Муретовым). В апреле 1861 г. первыми вышли в свет “Ярославские Епархиальные Ведомости” при архиеп. Ниле (Исаковиче). По данным 1904 г., “Епархиальные Ведомости” издавались во всех епархиях, кроме финляндской и туркестанской (“Прав. Богосл. Энц.”).

В 1816 г. из управления обер-священника, стоявшего с 1800 г. во главе духовенства армии и флота, выделено было особое управление духовенством гвардейских полков под ведением обер-священника главного штаба и гвардии. В 1840 г. учреждена должность обер-священника в отдельном кавказском корпусе, с подчинением обер-священнику армии и флота. Все это управление было независимо от епархиальных властей и подчинялось непосредственно Св. Синоду. В 1858 г. обер-священники были переименованы в главных священников. В 1890 г. все управление военным духовенством объединено под ведомством одного протопресвитера военного и морского духовенства и состоящего при нем духовного правления.

Выше упоминалось о возникшем в 1808 г. комитете, одной из задач которого было изыскать средства для создания огромного капитала духовного ведомства, дававшего бы возможность обеспечить содержание духовенства. Война 1812 г. нарушила все эти предположения. При императоре Николае I усилен надел церковью землями. Для западных епархий с 1842 г. назначены были небольшие, вспомогательные к приходским средствам, оклады, которые с 1843 г. постепенно распространялись и на другие епархии. Предоставление духовенству казенного жалованья значительно усилилось в царствование императора Александра III.

Средствами содержания белого духовенства служили: 1) казенное жалованье (заграничное духовенство, придворное, военное морское и часть приходского — по отчету за 1900 г. причты 24.660 церквей); 2) земельные наделы — от 33 до 99 десятин на причт, кроме усадеб, каковые земли не подлежали никаким налогам и могли быть отчуждаемы не иначе, как с Высочайшего соизволения; 3) добротные даяния, частью деньгами, а часто — в сельских приходах — хлебом и разными естественными продуктами. (“Прав. Богосл. Энц”).

Последний разбор духовенства, касавшийся лишних церковников и детей духовенства был произведен в 1830-31 годах. “Наконец, указами 1827 и 1830 годов (о поступлении в военную и гражданскую службу) и статьями свода законов 1842 г. были точно определены права рождения и воспитания священно и церковно-служительских детей,” пишет Знаменский, “и для них получилась возможность более выгодного и почетного выхода из своего сословия с правами некоторой привилегированности при избрании службы или другого рода занятий, по самому происхождению и без приписки к податному состоянию. Окончательное расторжение сословной замкнутости духовенства последовало в 1869 г.: 16 апреля определены были новые сокращенные штаты церквей, а указом 26 мая дети духовенства вовсе отчислены от состава духовенства, — священнослужительские с правами личного дворянства или потомственного почетного гражданства, церковно-служительские с правами личного почетного гражданства, после чего духовное сословие определялось только кругом лиц, состоявших на действительной церковной службе.”

Распространение веры.

В XIX в. продолжалось прежнее благожелательное отношение правительства к инородцам. Штаты, введенные в 1775 г. для лам, были подтверждены в 1822; в 1853 г. издан закон о ламском духовенстве. В качестве служителей религии и муллы, и ламы получили свободу от податей, подобно православному духовенству. Несмотря однако на это, дело православной миссии шло успешнее, чем прежде, благодаря большому развитию ее духовных средств и ее лучшей организации. Кроме инородцев Поволжья и Сибири, действия ее простирались на некоторые новые племена по мере расширения России на восток. К числу важнейших приобретений русской Церкви надо отнести воссоединение с нею униатов и обращавшихся в православие протестантов Прибалтийского края (Знаменский).

Миссионерство в Казанской епархии и соседних местностях.

В 1802 г. станки азиатской *типографии*, с конца XVIII в. печатавшей на казенные средства Коран, переведены были, по просьбе татар, из Петербурга в Казань. Там типография стала ежегодно выпускать десятки тысяч магометанских книг. Казань сделалась настоящим средоточием мусульманского образования в России. В итоге этого начались значительные отпадения крещеных татар. Христианской миссии пришлось переменить самое направление своей деятельности — вместо обращения новых чад, ограничиться заботами об удержании в

христианстве приобретенных прежде. В 1802 г. стали переводить на инородческие языки краткие катехизисы и главные молитвы. Казанский архиепископ *Амвросий (Протасов)*, правивший с 1816 по 1826 гг., предлагал переводить и богослужебные книги, но тогда мысль эта не встретила сочувствия. При духовно-учебных заведениях епархии с инородческим населением стали открывать классы местных языков. Но трудно было поправить подорванное дело. В 1827 г. происходили массовые отпадения крещеных татар. Отпадения и до этого происходили также среди черемис и чувашей, в вятской г. среди вотяков, в нижегородской — мордвы. Административные меры, принимавшиеся властью, успеха не имели. В 1830 г. в Казанской епархии вновь учреждены были особые *миссионеры*. В 1847 г., по Высочайшему повелению, предпринят был при Казанской Академии *перевод на татарский язык* священных и богослужебных книг. Но все эти меры мало приносили пользы. Обучение татарскому языку в семинариях и переводы на него оказывались не соответствующими своему назначению, потому что для них употреблялся не живой, разговорный татарский язык, а книжный, понятный только образованным людям среди татар. Последнее большое отпадение татар было в 1866 г. Но к этому времени для борьбы с магометанской пропагандой разработан был новый план.

Еще в 1854 г. при Казанской Академии учреждены были специальные миссионерские отделения. В среде одного из них, противомусульманского, выработана была система действий для укрепления крещеных татар в христианстве, состоявшая в переводах христианских книг и обучения детей этих татар в школе при помощи не книжного, а живого, разговорного татарского языка. Почин в этом деле принадлежит известному ориенталисту *Николаю Ивановичу Ильминскому* (1822-1891). Сын пензенского протоиерея, он, по окончании курса казанской дух. академии, оставлен был при ней бакалавром и вскоре назначен членом комиссии для проверки татарского перевода Нового Завета. Позднее (1851-54 гг.), он был отправлен в Дамаск, Константинополь и Каир, где изучил языки арабский, турецкий и персидский. Турецкий и арабский языки он преподавал в противомасульманском отделении Казанской Академии; позднее преподавал восточные языки в академии и казанском университете. В 1872 г. он был назначен директором казанской инородческой учительской семинарии и всецело посвятил себя распространению образования среди инородцев. Им еще в 1864 г. была создана с другими лицами частная школа для крещеных татарских детей. Переводческие труды его начались в 1861-62 гг. Школа была встречена крещеными татарами с доверием, быстро получила у них известность и сделалась родоначальницей таких же школ по крещено-татарским селениям не только казанской, но и других епархий волжско-камского края. Когда количество новых переводов достигло достаточной полноты, в Казани на татарском языке открыто было православное богослужение, произведшее между крещеными татарами сильное христианское движение, и скоро распространилось по татарским селениям. К тому же времени новая система инородческого образования, после долгих обсуждений, была принята министерством народного просвещения и приложена ко всему инородческому образованию. В 1872 г. в Казани была открыта особая *инородческая учительская семинария*. Важной поддержкой новых переводов и школ сделалось открытое в 1867 г. в Казани *братство св. Гурия*, принявшее на себя обязанность содействовать утверждению веры среди инородцев казанского края. Из новых школ вышло много деятелей христианского просвещения и достойных служителей Церкви для инородцев из их же единомышленников. С 1869 г. при братстве учреждена была особая переводческая комиссия для распространения христианских книг на местных языках, а в 1876 г. миссионерское общество поручило ей переводы таких книг и на другие инородческие наречия, не исключая даже отдаленнейших окраин востока. Кроме Казани учительские школы того же рода возникли: центральная чувашская в Симбирске, черемисская — в Уфе, инородческая — в Бирске, уфимской губ. Магометанство, сильное своим религиозным убеждением, весьма распространенным образованием и своей организацией, и далее плохо под-

давалось миссионерскому влиянию, но ему затруднено было принятыми мерами массовое совращение крещеных инородцев (Знаменский).

Миссионерство среди калмыков, киргизов и самоедов.

В царствование имп. Александра I переведены были на калмыцкий язык Евангелие от св. Матфея и катехизис, но очень неудачно. При имп. Николае I несколько раз подымался вопрос об учреждении особой *калмыцкой миссии*, но из-за старых опасений раздражить инородцев вопрос этот бывал отклоняем. Средствами для их обращения были: слабое обучение калмыцкому языку в саратовской и астраханской семинариях будущих пастырей для селений, близких к калмыцким кочевьям, некоторые калмыцкие переводы преподавателей семинарии, богослужения, совершавшиеся для калмыков с 1848 по 1859 г. в походной церкви. Настоятелем ее в это время состоял хороший знаток калмыцкого языка, *В. Дилigentсий*. Наконец помогала, заведенная последним, школа для калмыцких детей в *Царицыне*. Несмотря на всю недостаточность этой миссионерской работы и сильное противодействие христианству со стороны руководителей калмыков, обращений бывало до ста в год. Деятельность миссии у калмыков была сосредоточена потом в епархиях астраханской, кавказской и отчасти в донской.

В царствование имп. Александра I обращено было внимание на *киргизов*. Указом от 22 июля 1822 г. было повелено: 1) послать миссию в киргизскую степь, указав ей действовать только убеждением; 2) в том месте, где обратятся к св. вере до 1000 человек, гражданское начальство должно построить церковь, духовное — назначить постоянного священника; 3) последнее должно создать школу для обучения детей Закону Божию и арифметике; 4) не подвергать крестившихся никаким следствиям за опущение поста и обрядов.

Крещение *самоедов* архангельской епархии началось в 1821 году при епископе Неофите (Докучаеве-Платонове), правившем с 1821 по 1825 г., трудами священника *Феодора Истомина*. После первых успехов его проповеди, Синод распорядился об устройстве для самоедов особой миссии из двух причтов с двумя походными церквями под начальством *архим. Вениамина Смирнова*. Действия этой миссии начались в 1825 г. из Мезени. Проповедь ее предлагалась на природном самоедском языке, на который миссионеры перевели разные молитвы, катехизис и Новый Завет, и имели большой успех. К 1830 г. крещеных самоедов считалось более 33 000 душ. Для них устроено было по тундрам севера три церкви с причтами на казенном жаловании и три школы. После этого миссия была упразднена и дальнейшее утверждение христианства в крае предоставлено было приходским причтам.

Миссионерство в Сибири.

Алеутская миссия продолжала свою деятельность. С 1816 по 1820 г. появились новые церкви на о. *Ситхе*, а также на *Уналашке* и *Атхе*. При уналашкинской церкви начал в 1823 г. свою миссионерскую деятельность, переведенный туда из Иркутска, *священник Иоанн Вениаминов*. Неудачны были попытки проповеди со стороны Библейского общества, переводы которого оказались слабыми, и со стороны британской миссии, встретившей противодействие лам и православного духовенства. Деятельность ее прекратилась в 1841 г. Обе эти организации действовали в *Сибири*; последняя избрала местом своим Забайкалье. Особенно оживилась миссионерская деятельность в Сибири с созданием новых миссий в царствование имп. Николая I.

В *Западной Сибири* первая правильно организованная миссия открыта была в 1828 г. по почину *тобольского архиепископа Евгения* (Казанцева), правившего с 1825 по 1831 г. Во главе миссии был поставлен архимандрит *Макарий (Глухарев)*, бывший ректор костромской се-

минарии, весьма верующий и беззаветно преданный просветительной работе. Местом миссии был избран Алтай, страна еще не початая христианством. Населен был Алтай татарами, калмыками и др. дикими инородцами, большею частью язычниками. *Макарий* явился туда в 1830 г. и основался в Улале, но отсюда ежегодно делал, не зная устали, разъезды по всей стране. Быстро ознакомившись с *алтайским* наречием татарского языка, он составил его словарь и много необходимых для просвещения инородцев переводов. Сердечный и любящий, он был для своих духовных чад и учителем, и врачом и воспитателем детей, и ходатаем пред властями, и общим благодетелем. Оклад миссии был небольшой, но он сумел найти для нее богатых жертвователей в Тобольске и Москве, и все денежные средства свои, даже полагавшийся ему особый магистерский (ученый) оклад употреблял на вспомоществование новым христианам. В 14 лет им приобретено было для Церкви 675 душ, устроено три миссионерских стана с 2 церквями и 1 часовней. В деле миссии Макарий более всего рассчитывал на могущественное действие православного богослужения. Им устроены были также улалинское училище, женская благотворительная община, больница и созданы для новообращенных несколько оседлых поселений. В 1844 г., по совершенному расстройству здоровья, он удалился в Болховский мон. на покой, успевши дать устройством своей миссии прекрасный образец для других миссий. Скончался арх. Макарий в 1850 г. (Знаменский).

Дело его было успешно продолжено его сотрудником и преемником, прот. *Стефаном Ландышевым*, окончившим нижегородскую семинарию, и последующими начальниками миссии, в особенности *архим. Владимиром (Петровым)*, одним из выдающихся русских миссионеров (1828-1897). Сын простого донского казака, он окончил Киевскую дух. академию, приняв на четвертом курсе монашество. Был инспектором иркутской и новой томской семинарий, а затем инспектором Петербургской Академии, где, в сане архимандрита, читал лекции по догматическому богословию. В это время он принимал живое участие в учреждении в Петербурге миссионерского общества для содействия миссиям алтайской и забайкальской. В 1865 г. архим. Владимир был назначен начальником алтайской миссии и строителем Благовещенского мон. в алтайских горах, учрежденного в 1864 г. Кузнецкий и бийский округа, в которых работала миссия, занимали пространство верст 1000 в длину и от 300 до 700 в ширину. Населения было всего 40000, из них две трети кочевников. “Здесь на Алтае,” писал арх. Владимир, “с трудом пробираясь, верхом на коне, ища заблудших овец стада Божия, миссионер в течение целых суток, и то не всегда, может встретить едва несколько душ, со своими одиночными юртами запрятавшихся то в глубине лесной, то на удаленном от проезжей тропы нагорном скате.” Только окраины миссии граничили с русским населением, да и то, большей частью, раскольничьим. Приходские церкви находились в большом отдалении. Вследствие этого на миссионере лежало попечение не только об обращении язычников, но и об исполнении обязанностей приходского священника для новообращенных. В почти пустынной местности, среди дикой природы, при полном бездорожье, арх. Владимир верхом на коне объезжал инородческие кочевья и нес язычникам проповедь о Христе. Он не щадил себя — мерз, тонул, голодал, нередко питаясь при своих поездках одними кореньями и травами. Миссионерство его было глубоко-внутренним, искренним. За 18 лет служения миссии арх. Владимир открыл более 10 начальных школ, при чем число учеников упятилось. Основал он в Улале центральное миссионерское училище, с обучением иконописанию, переплетному мастерству и сельскому хозяйству. Переводил он и всячески содействовал переводам на алтайский язык церковных и религиозно-нравственных книг. При нем построено 28 церквей и молитвенных домов, устроены свечной завод и типография, а также миссионерская больница и аптека. Основал он 19 новокрещенских селений, в которых устанавливалась оседлая жизнь.

В 1880 г. арх. Владимир был хиротонисан в епископа *бийскаго*, викария томской епархии, с оставлением начальником миссии. Он переселился в Бийск. В 1883 г. он был назначен

епископом *томским* и там продолжал свою просветительную деятельность. Занимая потом кафедры ставропольскую и нижегородскую, он в 1897 г. скончался будучи *архиепископом казанским*. Всюду он развивал большую работу. В Ставрополе им был организован миссионерский стан среди *калмыков* и выстроены для новообращенных храм, школы и избы для оседлого жития. В Казани, развивая деятельность существовавших миссионерских учреждений, он посещал инородческие селения.

К 1895 г. *алтайская миссия* имела 14 станов, до 47 церквей и молитвенных домов, 2 монастыря, приходское попечительство и многие благотворительные учреждения. Около своих станов миссия посадила на оседлое жительство более 10000 кочевников. В дальнейшем огромную деятельность развил начальник миссии архим. *Макарий (Невский)*, называвшийся “апостолом Алтая,” бывший затем архиеп. томским и митрополитом московским.. Победоносцев, упоминая в краткой записке, составленной в 1892 г. для Наследника Цесаревича Николая Александровича, предпринимавшего поездку в Японию и Сибирь, об еп. японском Николае и архим. Макарии (Глухарева), писал: “Нынешний Макарий (Невский) — достойный их последователь. Прилагаю несколько книжек — отчеты миссии: — стоит Вашему Высочеству пробежать их. Вы увидите, как идет это дело и каких требует самоотверженных трудов...”

В 1882 г. из Алтайской миссии была выделена новая миссия Киргизская, с центром в Семипалатинске. В царствование имп. Николая I возникли также миссии: *Обдорская* (1832), *Кондинкая* (1844), *Туруханская* (1850), закрытая в 1872 г. В царствование имп. Александра II возникли миссии: *Сургутская* (1867), в *Минусинском*. округе (1876), входившем в южную часть Енисейской епархии, *Семиреченская* (1868), сосредоточенная около миссионерского братства в г. Верном (с 1871 г. миссия числилась в Туркестанской епархии).

Миссии в *Восточной Сибири* строились на началах, принятых алтайской. Из архиереев, ревнителей миссионерства, в XIX в. известны *иркутские* архиереи: *Михаил (Бурдуков)*, правивший с 1814 по 1830 и положивший начало Забайкальской миссии для бурят. Членами ее были знатоки бурятского языка: священник Александр Бобровников и крещеный бурят Мих. Сперанский. *Нил (Исакавич)*, епископ, потом архиепископ (1799-1874), правивший иркутской епархией с 1838 по 1853 г., потом ярославской. При нем крестилось до 20000 бурят и др. инородцев. Он был одним из первых русских исследователей буддизма, переводил богослужебные книги на монголо-бурятский язык, в чем ему помогал в Иркутске и в Ярославле прот. Николай Доржеев из бурят. Владыка Нил написал труд “О буддизме.” Особенно много работал владыка *Парфений* (Попов), переведенный из Томской епархии, в которой принимал большое участие в делах алтайской миссии. Правя иркутской епархией с 1860 по 1873 г., он первый открыл в ней правильно организованные миссии Иркутскую и *Забайкальскую*. В первой он устроил II станов, для которых нашел нужных работников частью в Сибири, частью в великорусских монастырях. Он и сам много миссионерствовал, лично разъезжая по бурятским кочевьям с проповедью. Инородцы любили его и считали за особенную честь принять крещение из его именно рук. При нем крещено было до 8000 бурят. С 1867 г. он начал вводить богослужение на бурятском языке во всех бурятских приходах. После него во главе иркутской миссии был поставлен особый начальник-архимандрит, а с 1883 г. иркутский викарий, еп. киренский. К 1890 г. миссия имела уже 18 станов, а обращенных ею насчитывалось до 35000 душ. Миссия имела 1-4 школ и несколько благотворительных учреждений и оказывала сильное влияние на гражданский быт новообращенных, испрашивая им земельные наделы и расселяя их оседлыми селениями.

На таких же началах и с такими же приемами действовала миссия *Забайкальская*, во главе которой с самого начала (1862) был поставлен еп. селенгинский *Вениамин (Благодрагов)*. Сын священника тамбовской епархии, владыка Вениамин (1825-1892), окончил Казанскую

дух. академию и отличался способностями, любовью к наукам и редким исполнением долга. Все это выявилось и в его последующей жизни. Монашество он принял на последнем курсе академии, которую окончил первым магистром и остался в ней профессором. Был он ректором томской и костромской семинарий и в 1862 г. хиротонисан во епископа селенгинского. С этого времени началась его благотворная миссионерская деятельность в восточной Сибири, доставившая ему высокое историческое значение. К 1890 г. число станом этой миссии возросло до 22 с 25 школами. При Посольском мон. открыто было центральное миссионерское училище, мастерская иконописи, богадельня, аптека. Но обращений в Забайкальской области было меньше, вследствие особенной силы *ламства* и противодействия христианству бурятских языческих начальников. Наибольшее число обращений падало не на бурятский народ, а на племена *тунгузов, якутов и карагазов*. Миссия постоянно старалась о том, чтобы в управление степных дум были вводимы и крестившиеся буряты и чтобы ограничена была сила лам, но не имела в этом отношении успеха. Владыка Вениамин в 1868 г. был назначен епископом *камчатским*, переведен в 1873 г. в Иркутск и скончался там архиепископом в 1892 г. Его отчеты о деятельности сибирских миссий за время его архипасторства представляют драгоценный исторический материал и обстоятельно знакомят с вопросом о *ламизме*, им и возбужденном. Отчеты эти, печатавшиеся в “Иркутских Епархиальных Ведомостях” и в некоторых духовных журналах, изданы в 1883-86 гг. под названием “Труды православных миссий восточной Сибири.” Писал он и о буддизме.

В *Камчатском* крае в 1840 г. была открыта особая епархия, первым епископом которой был назначен владыка *Иннокентий (Попов-Венгаминов)*, выдающийся и исключительно самоотверженный миссионер. Владыка Иннокентий (1797-1879), в миру Иоанн, сын пономаря иркутской епархии, окончил семинарию в Иркутске и был приходским священником в этом городе. В 1823 г. он вызвался ехать священником на о-в *Уналашку* и с этого времени началась его миссионерская деятельность. Он обращал *алеутов* в христианство, приучал их к плотничьему, столярному, слесарному и кузнечному ремеслам, научил их выделке кирпичей и каменной кладке. С их помощью он выстроил церковь. Изучив алеутский язык, он распространил христианство по всем Алеутским островам,

В 1833 г. он был переведен в Новоархангельский порт на о-в Ситху. Н. Барсуков в своей книге “Иннокентий митрополит московский и коломенский” писал: “Обозрев 15-тилетнюю деятельность отца Иоанна Вениаминова, сперва на острове Уналашка, а потом на острове Ситхе, мы смело заключаем, что деятельность его там отличалась тем же характером, которым издревле украшалось служение русских проповедников Евангелия. Так, напр., разумная осторожность открыла ему доступ к грубым, но простым и добрым сердцам дикарей. Христианские истины были им сообщаемы сообразно с их умственной приемлемостью, т. е., при полном свободном убеждении их, а не путем насилия. Он терпеливо выжидал добровольного вызова креститься. Для детей была устроена школа, которая была снабжена как учебниками, так и книгами для чтения, собственного его сочинения и им самим переведенными на туземные наречия, и он был сам их учителем; наконец, кроме просвещения светом Евангелия, он обучал их разным мастерствам и, при повальной оспе, обучил Колош оспопрививанию; и такими путями сумел снискать и от упорных дикарей полное сердечное расположение к себе: они любили отца Вениаминова, по свидетельству его современников, как отца, так как отец Вениаминов был по истине благодетелем и отцом, и наставником, покровителем спасаемых им овец.”

Отец Иоанн, научившийся говорить на шести местных наречиях, переведший Евангелие св. ап. Матфея, употребительные молитвы и песнопения, вытеснявшие шаманские народные песни, боровшийся с пьянством и полигамией, часто живший в землянках и питавшийся одним китовым жиром — понимал, что ему нужны помощники. С этой целью, с благословения

архиеп. иркутского Нила, он предпринял путешествие морем в С.Петербург. Длилось оно 7 месяцев и 14 дней. В столице радушно приняли в 1839 г. о. Иоанна, зная его деятельность и, в частности, научные лингвистические труды, признанные, в своей ценности, и иностранцами. Впервые познакомился с ним митр. московский Филарет, говоривший после этого: “В этом человеке что-то апостольское.” С тех пор, на протяжении четверти века, длились их близкие отношения. Когда пришло известие о кончине супруги только что возведенного в протоиереи о. Иоанна, митр. Филарет настойчиво убеждал последнего принять монашество. В 1840 г. прот. Иоанн был пострижен в Троицком подворье митр. Филаретом, с наименованием его Иннокентием. На следующий день (30 ноября), в который был утвержден имп. Николаем I проект о восстановлении (после 1799 г.) Камчатской епархии, он был поставлен архимандритом. Государь, принимая Иннокентия 1 дек., объявил ему о своем желании видеть его во главе новой епархии. 15 дек. он был хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

В течение своего 27-летнего епископства, владыка Иннокентий объездил всю восточную Сибирь. Миссионерская деятельность его на камчатском епископстве простиралась на огромное пространство *Камчатского, Якутского и Амурского* краев. Он делал по ним ежегодные разъезды, доходившие иной год (1856) до 8000 верст. В Якутской области, где христианство было распространено между *якутами и тунгузами*, он завел якутское богослужение, встреченное инородцами с большой радостью. Одно временно с этим — в 1858 — было открыто якутское викариатство, в 1869 г. обратившееся в самостоятельную Якутскую епархию. Трудом камчатских и якутских священников христианство понемногу проникло и в *Чукотский* край. В 1850 г. там была открыта новая миссия для обращения *Чукчей, Ламутов, Юкагиров* и др. племен севера. В 1855 г. Камчатская епархия увеличилась причислением к ней местностей по Амуру. Владыка Иннокентий сразу же предпринял туда миссионерское путешествие и положил основание *Амурской* миссии.

Главными деятелями ее были священники Гавриил Вениаминов (сын преосвященного) и Иннокентий Громов. Последний, сопровождавший владыку в его поездке по Камчатке, рассказывал, что для езды на собаках имелись три экипажа: санка, нарта и повозочка, последняя для лиц привилегированных. В ней, по его словам, “помещается только один человек, притом так, что в ней ни пошевелиться, ни поворотиться.” “Утром 24 января,” писал прот. Громов, “преосвященный Иннокентий выехал из Лесного. Дорога на северо-восток составляет, верст на 70, незаметный подъем, который оканчивается обрывом хребта. Подъехав уже под вечер к обрыву, у которого дна не видно и по которому надлежало спускаться в темное ущелье, преосвященный сказал: “ну, теперь я вижу физиономию Камчатки! Как же тут быть?” — Извольте, ваше преосвященство, сказал я, шубу снять и надеть куклянку (которая была у него в запасе). Камчадалы подвязали под торбаза (обувь) башлыки, — это в роде подковок из железа с шипами, — потом обвели преосвященного ремнем и приготовились к его спуску. — “А вы как спуститесь?” — спросил у меня преосвященный. — “По ребячьи,” — отвечал я, на оленьей шкуре, которая на мне, скачусь, как ребята катаются на масленице; а чтоб не обнесло, возьму в руки оштол (оштол — кривая, к концу окованная палка, шестик, с побрякушками наверху; ею погоняют собак к езде, правят ими и останавливают или тормозят нарту (сани)), чтобы в случае быстрого разноса, упереться и отдохнуть, и через две минуты буду на дне ущелья.” Так я и сделал и снизу ущелья смотрел, как несколько камчадалов поддерживали концы ремня, которым обведен был преосвященный, а один из них вырубал пред ним в отвердевшем снеге ступню, где должна утверждаться нога. Таким образом и спустили преосвященного Иннокентия на дно ущелья... В этом, одном из глубочайших ущелий Камчатки, как сейчас вижу епископа Иннокентия, в темную зимнюю ночь, сидящего в одеянии из оленьих кож на камне, освещаемого заревом, отражающимся на вершинах гор, окружающих пропасть, среди

добродушных детей природы — камчадалов, грызущих юколу (юкола — вяленая, провесная и немного квашенная рунная рыба, сиг, лосось, кета, горбуша; юколой кормятся люди и собаки (Даль)), и между не одною сотнею маленьких ездовых животных, свернувшихся в клубки и крепко заснувших от утомления. Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли! Первому архиерею, Иннокентию Камчатскому, предоставлена в наше время честь олицетворить на себе начертанную апостолом Павлом картину многотрудной жизни подвижников веры: “...скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли” (Ев. 11:37).

В 1857 г. владыка поселился в г. Благовещенске на р. Амуре, где установлена была его кафедра; вскоре учредил он там духовное училище. По присоединении в 1860 г. Уссурийского края для Амурской миссии открылось Широкое поприще деятельности в просвещении христианских племен, принадлежавших прежде Китаю. Это были *Гиляки, Орочени, Гольды, Манджури* и др. К ним присоединялись и корейцы, начавшие переселяться в Российские пределы. Владыка Иннокентий устраивал миссионерские станы, строил по Амурскому краю церкви и школы, выписывал через китайскую миссию христианские книги на маньчжурском языке, несколько знакомом его амурской пастве, содействовал составлению новых переводов местными переводчиками, особенно на гольдском языке. При главном и непосредственном участии владыки Иннокентия переведено было св. Писание на языки алеутский, курильский и якутский. Труды его в вост. Сибири кончились в 1868 г. с назначением его *митрополитом московским*. Но миссионерская деятельность его еще более расширилась работой в православном миссионерском обществе, председателем которого он стал. Окончательное устройство Амурской миссии с разделением на станы, с церквами и проч. принадлежало его преемнику владыке Вениамину (Благодравову). В 1870 г. в Благовещенске устроена была уже полная семинария.

Преосвященный Иннокентий не оставлял без внимания и своей прежней *алеутской* паствы. После перенесения камчатской кафедры в Благовещенск в Новоархангельске, где она была прежде, открыто было в 1858 г. *камчатское* викариатство. В 1867 г., после продажи русских американских владений Соединенным Штатам, викариатство было упразднено. Но вскоре, в 1870 г., по почину митр. Иннокентия, учреждена была *самостоятельная* епископская кафедра *Алеутская* с кафедрой в *Сан-Франциско*. Ей были подчинены и новые, и старые православные церкви в Америке, всего тогда числом 9.

Глубокое удовольствие должно было доставить митр. Иннокентию сообщение, полученное в 1871 г. из Вашингтона. Русский посланник в Соед. Штатах, Константин Катакази, писал ему 20 фев., что во время прений в американском конгрессе относительно административного преобразования Аляскинской территории, (проданной Россией в 1867 г.); несколько депутатов укоряли весьма основательно правительство за то, что оно ничего еще не сделало для материального и нравственного блага сего края. “Не так поступало,” — сказал один из депутатов, “Русское правительство и русское духовенство: из дикарей они делали христиан, из невежд — образованных; они строили церкви, основывали школы и до сих пор еще лучи христианского света доходят до Аляски не из Вашингтона, а, к стыду нашему, из С. Петербурга и Москвы.”

Учеником и сподвижником владыки Иннокентия был владыка *Дионисий (Хитров)*. Миссионерское служение он начал в 1844 г. священником походной церкви в Якутской области, тотчас по окончании семинарии. С этой церковью он совершил, в течение 10 лет, трудное миссионерское путешествие в 9130 верст по *Верхнему, Среднему и Нижнему Колыму*, для просвещения светом учения Христова инородческих племен, обитающих на пространстве от р. Индигирки до Анадыри, причем миссионеру приходилось ездить в страшные морозы на собаках и оленях и ходить пешком по глубоким снегам, горам и стремнинам, постоянно под-

вергая опасности жизнь свою. Особенно опасно было ездить во время свирепствующих на севере Сибири снежных буранов. Плодом этих странствований было обращение ко Христу тысяч инородцев. В то же время самоотверженный миссионер деятельно изучал нравы, обычаи и разные наречия якутских инородцев. Приняв монашество, он был возведен в 1867 г. в сан *епископа якутского*, викария камчатской епархии. По открытии же в Якутске *кафедры*, он возглавил ее. Будучи епископом, владыка Дионисий многократно предпринимал миссионерские путешествия по своей необъятной епархии. В 1883 г. он был перемещен в *Уфу*, в которой и скончался в 1896 г. Памятником его миссионерских трудов, наравне с многочисленными обращениями, остались составленные и изданные им азбука и грамматика якутского языка, а также исполненные им переводы на тот же язык священных, богослужебных и духовно-нравственных книг. Эти переводы были напечатаны, по благословию Св. Синода, в московской синодальной типографии под наблюдением самого еп. Дионисия, тогда еще не хиротонисанного (1857-1859).

Миссионерство в Китае.

Русская православная миссия в Китае существовала с 1728 г. В 1805 г. для нее учреждены новые штаты и срок пребывания ее членов в Китае с 7 лет увеличен на 10 лет. Миссия заслужила уже доверие подозрительных китайцев, убедившихся, что она ограничивается скромными пределами попечения только о своей пастве и политикой не занимается. В 1805 г. начальником миссии был назначен архимандрит Иакинф (Бичурин), окончивший казанскую семинарию. Пребыв в Пекине более 14 лет, он отлично изучил китайский язык, страну, ее историю, нравы и обычаи. За беспорядки и некоторые нежелательные явления в образе жизни членов миссии он был судим, лишен сана и сослан в Валаамский мон. В 1826 г. он был освобожден и состоял переводчиком министерства иностр. дел; умер в 1853 г. Знаменитый синолог, архим. Иакинф был членом-корреспондентом Академии Наук и парижского Азиатского общества. Для учения о вере имеют значение труды его: *Китай, его жители, нравы, просвещение Буддйская мифология*.

По Айгунскому трактату 1858 г., китайское правительство дало миссии полную свободу действий и обязалось не преследовать своих подданных за принятие христианства. В 1861 г. в *Китае* открыта была особая *русская дипломатическая миссия*, дела которой вела до тех пор миссия духовная. Последняя получила большую возможность сосредоточить свою деятельность в нравственно-религиозной области. С этого времени усилились ее ученые и переводческие занятия. Из среды ее членов стали выходить замечательные синологи. В переводческой деятельности она совершенно отделилась от своей прежней зависимости от католических переводов и стала производить самостоятельные переводы священных и богослужебных книг. Этим она служила Амурской и Японской миссиям. Оживилась проповедь на китайском языке и преподавание в миссионерской школе. Паства миссии возрастала. В 1885 г. имелись две церкви в Пекине и храм на юге Китая — в Ханькоу. Был также храм в деревне Дун-Дунань.

В последние десятилетия XIX в. и первые XX в. деятельными и просвещенными начальниками Миссии были: архим. *Флавиан (Городецкий)*, член ее с 1873, рукоположенный в 1885 г. Епископом люблинским, вполн. митр. киевский, и с 1896 г. архим. *Иннокентий (Фигуровский)*, возведенный в 1902 г. в сан епископа переяславского, каковой титул был присвоен Святителю Иннокентию, когда он отправлялся в 1721 г. в Пекин. Владыка Иннокентий скончался в Пекине, в сане митрополита, в тридцатых годах нынешнего столетия.

Миссионерство в Японии.

В 1860 г. православие проникло в Японию. Основателем православной миссии был иеромонах русского консульства в Хакодате *Николай (Касаткин)*. Он родился в 1836 г., окончил петербургскую дух. академию. С самого начала своей службы (1861) принялся он за усердное изучение языка, верований и нравов японцев и за переводы священных и богослужебных книг на японский язык. Первенцем его христианской проповеди был *Павел Сваабе*, бывший жрец одной кумирни, по обращении в христианство сделавшийся самым пламенным и самоотверженным проповедником св. веры. К нему примкнули еще два им самим обращенных японца, *Яков Урано* и *Иоанн Сакай*. Своей катехизаторской проповедью эти три первых деятеля японской миссии успели настолько подготовить в Японии почву для православия, что о. Николай в 1869 г. испросил у Св. Синода разрешение на открытие там миссии. Начальником миссии был назначен он, с возведением в сан архимандрита, с иерархической зависимостью от камчатского архиерея. В 1871 г. в Хакодате и Токио (1872) заведены были миссионерские школы, давшие новых проповедников-катехизаторов. Православие начало распространяться в Японии так успешно, что возбудило против себя гонение, от которого особенно тяжело пришлось пострадать Сваабе. К счастью, это гонение скоро было остановлено по представлению русского консула. В 1875 г. камчатским архиереем были посвящены *первые священники* из японцев — о.о. Павел Сваабе и Иоанн Сакай.

В 1880 г. архим. Николай прибыл в С.Петербург. К. П. Победоносцев, тогда еще обер-прокурор, писал 6 января Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу, советуя повидать его: "...Он человек поистине замечательный, всеми уважаемый и пользуется популярностью в Японии, где живет уже около 20 лет, посвятив себя всецело делу миссии." В этом году он был рукоположен епископом японским. Победоносцев же, составляя в 1892 г. упомянутую выше записку для Наследника Цесаревича Николая Александровича, писал о нем: "Это поистине апостол нашего времени, человек духом горящий, и зажигающий огни духовные в сердцах..." Скончался владыка Николай 3 февр. 1912 г. Его очень почитали и японцы.

В 1895 г. японская Церковь насчитывала у себя 220 общин и свыше 22500 душ христиан и обслуживалась 28 священнослужителями. Школа в Токио обратилась в семинарию, которая в 1882 г. сделала первый выпуск воспитанников. В 1889 г. двое воспитанников были отправлены для высшего церковного образования в русские дух. академии. Имелись школы: катехизаторская, причетническая, женская и несколько низших училищ. Миссия развила значительную переводную литературу и издавала три духовных журнала. Богослужение в японских церквях совершалось на японском языке. Благодаря трогательным призывам *владыки Николая*, делались пожертвования на миссию, и помощь ей, конечно, оказывалась со стороны Св. Синода. Важным событием для миссии было провозглашение в Японии в 1889 г. полной свободы веры. (Знаменский).

Восстановление православия на Кавказе.

Вследствие все усиливавшейся пропаганды Ислама, правительство решило в 1814 году снова восстановить *Осетинскую миссию*, организовав ее на этот раз в более обширных размерах (до 24 лиц) под управлением *телавскаго архиепископа Досифея* и с содержанием от казны до 14700 р. в год. Действия ее пошли довольно успешно, так что в три года она обратила более 6000 осетин. В 1816 г. правительство отпустило средства на строение и возобновление церквей. Особенно сильно оживилось миссионерское дело, когда в нем в 1817 г. принял участие *экзарх Грузии Феофилакт (Русанов)*. Он обратил особое внимание на развитие духовных средств осетинской миссии, на лучшее оглашение крещаемых, на переводы бого-

служебных книг и строение церквей. Число обращенных из разных племен при нем дошло до 47000; церквей устроено до 40, для одних осетин — 29. Его преемник, экзарх *Иона (Василевский)*, правивший с 1821 по 1832 гг., продолжал его дело. К 1823 г. осетины обращены были почти все. Число обращенных из разных племен дошло до 60900, образовавших 67 приходов. В 1840 и 1850 годах число обращений доходило до 1000 и 2000 в год. Но в то же время не дремала и пропаганда *Ислама*, особенно на востоке Кавказа, в обеих Кабардах и на Черноморском берегу. В 1820 г. в Дагестане и Чечне начало распространяться фанатическое учение, известное позднее под названием *мюридизма*, проповедовавшее безусловное повиновение имаму и газават (религиозную войну против неверных). Первым имамом был Кази мулла в Дагестане. Первоначальные движения фанатиков были подавлены, но только на время. С 1834 г. мюридизм успел объединить всю восточную группу кавказских племен и повел длинную и упорную борьбу с русскими. У фанатиков горцев появился крупный вождь, знаменитый *имам Шамиль*. В 1857 г. Наместник Кавказа, *кн. А. И. Барятинский*, начал планомерное наступление против Шамиля в горы Дагестана. Многие горцы стали покидать Шамиля и население некоторых аулов покорилось. В три года Барятинскому удалось покорить весь восточный Кавказ. Сам Шамиль, осажденный в горном считавшемся неприступным ауле Гуниб сдался в 1859 г. в плен и был увезен в Россию, где в Калуге и потом в Киеве был обставлен хорошо. Умер он в Медине, куда позднее отпущен был совершить паломничество. Замирение западного Кавказа еще продолжалось. Войска кольцом охватывали области немирных черкесов и вытесняли жителей из гор на равнину и черноморский берег. Черкесам предоставлялось или селиться в указанных местах, или же уезжать в Турцию. До 200 000 горцев выехало с Кавказа, поселившись в Турции. Остальные покорились. Окончательно замирен был Кавказ в 1864 г.

После покорения Кавказа началось подчинение его племен русской христианской гражданственности. С этой целью в 1860 г. открыто было *общество восстановления христианства на Кавказе*, в распоряжение которого отданы были все суммы бывшей осетинской миссии. Сначала оно имело светский характер и состояло под председательством Наместника, но в 1865 г. при нем открыт был *духовный комитет* под председательством экзарха Грузии. В 1885 г. по новому уставу общество было совсем вверено экзарху и подчинено Св. Синоду. Задачей общества было: 1) восстановление, умножение и содержание православных храмов, назначение к ним и содержание причтов; 2) заведение школ для образования детей горцев; 3) учреждение в духовных школах преподавания горских языков; 4) командирование в горы миссионеров; 5) содействие переводам на горские языки св. Писания и богослужебных книг. Действия общества были весьма успешны. К 1870 г. на грузинский и осетинский языки было переведено все нужное для православного богослужения. Для священнических мест общество приготавливало пансионеров в семинариях и даже в академиях. В 1880 г. общество имело 40 народных школ. Учительская семинария была им открыта в Тифлисе с 1868 г. Несмотря на сильное противодействие мулл, присылавшихся из Турции, особенно во время войны с Турцией (1876-77), успешно шло и дело обращения горцев в христианство. Кроме православных храмов, на Кавказе явились два монастыря — в Пицунде и Наво-Афонский недалеко от Сухума на берегу Черного моря. (Знаменский).

Грузинская церковь.

В 1783 г. грузинская — иверская — церковь поступила в ведение Св. Синода и католикос ее Антоний II, брат последнего грузинского царя Георгия, с 1795 г. управлявший также духовными делами Имеретин, Мингрелии и Гурии, был членом Синода. В 1801 г. Грузия вошла в состав Российской империи, в 1803 г. — Мингрелия, в 1810 г. — Гурия-Абхазия, в

1814 г. — Имеретия. В 1810 г. католикос Антоний отпросился на покой. В 1811 г. был Высочайше утвержден доклад Синода об образовании из 13 епархий двух: мцхетской-карталинской и алавердской-кахетинской; мцхетскому митрополиту присвоилось именование экзарха Св. Синода. В 1814 году учреждена была в Тифлисе под председательством экзарха грузино-имеретинская синодальная контора. Первым экзархом был назначен в 1811 г. архиепископ Варлаам (князь Эрстов). В 1817 г. его заменил владыка *Феофилакт (Русанов)*, род. в 1765 г., окончивший главную александроневскую семинарию, по принятии монашества законоучителем в греческом кадетском корпусе в Петербурге, тогда уже выделенный в качестве выдающегося “ученого проповедника;” в сане архимандрита он настоятельствовал в Сергиевой пустыни ж в 1799 г, хиротонисан в Гатчине во епископа калужского. Митр. Платон о нем отзывался: “человек молодой и не по сану отважный.” Он до конца дней своих отличался решительностью, твердой волею и редкой энергией. В 1806 г. владыка Феофилакт вызван был к присутствованию в Синоде, где принимал деятельное участие в разработке духовно-училищной реформы. В 1808 г. он назначен был членом Синода и возведен во архиепископа, в 1809 г. переведен в Рязань, оставаясь в столице. Пользуясь доверием кн. Голицына и Сперанского, архиеп. Феофилакт имел большое значение в духовных кругах. После окончания Отечественной войны он с успехом восстановил церковное благоустройство в разоренных епархиях. В 1814 г. он отпущен в свою епархию, через три года назначен экзархом. Снова проявлена была им кипучая деятельность, причем ему приходилось бороться с местными условиями и традициями. В 1818 г., по его представлению, преобразовано было церковное устройство Грузии. Вводились им русские церковные порядки, открыта семинария в Тифлисе и приходские училища в нескольких городах. В 1819 г. он получил сан митрополита. Реформы, им вводимые, вызвали большое неудовольствие. Владыка Феофилакт скончался 19 июля 1820 г., при обозрении епархии, в бодбийском сигналахском мон. Из преемников его наиболее известны: заместивший его митр. Иона (Васильевский), владыки: Евгений (Баженов или Бажанов), митр. Исидор (Никольский), Евсевий (Ильинский). Экзарх, управлявший карталинской и кахетинской епархией, имел викарных епископов горийского и алавердского. Существовали еще епархии экзархата имеретинская, гурийско-мингрельская и сухумская.

Православное миссионерское общество.

В 1865 г. все русские миссии, действовавшие доселе разрозненно, получили удобное объединительное средоточие во вновь открытом в Петербурге миссионерском обществе. Оно состояло под Высочайшим покровительством благочестивой супруги императора Александра II, *имп. Марии Александровны*. По ее почину председателем общества стал митр. *Иннокентий московский*. В 1869 г. утвержден был новый устав общества, по которому оно было подчинено Св. Синоду и ограничено в своей деятельности содействием материальному благосостоянию отдельных миссий без вмешательства в управление ими в других отношениях, касающихся порядка церковного, учебного, административного и того, что поручено ведению епархиальных архиереев. Для ближайшего местного попечения о миссиях заведены были епархиальные комитеты общества под председательством местных архиереев. С учреждением общества, благодаря его пособиям, оживили и расширили свою деятельность все миссии. (Знаменский).

Миссионерские съезды.

Для разработки вопросов о проповеди среди людей и народов, непросвещенных светом истинной христианской веры или уклонившихся в ересь и расколы, устраивались Всероссий-

ские Миссионерские съезды. Последний — четвертый — съезд состоялся в июле 1908 г. в Киеве. Председателем его был митрополит киевский Флавиан, заместителем его и: главным руководителем работ архиепископ волынский Антоний. Из видных миссионеров на нем присутствовали прот. Иоанн Восторгов и И. Е. Айвазов. В особой комиссии заслушаны были доклады о противодействии магометанству и язычеству (ламаитам). Съезд высказал пожелание о созыве по этим вопросам в ближайшем будущем миссионерских съездов в Казани для деятелей внешней миссии Европейской России и примыкающих к Уралу сибирских епархий и в Иркутске для деятелей миссии внешней и внутренней в Сибири, из Японии и Кореи. Оба съезда состоялись летом 1910 г.

Пропаганда иезуитов. Униаты и их воссоединение.

В царствование императора Александра I иезуиты, пользуясь либеральным направлением первых лет его правления и широкою свободой вероисповедания, успели уловить в свои сети немало православных людей, в особенности из высших классов. Их школы и миссии охватили всю западную Россию, распространились и по южной России от Киева до Симферополя и от Каменец-Подольска и Одессы до Моздока на Кавказе. Проникли они и в немецкие колонии на Волге, в Астрахани и др. места. Были они и в Сибири, где находились некоторые ссыльные поляки. Вообще они проникали всюду, где только были католики.

Граф М. Д. Бутурлин в своих “Записках” писал: и в Записках Державина читаем, что гр. Кочубей, в бытность его (в 1802 г). министром внутренних дел, предложил дозволить Иезуитам вводить Римско-католическое исповедание и даже преклонять к этому, чрез миссионеров, магометанские и идолопоклоннические народы в Астраханской, Оренбургской и Сибирских губерниях. Министр народного просвещения, гр. Алексей Кириллович Разумовский, обратился с просьбой к де-Местру, чтобы он потрудился составить письменную программу для воспитания Русского юношества ... Не забыть мне никогда этого Римского духовного воинства, благодаря которому почти все мое семейство сделалось как бы изгнанническим...” Бутурлин же писал: “Сила ордена Лойолы была тогда в апогее в Петербурге, благодаря покровительству оказанному его членам двумя царствованиями. Думается мне, что подготовка к позднему переходу в латинство моей матери и старшей сестры Марии Дмитриевны начались именно в эту зиму.” В их доме бывал иезуит патер Журдан. В большинстве семейств высшего общества наставниками детей были французские аббаты. В Петербурге окатоличиванию способствовала принцесса Тарант. Она вероятно помогла отступничеству С. П. Свечиной, гр. Ростопчиной. После смерти Тарант последовали соращения кн. Гагариной (еще не замужней), сестер Головиных, двух дочерей гр. Ростопчина гр. Шуваловой, урожд. кн. Щербатовой и др. Тетка Бутурлина, гр. Мария Арт. Воронцова говорила” ёму, что главной причиной ее перехода было то, что она недостаточно знала русский язык чтобы объясниться с русским своим духовником. (“Рус. Арх.” 1896 г.).

В 1814 г. в католичество был вовлечен молодой князь Голицын, племянник обер-прокурора. Юного ренегата поспешили отдать на увещание к владыке Филарету московскому. Плодом этих увещаний было сочинение последнего: “Разговоры между испытующим и уверенным” (1815). В 1815 г. государь повелел изгнать иезуитов из обеих столиц. Когда и после этого иезуиты продолжали свои интриги и пропаганду из Полоцка, последовал в 1820 г. Высочайший указ о совершенном изгнании их из России.

Успехи латинства вызвали против себя реакцию и со стороны стесненной им *униатской церкви*. В части V (стр. 663) упоминалось о стремлении униатского епископа Ираклия Лисовского сблизить свою церковь с православной. В 1803 г. он отправил в Петербург прот. *Иоанна Красовского* с сильными представлениями о крайне униженном и заброшенном состоянии своей паствы. Представления эти произвели впечатление на имп. Александра I. В том же 1803 г. издан указ, запрещающий обращение униатов в католичество. В следующем году в число членов католической коллегии указано было ввести одного униатского епископа и трех униатских асессоров. В 1805 году сама коллегия была разделена на два департамента — *католический и униатский*. Председателем последнего был назначен Лисовский. В 1806 г. он был возведен в сан самостоятельного митрополита. Униатская церковь таким образом почти совсем освободилась от давления латинян. Самой важной заслугой митр. Лисовского было то, что он успел значительно подорвать вредную силу базилиан и поднять из унижения белое духовенство, которое всегда было опорой народного и православного духа в уши. Митр. Ираклий заботился и об образовании духовенства, открыв у себя в Полоцке духовную семинарию. Он скончался в 1809 г.

Заветам его следовали и управлявшие после него митрополией луцкий епископ *Григорий Коханович* и (с 1814 г.) полоцкий архиепископ *Иоанн Красовский*. Оба они были из белого духовенства и являлись сподвижниками митр. Ираклия. По интригам базилиан, Красовский, заведая делами митрополии, не получил митрополичьего сана, был даже оклеветан пред правительством, лишен кафедры и почти до самой смерти находился под судом. Умер он в 1827 г. Митрополитом в 1817 г. был поставлен *Иоасафат Булгак*, еп. брестский, католического направления. Но торжество латинской партии на этот раз запоздало. Благодаря деятельности Лисовского и Красовского, в среде белого духовенства успели воспитаться новые деятели, которые продолжали их дело, несмотря на все препятствия. Это были *Иосиф Семашко*, *Василий Лужинский* и *Антоний Зубко*, главные деятели общего воссоединения униатов. (Знаменский).

Иосиф (Семашко), (1798-1868 г.), был сыном небогатого дворянина, впоследствии униатского священника. Детство он провел среди православных. Воспитанный в условиях жизни простого малороссийского народа, он проникся особенностями его быта и увлекался местными песнями, сказками и преданиями. Окончил он немировскую гимназию (в Подольск. губ). *Василий (Лужицкий)*, (1788-91 - 1879 г.), происходил из дворян Червонной Руси, учился в белорусской униатской семинарии и Полоцкой иезуитской Академии. *Антоний (Зубко)* род. 1797 и ум. 1884 г., сын униатского священника Витебской губ., учился в полоцкой униатской семинарии и иезуитской академии. Потом все трое учились в главной семинарии при виленском университете (богословский факультет), протектором которого был князь *Адам Чарторжский*, не любивший иезуитов и католический фанатизм. Он много способствовал развитию в учениках и наставниках семинарии весьма либерального отношения к злоупотреблениям римского духовенства. Семашко, самый младший из них и более всего проникнутый православными симпатиями, был наиболее талантливым и способным к практической деятельности. В 1821 г. он был посвящен в Луцке в священники и назначен был воспитателем семинарии и асессором членом луцкой дух. консистории. В следующем году его, как знавшего русский язык и законодательство, назначили присутствовать в униатском департаменте римско-католической коллегии в С. Петербурге. В последней он явился смелым, настойчивым и непобедимым противником ее католических членов. “Зная всю закулисную сторону католического управления униатскую церковью и в то же время ознакомившись в Петербурге с православною обрядностью и русской духовной литературой,” пишет Знаменский, “Семашко принял решение выступить спасителем своей церкви и народа и от Рима и от Польши. Царствование императора Николая I, провозгласившего незыблемыми основами Русского госу-

дарства православие, самодержавие и народность, счастливо способствовало выполнению такого широкого замысла пока еще невидного асессора католической коллегии. Еще в 1827 г. государь, уже проникавший в действительное положение дел униатской церкви, воспретил принимать в униатское монашество чистых латинян и указал усилит средства на образование униатского белого духовенства. В том же году Семашко представил для государя записку, в которой, изложил историю унии и все происки Рима к ее облатинению, указал и средства к спасению униатского населения от врагов его народной веры: вместо департамента католич. коллегии, открыть для униатского управления особую униатскую коллегию, вместо 4-х оставить только две униатских епархии, — Белорусскую и Литовскую, — улучшить содержание духовных школ и прекратить обучение униатской молодежи в школах католических, воспретить соращение униатов в латинство, сократить число базилианских монастырей и упорядочить их администрацию.” Записка эта встретила сочувствие имп. Николая I, наградившего Семашко бриллиантовым крестом. 22 апр. 1828 г. последовал Высочайший указ об учреждении *отдельной униатской коллегии*, поставившей униатскую церковь в независимое положение от католической администрации. Членами ее были назначены *Семашко, Лужинский и Зубко*. Лужинский был ректором полоцкой униатской академии и доктором богословия. Антоний Зубко — профессором полоцкой семинарии, с 1824 г. — священником. Последовало закрытие нескольких базилианских монастырей, подчинение всех епархиальной власти, основание униатской семинарии в Жировицах и нескольких духовных училищ. В 1829 г. *Иосиф Семашко* посвящен был в сан *епископа мстиславского*, помощника полоцкого епископа, и назначен председателем белорусской консистории, с оставлением членом коллегии.

Дальнейшему развитию униатского дела способствовало *польское восстание* 1830-31 гг., в котором ксендзы и базилиане явились главными участниками. Ряд больших базилианских монастырей был закрыт, часть из них передана православным, в том числе *Почаевский монастырь*. Согласно с прежней запиской владыки Иосифа, оставлены только две епархии — *Литовская*, епископом которой в 1833 г. был назначен сам Иосиф и *Белорусская*, вверенная *митр. Иоасафату Булгаку*. Чрез некоторое время для них посвящены были викарии: *Антоний (Зубко)* епископом брестским в помощь Иосифу (1833) и *Василий (Лужинский)* оршанским в помощь Иоасафату (1834). Еп. Иосиф разработал общий план воссоединения униатов, состоявший в том, чтобы, после надлежащей предварительной подготовки, воссоединение единовременно было принято повсюду всем униатским духовенством. Выполнение этого плана велось, под его руководством, со строгой постепенностью и в полном секрете от католической партии. Он был недоволен, когда местные губернаторы и православный еп. Смарагд начали проявлять рвение в этом вопросе. Имп. Николай I тоже считал, что вопрос этот должен созреть постепенно. Вследствие этого в 1834 г. последовало правительственное распоряжение (секретное) действовать осторожно и неторопливо в деле присоединения униатов. Вместе с тем, униатским епископам было предписано усиленно очищать свою церковь от католических обрядов. В 1835 году еп. Иосиф был назначен членом *секретного комитета*, образованного в 1834 г. в Петербурге для направления униатских дел и членом комиссии духовных училищ, которой подчинялись все униатские духовно-учебные заведения. В 1834 г. по всем униатским церквам были разосланы служебники московской печати. В начале 1837 г. наведывание делами униатской церкви было передано из министерства внутренних дел *обер-прокурору Синода*. Начиная с 1834 г. архиереи Иосиф, Василий и Антоний совершали по своим епархиям неутомимые разъезды, стараясь лично устанавливать связь с духовенством и прививать им свои взгляды. Наибольший успех чувствовался в литовской епархии. В Белоруссии приходилось считаться с влиянием митр. Иоасафата, продолжавшего латинствовать.

В 1838 г. скончались митр. Иоасафат и, единомысленный с ним, еп. пинский Жарский. *Председателем* униатской коллегии стал владыка Иосиф. Еп. Василий получил Белорусскую епархию покойного митрополита. Подготовка духовенства была закончена, и оно выдало подписки на воссоединение, за исключением сотни священников в Белорусской епархии. 12 февраля 1839 г. собор униатских архиереев и высшего духовенства, собравшийся в неделю Православия в Полоцке, составил торжественный акт о присоединении униатской церкви к православной и всеподданнейшее прошение о том государю с приложением 1305 подписей духовных лиц. 25 марта имп. Николай I написал на этом прошении: “Благодарю Бога и принимаю.” За пастырями присоединилось к Православию и все полуторомиллионное население указанных епархий. Радость воссоединения выразилась торжественными богослужениями бывшего униатского духовенства с древне православными в Витебске, Орше, Полоцке, Вильне. В память воссоединения выбита была медаль с надписью на одной стороне: “Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839),” с другой — под ликом Спасителя на убрусе: “Такова имама Первосвященника.” Бывшие униатские архиереи получили православные епархии западного края: Иосиф стал архиепископом литовским, с 1852 г. митрополитом. Василий — еп. полоцким, с 1841 г. — архиепископом и с 1866 г. — членом Синода, Антоний — еп. минским и бобруйским, с 1841 г. — архиепископом. В 1848 г. владыка Антоний ушел на покой. Митр. Иосиф писал о нем, что в деле воссоединения никто не помог мне столько, сколько он.” Сам владыка Иосиф переселился в 1843 г. из Петербурга в Жировицкий мон., исходатайствовал для литовской епархии второе — ковенское — викариатство. В 1844 г. он переехал в Вильну, переведя туда литовское епархиальное управление, вместе с семинарией. Владыка Иосиф старался влиять на усиление числа православных в западнорусском чиновничестве, опасаясь нового польского мятежа. Он открыл свыше 200 церковно-приходских и других училищ.

Владыка Иосиф пользовался доверием и поддержкой императоров Николая I и Александра II. В 1852 г. владыка Иосиф возведен был в сан митрополита. С началом беспорядков в Вильне он рассылал твердые наставления духовенству. До назначения в Вильну генерал-губернатором решительного гр. М. Н. Муравьева положение его было опасным. Митр. Иосиф после усмиренного польского мятежа 1863 г. оказал материальную поддержку пострадавшему от повстанцев православному духовенству, восстановил и вновь построил несколько церквей. По назначении начальником края ген. Потапова он скорбел из за непостоянства правительственных распоряжений, но верил, что посеянные им семена не заглухнут, а принесут свой плод. Укрепление этой веры митр. Иосиф мог найти в высокой оценке его трудов, сделанной в последнем Высочайшем рескрипте от 27 марта 1866 г., которым сопровождалось пожалование ему посоха, осыпанного драгоценными камнями Владыка Иосиф скончался 23 ноября 1868 г. (“Прав. Бог. Энц.”).

После воссоединения униатов *Белоруссии и Литвы* уния оставалась еще в *Привислинском* крае, в униатской *Холмской* епархии. Правительство обратило на это внимание после польского восстания. Дело воссоединения и здесь началось с ослабления силы базилиан и восстановления православной обрядности. Главным деятелем в подготовке воссоединения выступил протоиерей *Маркелл Поппель*, назначенный, по удалении местных епископов, администратором епархии (1870). В 1874 г. имп. Александр II выразил согласие на воссоединение. После этого в Седлецкой губ. воссоединилось до 50000 униатов. 18 февраля того же года в *Холме* состоялся собор духовенства с Маркеллом во главе и составлен акт о воссоединении *всей Холмской епархии*. 11 мая — в день свв. Мефодия и Кирилла — последовало самое торжество воссоединения. В том же году *Маркелл* был посвящен во *епископа люблинского*, викария православной Варшавской епархии, с кафедрой в г. Холме (занимал ее до 1878). Укреплению православия в древней русской Холмщине способствовало образование в

1905 г. самостоятельной епархии и в 1912 г. холмской губернии, в которую вошли уезды люблинской и седлецкой губерний с преимущественно православным населением. Уния осталась только в отторженном от России древнерусском крае — Галиции — которой после раздела Польши в XVIII в. владела Австро-Венгрия.

Католицизм потерпел большой ущерб воссоединением униатов, Он продолжал свою пропаганду даже при таком твердом ревнителе православия и русской народности, как имп. Николай I. Произошло несколько совращений в латинство бывших униатов и православных в западном крае и в высшем русском обществе. Некоторые, отпавшие от Православия, даже эмигрировали за границу (князя Гагарин и Голицын, Мартынов), сделались там иезуитами и старались вредить своей родной Церкви брошюрами в пользу католичества, совращением русских путешественников и путешественниц с помощью основанного в Париже братства Кирилла и Мефодия. (Знаменский).

Воссоединение же униатов продолжалось. В 1840-41 гг. в Православие, вместе с униатами, обратилось 20000 католиков. Новое усиление обращения католиков произошло после польского восстания 1863 г., во время которого так ярко проявилась тесная связь католицизма с бунтовщиками. В 1864 г. обратилось до 50000 католиков. Обращения эти продолжались до 1870 годов. Еще более стали они усиливаться с 1870 г., после *Ватиканского собора, провозгласившего догмат о непогрешимости пап*, озадачившего своими определениями многих исповедников католичества. В России увеличилось обращение в Православие чехов колонистов. В 1888-89 гг. в *Волынской епархии* присоединилось 6800 чехов. (Знаменский).

В 1862 г. присоединен был в Париже, в сущем сане, француз, католический аббат Рене-Франсуа *Гетте* (1816-75), получивший имя Владимира. Он был автором обширной истории и др. трудов; издавал до принятия православия журнал “*Observateur Catholique*,” соединившийся потом с первым в Париже русским журналом “*Union Chrétienne*.”

В Соед. Шт. Сев. Америки, после Ватиканского собора, совершилось обращение католического богослова, проф. Биеринга, потом правосл. священника в Нью-Йорке. Отделившаяся от Рима старокатолическая церковь завязала с православной Церковью живые сношения о своем с нею соединении. Для разработки вопроса этого собирались конгрессы и конференции старокатолических и русских богословов (в Мюнхене, Кельне, Бонне, Утрехте) частным образом, без официального в них участия самой Русской Церкви.

Православие в Прибалтийском крае и в Финляндии. Сношения с иноверцами в Англии и в С. Ш. А.

Основное население Прибалтийского края, вошедшего в состав Российской империи в XVIII в., составляли *латыши* и *эсты*. Они находились в полной зависимости от местных землевладельцев германского происхождения и, зависимых от таковых, лютеранских пасторов. Православных жителей, вместе с пришлыми русскими людьми, в 1830 г. во всем *Прибалтийском крае* было не более 20000. Церквей было тоже мало. Они существовали, главным образом, для войск, расположенных в крае. Первые начатки движения в пользу Православия определились с открытием в 1836 г. в Риге псковского викариатства. При первом же *епископе Иринархе* в Лифляндии ж Эстляндии между крестьянами начало развиваться значительное движение к переходу из лютеранства в Православие. В скорбях своих латыши и эсты, не находя удовлетворения в лютеранстве и чуждые пасторам, давно уже привыкли искать себе утешение вне лютеранства. Одни ходили на богомолье в древний Псково-Печерский мон. Другие посещали католический костел в Шемберге. Некоторые становились сектантами, кото-

рые распространились в крае в царствование имп. Александра I. Ближе всего им была “царская вера” служители которой относились к ним ласково и бескорыстно, отличаясь этим от пасторов. В 1841 г. к владыке Иринарху стали в большом количестве прибывать крестьяне, желавшие перейти в Православие. К сожалению, среди них были и такие, которые полагали этим получить освобождение от гнета местных помещиков или переселиться в другие места. Религиозные побуждения ими не руководили. Лютеранские круги, в лице некоторых помещиков и пасторов, сумели придать всему этому движению политический характер, изображая в виде бунта. Еп. Иринарх был удален и началось следствие об его действиях. Он был оправдан, как выясилась и правота прочего православного духовенства. Обнаружилось и тяжелое положение крестьянства. Генерал-губернатор бар. Пален всячески поддерживал интересы лютеран. Переход в Православие был дозволен крестьянам самим государем, но с непременным внушением, что они не получают за это никаких изменений в своих договорных отношениях с помещиками, а освободятся лишь от повинностей и платежей в пользу пасторов.

Преемником владыки Иринарха стал выдающийся иерарх *еп. Филарет (Гумилевский)*, — известный богослов и историк Церкви (1805-1866). Сын священника Шацкого у., Тамбовской г., носивший фамилию Конобеевского (по селу Конобееву), он за смирение и малорослость прозван был в тамбовской семинарии Гумилевским. Окончив иноком московскую дух. академию, он был в ней потом профессором и ректором, в сане архимандрита. В 1841 г. он был поставлен викарным еп. рижским. В 1845 г. повторилось движение местного крестьянского движения в отношении перехода в Православие. Сразу же выявилось и противодействие помещиков и пасторов. Во главе администрации оставался Пален. Православное духовенство делало все, что могло для поддержания движения. Нужные христианские книги переводились на латышский и эстонский языки. Знающие их вызывались к занятию священнических мест. Усилено было катехизаторство, чем опровергались заявления пасторов, что “попы” крестят, никого не научив своей вере. Строго соблюдались требовавшиеся формальности — прием в православие производился в присутствии властей-лютеран. Противодействия со стороны лютеран продолжались и доходили до клеветы. Изображалось положение так, что, якобы, крестьяне бунтуют и, прикрываясь религиозным движением, запуская свои обязательные работы. Вызвали такие нападки правительственное распоряжение о приостановке обращений в Православие на все время сельских работ, а также позднейшее распоряжение (1845) об обязательном 6-месячном сроке между заявлением о переходе и самим присоединением. В течение этого времени лютеране имели возможность оказывать давление на тех, кто находился в той или иной зависимости от них, Число обращений за 1845 г. доходило до 14430, в 1847 дошло до 55000, затем резко упало и сменилось даже обратным движением из Православия в лютеранство. Это было торжеством для немецко-лютеранской партии.

Владыка Филарет, не смотря на все препятствия и личные неприятности, упорно работал и поставил дело на твердую почву. Он открыл много новых приходов, вызвал значительное число нужных для священнических мест людей, первый определил образ действий духовенства в такой сложной и трудной обстановке. Еп. Филарету удалось прилично устроить материальное положение духовенства и создать в разных местах инородческие школы. В 1847 г. в Риге открыто было духовное училище, с преподаванием местных языков для воспитания духовных деятелей в крае из русских инородцев. Владыка Филарет работал до полного истощения сил, порою не имея времени для вкушения пищи и сна. Немецкая партия всячески старалась избавиться от такого опасного для нее иерарха. В 1848 г. владыка Филарет был переведен в Харьков, в 1857 г. возведен во архиепископа. С 1859 г. он был перемещен в Чернигов, где и закончил свою столь полезную для Церкви и России жизнь в 1866 году.

На положение дел в *Прибалтийском* крае было обращено особенное внимание благодаря печатным трудам *Юрия феода Самарина* (1819-76), одного из основоположников славянофильства. Принадлежа к родовитой и богатой дворянской семье, москвич, он окончил московский университет. Сначала увлекался философией Гегеля, затем же всецело принял богословские православные воззрения *известного славянофила А. С. Хомякова*. Написал замечательную диссертацию о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче. В 1847 г. он служил по министерству внутренних дел в *Риге*, состоя при генерал-губернаторе. Палена заменил В. А. Толовин, немногим отличавшийся от своего предшественника. Слухи о насильственном присоединении к Православию эстов и латышей и о возбуждении их православным духовенством против помещиков побудили его написать в 1849 г. "*Письма из Риги*," в которых обсуждалось отношение к России прибалтийских немцев. Письма эти, распространявшиеся в рукописи, вызвали неудовольствие в некоторых влиятельных кругах. Как должностное лицо, он был привлечен по обвинению в разглашении служебных тайн. Благодаря личному вмешательству имп. Николая I, имевшего и личную беседу с ним, дело ограничилось для него 10-дневным арестом и переводом на службу в Симбирск. В своих "*Письмах*," Самарин указывал, что задачи России заключаются в поднятии и укреплении расположенных к ней эстов и латышей. Этому вопросу посвящен был частично и его труд "*Окраины России*," напечатанный впервые в Берлине (1868-76). Самариним написан также замечательный полемический труд против иезуитов: "*Иезуиты и их отношение к России*."

Преемником владыки Филарета был известный иерарх второй пол. XIX века, *Платон (Городецкий)*, впоследствии митрополит киевский и Галицкий (1803-1891). В 1848 же году он был назначен епископом в Ригу, являясь викарием псковской епархии. С 1850 г. он стал во главе *самостоятельной рижской епархии*, получив позднее титул архиепископа. Владыка Платон деятельно заботился об укреплении Православия в крае. Благодаря его примирительному образу действий и просветительной деятельности, православная церковь в Прибалтийском крае заняла подобающее ей место. Владыка Платон почти удвоил число церквей, обратил еще большее внимание на поднятие благосостояния духовенства. Рижское дух. училище было преобразовано в семинарию, в которую он прилагал старания привлечь природных эстов и латышей. За время его управления паства увеличилась на 41000 человек. В 1867 г. архиеп. Платон возглавил Донскую епархию.

Новое большое движение эстов и латышей в православие появилось в начале 80-х годов со вступлением на престол имп. *Александра III*, поддерживавшего во всех западных окраинах империи православные и русские начала. Изменилось и направление местной администрации. Среди ее своим твердыми церковными и русскими взглядами выделялся эстляндский губернатор, *кн. С. В. Шаховской*. Супруга его, дочь известного сподвижника имп. Александра II, военного министра Милютина, основала в *Пюхтице, Эстляндской г.*, в 1892 г. женский мон., при котором были устроены школа, приют, мастерские иконописная, золотошвейная, швальня.

С 1883 по 1891 гг. число принявших Православие возросло свыше 20000. Со стороны немцев поднялись жалобы на гонение протестантства, услышанные и в Европе. В 1886 г. на имя обер-прокурора Синода пришло из Шафгаузена (Германия) письмо от президента и членов *реформатских синодов* с просьбой прекратить преследования их остзейских собратий. На это письмо в 1887 г. ответил *Е. П. Победоносцев*. В ответе его, ставшем широко известным, было ясно указано, что жалобами прибалтийских лютеран руководят побуждения не религиозные, а *чисто мирские* — именно желание господства в крае. Отмечалось то, что если Православие и ведет там борьбу с протестантизмом, то не наступательную, а оборонительную.

В Риге находились монастыри: мужской Алексеевский (с 1896 г.) и женский Сергиев Св. Троицкий (с 1902 г.), начало которому было положено общиной, созданной сестрами Мансуровыми в 1892 г. Последней обители принадлежала Преображенская пустынь недалеко от Митавы. В Иллуkste был основан в 1816 г. мужской мон., ставший с 1880 г. женским. К нему приписан был Свято-Духов. мон. в Якобштадте, основанный в XVII в. и упраздненный в 1866 г. В нем пребывала Якобштадтская чудотворная икона Богородицы.

В конце XIX в. правительством обращено было внимание на неудовлетворительное положение православной Церкви в Финляндии. В этом великом княжестве, присоединенном к России в 1809 г. после удачной войны со Швецией, провинцией которой являлась Финляндия, — православная Церковь всецело должна была подчиняться местным финляндским властям и руководствоваться тамошними узаконениями, созданными исключительно в интересах лютеранства. Подчиненные Синоду в общецерковных делах, православные церковные общины в своих внутренних делах, в довольствовании духовенства, содержании церквей и попечении о церковных имуществах, были вполне подчинены местным губернаторам и финляндскому сенату — правительству лютеранскому, по общему закону этого края. Таким образом, православная Церковь в Финляндии была в положении *не господствующей*, как в остальных частях Империи. *Выборгские викарии* — петербургской епархии, — впервые назначенные в 1856 г., проживая в Петербурге и занятые ректорством в духовной академии, редко посещали свою епископию. Местное православное духовное правление более считалось с гражданским управлением, для которого православная Церковь была *только терпимым* вероисповеданием. Духовное правление было посредствующим органом между православными церквами и финляндским светским начальством. Улучшение наступило лишь со времени учреждения в 1892 г., в царствование императора Александра III, самостоятельной *финляндской кафедры*, с поставлением во главе ее опытного администратора, крупного церковного деятеля того времени архиепископа *Антония (Вадковского)*.

Владыка Антоний, род. в 1846 г., был сыном священника Тамбовской г. Он окончил Казанскую дух. академию, где остался преподавателем церковного проповедничества. Овдовев и потеряв детей, он принял иночество. Был инспектором казанской академии и ректором петербургской. В 1887 г. он был хиротонисан во *епископа виборгского*, а в 1892 г. поставлен архиепископом финляндским. В качестве викария, он был знаком с тем в каком трудном положении находились церковные дела в этой окраине. Немногочисленное православное население, разбросанное на большом пространстве среди сплоченного лютеранского мира, чувствовало свое полное сиротство и бессилие и невольно поддавалось давившему его влиянию иноверцев. Церкви находились в упадке, церковное хозяйство в расстройстве, просветительная деятельность не существовала и паства жила как бы без пастыря, чем, конечно, пользовались иноверцы. Владыка Антоний своими частыми личными объездами обширного края сразу поднял в нем православно-русский дух. Повсюду началось церковное строительство, организовывались церковно-просветительные союзы, закипела вообще церковная деятельность. В 1898 г. владыка Антоний поставлен был митрополитом Петербургским и Ладожским, с назначением в 1900 г. первенствующим членом Синода. Преемниками его были владыки: Николай, вполн. архиепископ тверской; с 1905 г. Сергей (Старгородский). Большое значение для православного населения Финляндии имело нахождение в тамошней епархии знаменитых обителей *Валаамской Спасо-Преображенской* и *Коневской Рождественской*.

Первые сношения англиканской церкви с Россией о соединении церквей относятся ко времени имп. Петра Великого. Но тогда они окончились ничем. В 1830-х годах среди англиканской церкви возбудилось особенное внимание к Православию в обществе пюзеистов или англо-кафоликов. Принадлежавший к ним, архидиакон *Вильям Пальмер*, вице-президент кол-

легии св. Марии Магдалины Оксфордского университета, решил посвятить свою жизнь воссоединению англиканской церкви с православной. В 1842-1853 гг. он нарочито ездил в Россию хлопотать о соединении церквей, предпринял поездку и на Восток. Он сам пожелал принять Православие. От него было потребовано Синодом отречение от ересей, содержащихся в 39 пунктах англиканского вероисповедания. Пальмер не признавал их еретическими и отказался выполнить условия. Не согласился он и с условиями константинопольского патриарха. Огорченный безуспешностью своих стараний, он перешел в католичество. Пальмер, скончавшийся в 1879 г., собрал и перевел на английский язык обширный материал о *патр. Никоне*, со своими соображениями о значении его деятельности и последствиях его низложения.

“Постепенно стали возрастать среди англикан интерес и симпатии к православной церкви;” — пишет И. Соколов в “Прав. Бог. Эцц.,” “о ней стали отзываться, как о “святой, кафолической, достопочтенной церкви.” Наконец, в 60-х годах началось открытое движение к соединению с ней. Поводом к официальному обсуждению этого предмета послужило внешнее соприкосновение обеих церквей на с.западном побережье американского материка. В 1862 г. на генеральной конвенции североамериканской епископальной церкви был учрежден “греко-русский комитет” для дружественных сношений с греко-русской церковью по вопросу о взаимоотношениях между членами епископальной и православной церкви в Сев. Америке. В 1863 г. в Англии при кэнтерберийской конвокации также назначен был комитет по вопросу о сближении с восточной церковью. Оба комитета вошли в сношения между собою и стали совместно работать над вопросом о соединении церквей.” В одном направлении с ними действовала “Ассоциация восточной церкви” (“Eastern Church Association”), основанная в 1863 г. В 1864 г. Секретарь американского комитета пастор Юнг предпринял путешествие на Восток и в Россию. Он был принят в Москве митр. Филаретом и в Петербурге митр. Исидором, представлен Синоду и всюду встречал сочувствие. Ближайшими посредниками в деле ознакомления англикан с православной церковью были настоятели русских церквей в Лондоне прот. Е. И. Попов и в Париже прот. И. В. Васильев, приезжавший в Англию. Архиеп. кэнтерберийский Кампбелль вел по отдельным вопросам переговоры с константинопольским патриархом Григорием VI. Но конечно русская и константинопольская Церкви, сочувственно относясь к переговорам, не допускали единения *без согласия в догматах*. По случаю торжества 900-летия крещения Руси в 1888 г. архиеп. кэнтерберийский Эдуард Бенсон прислал митрополиту киевскому Платону приветствие. В день погребения императора Александра III, королева Виктория, в качестве “верховного правителя” англиканской церкви, повелела отслужить во всех церквах поминальные службы. В ее Виндзорском дворце, по ее распоряжению, были внесены в служебник погребальные песнопения русского православного богослужения. По желанию королевы, переведена на английский язык “Моя жизнь во Христе” о. Иоанна Кронштадтского. В 1896 г. на св. коронации императора Николая II присутствовал представитель англиканской церкви еп. питербороский Крейтон. В 1897 г. на торжестве 60-летнего юбилея королевы Виктории присутствовал представитель русской Церкви архиепископ финляндский Антоний. (“Прав. Бог. Энцикл.). Владыка Антоний получил докторские степени от Оксфордского и Кембриджского университетов.

В переговорах с англиканами подымался вопрос о сохранении ими своих обрядов. “Одним из важных препятствий к удовлетворительному решению вопроса о присоединении англикан и вообще протестантов,” пишет Знаменский, “была открывшаяся тогда разность между Русской и Греческою церковью в способе присоединения этих иноверцев: Русская церковь присоединяла их чрез одно миропомазание, а Греческая требовала повторения над ними и таинства крещения.” Происходили по временам частные случаи обращений, из которых произвело большое впечатление обращение в 1861 г. английского *пастора Ричардсона*, в 1869 г. издателя “Православно-кафолического Обзорения” доктора богословия *Овербека*.

Они, в особенности последний, много потрудились в пользу православной Церкви среди англикан. С 1870 г. особенно подвинулось вперед знакомство с православной Церковью *американского* общества, когда, перейдя из католичества, *Николай Беринг*, став православным священником, открыл в своей церкви в Нью-Йорке православное богослужение на английском языке и стал читать о Православии лекции.

Духовное просвещение.

В 1808 г. в России были четыре духовных академии: киевская, московская, петербургская и казанская, 36 семинарий, до 115 низших духовных училищ, с числом учеников, простиравшимся до 28000 человек.

На основании *комитетского проекта* 1808 г., о котором упоминалось (стр. 726), все духовные школы в первый раз были объединены под управлением *Комиссии дух. училищ* в виде особого духовно-учебного ведомства, являвшегося отделением синода. Непосредственный надзор за средними и низшими учебными заведениями составлял обязанность академий. Ведомство разделено на академические округа и получило общие однообразные уставы. Академии оставлены с одним высшим образованием для воспитанников, уже окончивших семинарский курс. Семинариям — по одной на епархию — предоставлено среднее духовное образование. Низшие училища — уездные (по 10 на епархию) и приходские по благочиниям (по 30 на каждую епархию) должны были разделить между собою труд низшего образования детей. Число всех школ на деле не достигло до предположенных цифр. Низших школ открыто было всего до 300. Академий оставлено три, т. к. *казанская* была в 1818 г. на время обращена в преобразованную семинарию с присоединением ее округа к московскому. Она открыта была вновь в 1842 г. Основные предположения 1808 г. были в значительной мере осуществлены. В 1814 г. были изданы их *уставы*, написанные отчасти *Сперанским*, главным же образом владыкой *Феофилактом*. По своему общему характеру, все духовные школы созданы были в виде сословных школ смешанного типа, с общеобразовательным и специальным курсами вместе. Образование в них по прежнему сделано обязательным для детей духовенства. Число учеников семинарий дошло в царствование имп. *Александра I* до 46000. Курс низших школ имел общий элементарный характер, вследствие чего в эти школы дозволялось принимать учеников и из других сословий. В семинариях, составленных из трех двухгодичных отделений, называвшихся по главным своим предметам риторикой, философией и богословием, последнее отделение имело специальный духовный характер. В академиях курс делился на два двухгодичных отделения — общеобразовательное и специально богословское. Студенты академий по окончании курса удостоивались степеней кандидата и магистра и особых окладов по этим степеням, если они примут священный сан. В 1814 г. комиссия дух. училищ удостоила несколько духовных лиц степени доктора богословия, тоже получавших особые оклады. Магистры и доктора в священном сане получали особые кресты. С 1820 г. на содержание всех духовных школ отпускалось 1 674 120 руб. Все школы пришли после этого в заметное оживление; повсюду началась стройка и перестройка зданий, улучшилось содержание учителей и казеннокоштных учеников. (Знаменский).

В духовных учебных заведениях воспитание должно было вестись в духе евангельском. Часть предметов была яснее определена, чем прежде, другие введены вновь. Таковыми новыми были: математика, ранее почти неизвестная, история всеобщая и церковная, преподававшаяся кое-где, языки — еврейский, немецкий и французский, по временам звучавшие в академиях и почти никогда в семинариях. Греческому языку назначена была важность одинако-

вая с латинским, тогда как прежде вовсе не слышали его в училищах и редко в семинариях. Введена была герменевтика, которой в семинариях не знали, хотя по местам толковали св. Писание. Даже в киевской академии только с 1798 г. стали преподавать герменевтику и церковную историю. План образования, начертанный Комитетом, мог быть Приведен в исполнение только постепенно. Академия нового образования сначала была открыта в 1809 г. только в *Петербурге*.

В том же году открыты были низшие заведения по новому плану в петербургском округе. Способным людям поручено было приготовить учебные книги. Скоро появились “*Библейская история*” Филарета (Дроздова), превосходное руководство для академий, и “*Церковная история*” Иннокентия (Смирнова). В то же время разосланы были по семинариям конспекты богословских и философских наук. Первый курс петербургской академии кончился благополучно. Из числа воспитанников его явились впоследствии митрополит и 7 архиепископов. Из начальников же — 3 митрополита, 2 архиепископа и 2 епископа. В 1814г., когда окончился этот выпуск, он мог дать способных наставников для семинарий. В 1814 г. явилась возможность по новому плану открыть *московскую академию* в Троицко-Сергиевой лавре. Тогда же введено преобразование в семинариях петербургского и московского округов. Дело все более развивалось. В 1822 г. на основании опыта напечатаны были подробные проекты уставов для академий, семинарий и училищ. В продолжении 16 лет число учащихся возросло от 30000 до 46000, а число училищ вдвое. К концу царствования имп. *Александра I* уже и в селах много было священников, получивших полное семинарское образование, тогда как при имп. *Екатерине* и в городах бывали неученые священники.

Правительственные отпуска на содержание школ повышались. Но все же положение в семинариях было еще тяжелым. Дело в том, что, вследствие бедности духовенства, училищные начальства вынуждены были принимать на казенное содержание много бедных учеников сверх штата. В следствии этого приходилось сокращать то, что шло на содержание штатных бурсаков. Приходилось из семинарских окладов помогать низшим школам. В 1836 г. — в царствование имп. *Николая I* — последовала новая прибавка к училищным окладам. В том же году предприняты были самые деятельные меры к совершенному преобразованию духовного юношества; по Высочайшему повелению, изданы в свет коренные уставы Вселенской Церкви, как основание канонического права, не имевшего места в программах духовно-учебных заведений прошлого времени; сделаны главными руководствами в преподавании догматического богословия “Изложение православной веры,” написанное восточными патриархами, и “Православное исповедание веры,” составленное Петром Могиллой; в академиях и семинариях введено учение об отцах Церкви и распространено на все три отделения преподавание специальных богословских наук; возобновлено издание книги Стефана Яворского “Камень веры” и, наконец, про странный катехизис московского митрополита Филарета, совершенно переработанный автором, согласно с строгими требованиями древнего православия, введен в 1839 г. в повсеместное употребление, в качестве школьного руководства по Закону Божию. (Благовидов).

В 1840 г. введены были науки — патристика, пастырское и собеседовательное богословие и, кроме того, знания чисто практического характера — сельское хозяйство, съемка и черчение планов, медицина и оспопрививание, иконописание. Богословские предметы перенесены были и в общеобразовательные классы, философия признана была в семинариях ненужной и из нее оставлены только логика и опытная психология.

В *шестидесятых* годах произведена была новая реформа, вызванная разными недочетами, в особенности же тяжелым материальным положением школ в которых казеннокоштные ученики голодали, здания оставались без ремонта, учителя же уходили в другие ведомства. Новая реформа обсуждалась с 1860 по 1866 гг. Наряду со специальными комиссиями, обсу-

ждали ее епархиальные архиереи, ректоры, академические советы и даже печать. Правительство ассигновало казенное пособие школам в размере полутора миллиона руб. В мае 1867 г. духовно-учебное управление заменено было духовно-учебным комитетом и утверждены новые семинарский и училищный уставы, а в 1869 г. академический устав. Администрация духовно-учебной части получила новый вид. Она была сосредоточена в одном *духовно-учебном комитете*. Академические округа были упразднены и академии освобождены от несвойственных им административных забот. Во внутреннем управлении дух. школ проведено *начало самоуправления и начало выборное*, касавшиеся всех должностных лиц, кроме ректоров академий. Таким образом во всех делах заинтересованными оказались члены учебного и педагогического составов учебных заведений. В делах семинарий и училищ призвано было к участию и местное духовенство, выбиравшее своих представителей в правления учебных заведений. Учебная часть семинарий и училищ была организована с более стройным распределением предметов общеобразовательного и специального курсов. Для сокращения семинарского курса из него были выпущены даже библейская история, учение о богослужбных книгах и патристика; обширнее было поставлено преподавание философии. Нововведением и в семинариях и в академиях было преподавание *педагогики*, при котором имелось в виду ближайшее участие духовенства в деле народного образования. Самой благотворной стороной новой учебной реформы было возвышение духовно-училищных окладов, прекратившее прежнее бедственное состояние дух. школ. Свечной сбор в 1870 г. был заменен процентным *со всех церковных доходов*, по 10-21 процентов с каждой церкви. В царствование имп. Александра III издан в 1884 г. новый устав духовных академий и семинарий. Профессорам и учителям возвышены оклады содержания и пенсий, применительно к положению министерства народного просвещения.

Стали создаваться школы для образования дочерей духовенства. Начало этому положено было *ведомством Императрицы Марии* в 1843 г., создавшим в Царском Селе такую школу. За ним стали открывать и другие школы в ряде городов. С 1860 г., с возбуждением в среде духовенства сословной само деятельности, по епархиям начали создавать *епархиальные женские училища*, содержащиеся на средства епархиального духовенства. Училища эти создались во всех епархиях и имели очень большое значение.

Представители духовной науки и проповедничества.

В 1805 г. Издана “*Краткая Церковная Российская история*” митрополита московского Платона. До этого труда составители русской церковной истории, по отзыву проф. Н. Н. Глубоковского (Заслуженный профессор др. богосл. Н. Н. Глубоковский: “Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии.” Варшава. 1928 г.), ограничивались летописно-повествовательными сообщениями, митрополит же Платон, по его словам “держится собственно летописного распорядка.” но группирует свой материал более систематично и, главное, везде рисуется “любезным и привлекательным истории свойством — истины и беспристрастия,” по чему старательно применяет трезвый критицизм в обсуждении литературных сведений и жизненных явлений.” В 1807-16 г.г. напечатана была “*История Российской иерархии*,” в 6 частях составленная совместно ректором новгородской семинарии Амвросием (Орнатским), будущим епископом пензенским, и епископом вологодским Евгением (Болховитиновым), будущим митрополитом киевским. Труд этот, изобилующий данными, дал прочное основание последующим трудам по русской церковной истории. Знаменский пишет: “Евгений до конца

жизни занимался своими археологическими и историческими работами, посвящая свои труды преимущественно собиранию материалов, разработке первоисточников и всякого рода каталогизации. Во всех епархиях, где он служил — в Новгороде, Вологде, Пскове, Киеве — владыка Евгений везде изучал местные архивы, собирал Сведения об иерархах, монастырях, святынях и составлял обо всем заметки, каталоги и цельные исследования. Так явились его “Разговоры о древностях Новгорода,” материалы для истории вологодской иерархии, святых и монастырей статьи о пермских древностях, “История княжества Псковского,” “Летопись Изборска,” Описание Киево-Софиевского собора и Киево-Печерской Лавры и др. Много лет он работал над составлением своих знаменитых “Словарей русских писателей” светских и духовных. Он вел обширную переписку и сношения со всеми почти русскими учеными и библиографами и с известным тогдашним меценатом русских ученых гр. Н. П. Румянцевым. Его заметками о Кормчей пользовался в своем “Обозрении Кормчей” барон Розенкамф. В числе обработанных им древних памятников были грамоты св. кн. Мстислава Юрьеву монастырю, История кн. Курбского, Хождение Даниила и др. Ученые общества, университеты, академия наук приглашали его в число своих членов.” Проф. М. П. Погодин писал о нем: “Вот был человек, который не мог пробыть нигде одного дня без того, чтобы не ознаменовать его трудами на пользу истории ... Замечу еще особенность в его уме и характере: необыкновенная положительность без примеси малейшей идеальности. Это был какой то статистик истории. Он, кажется, не жалел, если где чего ему не доставало в истории; для него это было как будто все равно. Что есть, — хорошо а чего нет, — нечего о том и думать. Никаких заключений, рассуждений.” “Но зато,” пишет о нем проф. Н. Н. Глубоковский, “фактическая сторона у него всегда документальна и проверена тщательно, а все ее части размещаются по объективным рубрикам взаимной исторической связи, хотя бы внешней и нуждающейся во внутреннем освещении. Собран был богатый обоснованный и упорядоченный материал, который вместе с другими церковно историческими запасами сам собою просился в рамки научной систематизации.” Епископ Амвросий (Орнатский), уйдя в 1825 г. на покой, выехал из Пензы в нагольном тулупе и в Кириллово-Белоозерском монастыре заключился в тесной келье. Здесь он питался только просфорой, которую приносили к окну его. В глубокою полночь, при свете луны, видели его издали стоящим на паперти на коленях с воздетыми к небу руками. Иначе он не видался ни с кем. 27 дек. 1827 г. просфора, оказавшаяся на окне кельи, дала знать, что святитель окончил свой земной путь.

Обработкой материала, оставленного митр. Евгением, занялся самоотверженный даровитый владыка Филарет (Гумилевский) архиеп. черниговский (1859-66), ранее харьковский (1848-59). Он выпустил в 1847-48 гг. “Историю русской Церкви,” в пяти периодах, обнимающих годы с 988 по 1826 г. Труд этот совмещает массу сведений, не редко добытых собственными разысканиями и справками, отличается, по отзыву проф. Глубоковского, “бесспорным искусством комбинирования по существенным началам жизненных явлений, почему последние сразу становились ясными в этой перспективе по своей подлинной исторической природе и не нуждались в детальном рассмотрении.” Архиеп. Филаретом составлен был “Обзор русской духовной литературы” (862-1863), содержащий ценные данные.

Еще более значительным историческим трудом была “История Русской Церкви” митр. московского Макария (Булгакова), занимавшего до этого кафедры тамбовскую, харьковскую и литовскую. Труд этот включает XIII томов (последний издан после его смерти). Автор обогатил науку множеством всяких научных сокровищ высокого значения.

Известны и другие труды упомянутых авторов. Архиеп. Филарет написал: Историческое учение об отцах Церкви. Исторический обзор песнопевцев греческой Церкви. Русские святые в 12 книжках с ученой обработкой их житий. Святые подвижники восточной Церкви. Исто-

рико-статистическое описание харьковской и черниговской епархий. Объяснение на послание к Галатам. Учение евангелиста Иоанна о Слове. Система догматики.

Митр. Макарием написано: История киевской академии. История русского раскола старообрядчества. Введение в православное богословие и полная система догматического богословия. О последнем труде упомянуто будет ниже.

Большой и тщательно разработанный труд проф. В. Е. Голубинского *“История Русской Церкви,”* обнимающая события до митр. Макария (1542-63) включительно. Все исторические события им до крайней тщательности проверены. Но критицизм захватывает его полностью и это отражается на всем его труде. Глубоковский, признавая значение его крупного труда и нового освещения им ряда вопросов, Пишет: “Его критический молот был не просто внушительно-тяжелый, но и неразборчиво-грубый, бывший на своем пути направо и налево все попадавшееся прямо на смерть за простую слабость, лишая ее самого права на существование, всегда условное в земной ограниченности. Вообще у него критическая сторона гораздо выше, чем конструктивная, к которой он имел меньше и склонности и способности.” Умер он в 1904 г.

Русскую богословско-историческую науку обогатил владыка Арсений (Иващенко), еп. кирилловский, викарий новгородской епархии, до этого настоятель московского ставропигиального Заиконоспасского м. Важнейший его труд “Летопись церковных событий и гражданских от Рождества Христова до 1898 года.” Димитрий (Самбикин), архиеп. Тверской (1839-1908), известен выдающимися учеными трудами по русской церковной истории и археологии; замечателен его “Месяцеслов русских святых, всею русскою церковью или местно чтимых,” — труд, не встречаемый у предшественников. Проф. П. Н. Жукович, за свою работу об его научно-литературной деятельности удостоенный степени доктора церк. истории, отмечал, что “Месяцеслов русских святых” есть своеобразный Месяцеслов, отразивший в себе и религиозно-церковное мировоззрение русского народа и другие стороны его жизни.” Известен историческими трудами прот. Василий Жмакин, с 1900 г. член учебного комитета при Св. Синоде. Лучший его труд магистерская диссертация: “Митрополит Даниил и его сочинения.” Автор многих трудов В. З. Завитневич, профессор киевской академии. Его докторская диссертация “Алексей Степанович Хомяков” (1902), по отзыву рецензента проф. Жуковича, “оставляет после себя впечатление целого, обширного по размерам и объединенного одной мыслью, богословско-исторического трактата.” Профессор И. А. Чистович (1828-93) написал ряд трудов, из которых очень ценен “Очерк истории западнорусской церкви.” Много трудов напечатано М. И. Кояловичем (1828-91), сыном священника Гродненской г., профессором петербургской дух. академии, в особенности об унии и о всем касавшемся его родного края. Его “Лекции по истории Западной России,” напечатанные в 1864 г., имели еще три издания. В 1871 г. вышло хорошее “Руководство к русской церковной истории” проф. казанского университета П. В. Знаменского. В изданиях начиная с 1896 г. оно именуется “учебным.” Карташов, отдавая должное Знаменскому, с большой похвалой отзываясь и о труде проф. новороссийского унив. А. П. Доброклонского (†1937 г. в Белграде): “Руководство по истории русской церкви” (писалось 1884-93 г.г.).

Глубоковский пишет: “Русская церковно-историческая литература чрезвычайно богата ценными работами монографического характера по всем отраслям и более или менее важным вопросам. Лишь приходское белое духовенство, наряду с государственным влиянием высшей иерархии наиболее содействовавшее проведению христианства в глубину народной жизни на всем пространстве России, исследовано неполно и недостаточно, как это верно касательно состояния народа в истории по его религиозно-церковной стороне: — в этом отношении открываются широкие перспективы и точнее обрисовываются благодарные задачи,

обещающие объективное научное разрешение. А о русском православном приходе уже довольно и обработанных трудов и систематизированных материалов.”

Самостоятельную отрасль изучения русской Церкви составляет *история раскола*. Вопрос о научной специализации этого вопроса выдвинут был в начале 50-х годов XIX в., к которому относится и открытие соответствующих кафедр при Духовных Академиях. Задачи были полемические, судя и по названию этой науки “*история и обличение русского раскола*.” По словам Глубоковского, “наиболее убедительно выразили этот принципиальный взгляд митрополиты — Московский Филарет (Дроздов) и С. Петербургский Григорий (Постников), а Макарий (Булгаков) научно развил и обосновал его в отдельном историческом труде...” Исходя из того положения, что раскол является отклонением от католической истины, заслуживающим разоблачения и исправления, писал свои ученые труды московский проф. Н. И. Субботин. Он издавал журнал “*Братское Слово*,” где (1875-76, 1883-99 годы) было помещено также много важных для истории раскола памятников и всяких сообщений. Ближайшим сотрудником Субботина был умный, настойчивый и хорошо осведомленный по своему прежнему нахождению в расколе единоверческий архимандрит Павел, по прозванию Прусский. К течению Субботина примыкал, вдохновляясь его принципами, казанский профессор Я. И. Ивановский. В другом виде изображался раскол теми, которые видели в нем особую “народную веру” и усматривали в нем протест против современных ему Церкви, государства и общества. Представителями такого течения были казанский проф. А. П. Щапов (начиная с магистерской диссертации в 1857 г.) и ученый историк проф. Н. И. Костомаров. Писали о расколе проф. московского университета Н. ф. Каптерев в историческом освещении, а так же напечатана была в 1905 г. книга проф. Е. Е. Голубинского “К нашей полемике со старообрядцами.” Об единоверии писали проф. Н. И. Петров, о. В. И. Жмакин, М. В. Семеновский, проф. П. С. Смирнов, о. М. П. Чельцов, о. С. И. Шлеев, потом единоверческий епископ Охтинский Симон и др. Труды последнего Глубоковский считает написанными в узко тенденциозном духе.

Печатались труды о православном востоке. Главным трудом в этой области является работа академика проф. В. Е. Голубинского о церквях Болгарской, Сербской и Румынской. Другие труды: Проф. А. И. Александрова (еп. Анастасия) “*Политическая и церковная жизнь славянства в XIX в*” (Казань 1911); Архиеп. Филарета (Гумилевского) о “*святых южных славян*”; Проф. о. Т. И. Буткевича “*Высшее управление в православных автокефальных Церквях*.” Отдельные работы: о *Болгарии* — проф. академика И. С. Пальмова, проф. Н. Л. Туницкого и др., о *Сербии* — прот. М. П. Чельцова и проф. И. О. Пальмова (его же о Черногории), о православных в *Австро-Венгрии* — В. П. Мордвинова, проф. Г. А. Воскресенского, о. Д. Н. Якшича, о *Чехии* — обширные сочинения проф. Пальмова, о *Румынии* — митр. новгородского Арсения (Стадницкого), проф. Ф. А. Курганова, В. В. Колокольцева, Н. В. Лашкова, о *Молдавии* — митр. Арсения.

По всеобщей церковной истории в нач. XIX века известны труды архимандрита Мефодия (Смирнова), возглавлявшего потом ряд кафедр (ум. 1815). Им написана была “*История первых веков христианства*” и “*О Флорентийском соборе*.” Ректором петербургской семинарии, архимандритом Иннокентием (Смирновым), скончавшимся в 1819 г. еп. пензенским, выпущено было в 1817 г. двухтомное “*Начертание церковной истории с библейских времен до XVIII столетия*,” сделавшееся на долгое время классической книгой для духовных школ. Прот. Иоанн Григорович (ум. 1853), воспитывавшийся на счет гр. Румянцева в петербургской академии, автор трудов по русской истории, издал переписку пап с российскими государями и др.

Церковную историю выдвинул на самостоятельный высокий ученый пьедестал проф. и ректор московской Академии, прот. А. В. Горский. Он не любил, по скромности, сам печатать

таться, но воспитал целую историческую школу, “распространившуюся” по словам проф. Глубоковского “по всему простору русского богословского поля.” Сменивший прот. Горского на академической кафедре, архим. Иоанн (Митропольский) обработал историю Вселенских соборов. Другой близкий к прот. Горскому, проф. А. П. Лебедев, скончавшийся в 1908 г., прямой наследник его традиций, отличавшийся, редкой трудоспособностью к концу жизни объединил важнейшую часть своих трудов в “Собрании церковно-исторических сочинений.” Описывая историю Вселенских соборов, он с “замечательной стройностью,” пишет Глубоковский, “показал заправляющее воздействие; на них Александрийской и Антиохийской школ, из которых каждая выдвигала тогда партию защитников своих частных решений того или другого спорного вопроса. Учеником его, развивавшим его взгляды, был проф. А. А. Спасский. Известен историк проф. Ф. А. Терновский. Крупным авторитетом в исторической науке был проф. ретроградской Духовной Академии В. В. Болотов. Он, по словам Глубоковского, “поднял церковно-исторический научный идеал до чрезвычайности, непосильной для большинства, чтобы везде говорить непременно свое и в готовом брать только достигнутое самим.” Скончался он 46 лет. Его “Лекции по истории древней Церкви” были изданы посмертно под редакцией проф. А. И. Бриллиантова.

Русское богословие всегда уделяло большое внимание *Византии*. Известны труды проф. Н. ф. Каптерева, проф. И. И. Малышевского. Ученым исследователем Востока вообще был еп. *Порфирий (Успенский)* чигиринский (ум. 1885), бывший также археологом. Под влиянием проф. В. Г. Васильевского ученые интересовавшиеся Византией принимали участие в “*Византийском Временнике*,” издававшемся с 1894 г. Академией Наук. Университетским профессорам Ю. А. Кулаковскому, академику ф. П. Успенскому, С. П. Шестакову, А. А. Васильеву, доценту К. Н. Успенскому принадлежат цельные курсы по византологии. Византологами были профессора: И. Е. Троицкий, В. В. Болотов, Н. А. Скабалоневич, И. И. Соколов/А. П. Лебедев, И. С. Пальмов.

Как на *историков* укажем еще на историка-генеалог Ювеналия (Воейкова), игумена Новоспасского (ум. 1807). Историк-археолог Вениамин (Румовский), еп. олонецкий, потом архиеп. архангельский и нижегородский (ум. 1811). Труд его “Новая скрижаль” архиеп. Филарет именует знаменитым. Выдающимся церковным археологом был владыка Савва (Тихомиров), архиеп. тверской (т 1896). Известны работы проф. московского университета Н. И. Надеждина, скончавшегося в 1856 г. Проф. киевских академии и университета, прот. Софиевского собора, о. Иоанном Мих. Скворцовым написан ряд исторических трудов (ум. 1863).

По *догматическому богословию*, раскрывающему принципиальные основы и теоретические формы православной веры, замечательны три крупных систематических труда. Первым по времени было обширное “*Православно-догматическое богословие*” преосвященного Макария (Булгакова), впоследствии митрополита московского. “Это,” по отзыву Глубоковского, — “грандиозная попытка научной классификации накопившегося догматического материала, который она подвергает строжайшему взаимному объединению, принимая все пригодное и устраняя обветшавшее. Так подводился итог всему предшествующему развитию и создавалась фактическая возможность для дальнейшего движения по новым путям. С этой стороны историческая заслуга “Догматики” митр. Макария несомненна и громадна, не говоря уже о богатстве и разнообразии ценных данных — особенно по библиологии и церковно-отеческой литературе.” Но тот же Глубоковский находит в этом труде много научной схоластики.

Вторым трудом было “*Православное догматическое богословие*” архиеп. черниговского Филарета (Гумилевского). Его труд, по определению Глубоковского, “представляет историческое разъяснение и оправдание догматов во всей их системе, не чуждой у него призывков схолистического схематизма, но более жизненной даже во внешней конструкции.” Третьим трудом — огромным по размерам — является “*Опыт православного догматического бого-*

словия (с историческим изложением догматов)” ректора Киевской Духовной Академии, епископа каневского Сильвестра (Малеванского). Труд этот более всего вызывает одобрение Глубоковского, признающего его плодотворность несомненно научной и жизненной. “Посему современная русская догматика,” пишет Глубоковский, “следует, — в общем — заветам преосв. Сильвестра и не выдвигает новой догматической системы, хотя имеет для нее (положительные и отрицательные) опоры и в творениях своих великих духовных вождей, напр., у архиеп. Феофана (Прокоповича), или у знаменитого митрополита Московского Филарета (Дроздова).” Руководство по догматике писал архим. Антоний (Амфитеатров), впоследствии архиеп. казанский. Архиеп. Филарет отмечает, что владыка *Ириней (Фальковский)*, не раз упоминаемый, составил замечательную по ясности и отчетливости догматику. Указывает Глубоковский на отдельные догматические сочинения: архим. Сергия (Страгородского), впоследствии митр. нижегородского, заместителя патриаршего престола; митрополита киевского Антония (Храповицкого); протопресвитера И. Д. Янищева и др.

Образцом *обличительного богословия* служит четырехтомное “Богословие обличительное” ректора Казанской Духовной Академии архим. Иннокентия (Новгородова). Проф. о. А. М. Иванцовым-Платоновым издан был труд “О западных вероисповеданиях” и др. Высокие достоинства его научных работ признавались и за границей, напр. берлинским профессором А. Гарнак. Об унии писал проф. А. Л. Катанский. Известны труды проф. В. В. Болотова, о котором уже упоминалось выше. Архиеп. нижегородский, ранее еп. астраханский Хрисанф (Ретивцев), автор ряда богословских трудов, писал о протестантстве. В “Трудах Киевской Духовной Академии” (1867-70 г.г.) печатались статьи проф. А. ф. Гуляницкого, в иночестве Августина, впоследствии еп. Екатеринославского (и 1892).

По академическому уставу 1912 г. выделено было в самостоятельный предмет *сектоведение*. Известны труды профессоров прот. Т. И. Буткевича и С. Т. Голубева о русских сектах. Проф. Юрьевского университета К. К. Грасс написал на немецком языке обширное исследование о хлыстах и скопцах. В Петербурге, под редакцией В. М. Скворцова, выходил с 1896 г. журнал “Миссионерское Обозрение.”

Догматика тесно связана с *нравственным богословием*. Богатый материал собран был в “Записках” прот. П. Ф. Солярского, но система его, по отзыву Глубоковского, носит совершенно отвлеченный характер. Известны труды о. И. Л. Янышева и проф. М. А. Олесницкого, Огромным трудом является сочинение проф. о. Н. С. Стеллецкого, в котором христианское нравоучение развивается и освещается с точки зрения закона Божия и нравственных обязанностей. “Жить — любви учить” — озаглавляется “Очерк православного нравоучения” прот. о. Ст. И. Остроумова. Вдохновенны были писания приснопамятного о. Иоанна Сергиева Кронштадтского. Всестороннее рассмотрение *аскетизма* заключается в капитальных трудах профессоров П. П. Пономарева и С. М. Зарина. Развитию православной аскетики оказали величайшие услуги епископ тамбовский Феофан (Говоров), затворник Вышенский (ум. 1894) и епископ ставропольский (с 1857 по 1861) Игнатий (Брянчанинов), ум. в 1867 г.

Пастырское богословие, еще не как отдельная наука, выявляется в курсах архиепископа казанского Антония (Амфитеатрова) и у епископа мелитопольского Кирилла (Наумова) проф. петербургской Дух. Академии (ум. 1866). Известен труд проф. о. С. А. Соллертинского о пастырстве Христа Спасителя, как основателя христианского пастырства. Целостные построения предлагают сочинения архим., впоследствии епископа, Бориса (Плотникова) и митр. Антония (Храповицкого), который хорошо определяет два пути пастырства: православный и латинский. Труд его проникнут и аскетизмом. “Впрочем,” поясняет Глубоковский, “связь “пастырского богословия” с “аскетикой” была и официально узаконена реформированным 29 июля 1911 г. академическим уставом.” Богатейший материал и одушевленно-высprenное освещение христианского пастырства на основании исключительного по степени

и разнообразию пастырского опыта содержат все писания о. Иоанна Кронштадтского, особенно “Моя жизнь во Христе” (Глубоковский). П. И. Нечаев, магистр богословия (ум. 1906), составил “Практическое руководство для священнослужителей,” вышедшее в 1912 г. одиннадцатым изданием.

“Пастырь,” пишет Глубоковский, “всегда мыслится православным сознанием в качестве религиозного учителя по образу Христову и — специально — посредством проповеднического церковного слова.” Так определяется в русском богословии *гомилетика*. Классическим трудом в этой области служат “Чтения о церковной словесности” проф. Я. К. Амфитеатрова, преподававшего в Киевской Академии (ум. 1848). Новая струя внесена была в гомилетику, известным в этой области авторитетом, проф. киевской Академии В. Ф. Певницким (ум. 1911), которому, по отзыву Глубоковского “гомилетическая наука обязана многочисленными и солидными вкладами теоретического и практического характера.” Известны также труды: митр. Антония (Вадковского), профессоров В. П. Виноградова, Н. К. Никольского, Н. И. Барсова. Горячий глашатай идеи “живого слова” в проповеди “в новейшее время” архиепископ харьковский Амвросий (Ключарев) (ум. 1901) был, по словам Глубоковского, “тонким церковным витией со всеми достоинствами ученого и оратора.”

В области *апологетики* известны труды проф. Н. П. Рождественского (ум. 1882) “Христианская Апологетика,” проф. киевского университета, прот. П. Я. Светлова “Курс апологетического богословия” (1900 г.), профессоров о. Е. П. Аквилонова “Научно-богословское самооправдание христианства. Введение в православно-христианскую апологетику” (“Странник” 1893-94 г.г.) и о. М. К. Источникова.

Защита христианства непосредственно соприкасается с задачами *философии*. “Последняя,” пишет Глубоковский, “в русских Духовных Академиях всегда была направлена к раскрытию религиозно-богословских областей знания... И все видные представители этой дисциплины (проф. В. Н. Карпов в Петрограде) неизменно и успешно служили данной цели, от которой не уклонялись академические питомцы и на поприще университетского преподавания (напр., проф. П. Д. Юркевич в Москве). Достаточно указать хотя бы на знаменитого Московского академического профессора протоиерея ф. А. Голубинского, бывшего не просто христианским философом, но именно и специально философом христианства, в теоретически-мистическом озарении, когда рациональные парения проникали религиозные влечения верующего сердца и сами оживотворялись внутренними христианскими созерцаниями... Славный преемник о. Ф. А. Голубинского — проф. В. Д. Кудрявцев-Платонов всю жизнь свою посвятил христианской философии “и в своих многочисленных трудах со всесторонней основательностью и законченностью развивал целостную синкретическую систему христиански-теистических воззрений.” Голубинский умер в 1854 г., Кудрявцев-Платонов в 1891 г. Владыка Антоний (Храповицкий) очень ценил проф. С.-Петербургской Академии А. Е. Светилина (1842-1887), преподававшего во время его учения логику, психологию и философию.

По *толкованию Св. Писания* известны труды еп. Мефодия (Смирнова), о котором не раз уже упоминалось, Иринаея (Клементевского), архиеп. псковского, одного из просвещеннейших пастырей своего века (ум. на покое в 1818 г.), Иннокентия (Смирнова) еп. пензенского, тоже упоминавшегося, Иринаея (Фальковского), еп. чигиринского (ум. 1823), обладавшего необыкновенными дарованиями и разнообразными сведениями, митр. московского Филарета (Дроздова), Сергия (Тихомирова) архиеп. японского, проф. Н. Н. Глубоковского, скончавшегося в 1937 г. в Софии, где он преподавал в университете (был проф. петроградских Дух. Академии и университета) и Михаила Лузина, еп. курского (ум. 1887).

По *патрологии* известны труды архиеп. Филарета (Гумилевского) “Историческое учение об отцах Церкви,” проф. К. И. Скворцова, проф. Д. В. Гусева.

По *церковному и каноническому праву* писал Августин (Сахаров) еп. оренбургский с 1806 по 1819 г., скончавшийся в 1841 г. на покое. Иоанном (Соколовым) еп. смоленским напечатан был в 1851 г. “Опыт курса церковного законоведения.” Проф. московского университета А. С. Павловым написан “Курс церковного права,” изданный посмертно в 1902 г. Известны также труды профессоров о. М. И. Горчакова, о. В. Г. Певцова, Н. А. Заозерского, Н. С. Суворова, М. Е. Красножена.

По *литурике* основоположником ее научного бытия Глубоковский считает проф. И. Д. Мансветова (ум. 1885). Известны также труды проф. Н. ф. Красносельцева, оставившего по себе обильный и ценный научный вклад. Ученик последнего, проф. А. А. Дмитриевский, преподававший в киевской Академии, является, по отзыву Глубоковского, лучшим и наиболее компетентным в России литургистом. Крупной величиной в этой области, по его же мнению, являлся проф. московской Академии А. П. Голубцов, скончавшийся в 1911 г.

По *церковной археологии* известны работы профессоров А. П. Голубцова и Н. ф. Красносельцева. Крупнейшим авторитетом в этой области был проф. Петроградской Дух. Академии Н. В. Покровский, являвшийся первым по времени работником на этом научном поприще (ум. 1917). “Н. В. Покровский,” пишет Глубоковский, “создал и утвердил церковно-археологическую науку на богословской почве и несомненно двинул ее вперед касательно памятников византийских и особенно русских.” Крупнейшее значение имеют труды академика-профессора Н. П. Кондакова, скончавшегося в эмиграции. “Труды его,” пишет Глубоковский, “посвященные особенно христианской иконографии и христианскому искусству византийскому и древнерусскому, почти неисчислимы по количеству и многоценны по непосредственной важности и по самому разнообразному научному воздействию ... Церковно-археологический анализ у Н. П. Кондакова таков, что нити его простираются на Восток и Запад, переплетаются в Византии с древнегреческими и своеобразно перевиваются в русских разветвлениях. Позднейшие работы фиксируются на иконографии, которой этот ученый корифей существенно послужил и практически по заведению рационально поставленных иконописных школ и организацией (в 1901 году) “Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи,” способствуя сему методическими разъяснениями и капитальными изданиями.” В этой работе участвовали проф. Ю. А. Кулаковский, академик В. В. Латышев, проф. М. И. Ростовцев и др. Все это продолжатели великой культурно-научной работы Кондакова в широком его плане. К видным археологам надлежит отнести еп. чигиринского Порфирия (Успенского). Наряду с митр. Евгением (Болховитиновым), много поработал над родной стариной митр. Арсений (Стадницкий), с 1910 г. возглавивший новгородскую епархию. Выше упоминались владыки Вениамин (Румовекий) и Савва (Тихомиров).

Кроме перечисленных выше лиц духовных и светских, надлежит упомянуть также о следующих просвещенных деятелях. Анатолий (Мартыновский) архиеп. могилевский (ум. 1872), известный своими проповедями и борьбой против католичества. Его книга “Об отношениях Римской церкви к другим церквам и ко всему роду человеческому.” Проф. киевских Академии и университета о. Иоанн Скворцов (ум. 1863) имел труды исторические, философские; составил “Записки по церковному законоведению.” Н. Н. Бантыш-Каменский, начальник московского государственного архива (ум. 1814), написавший историю унии и опубликовавший много материалов важных для истории русской Церкви. Исключительно даровитым был проф. Н. И. Надеждин (ум. 1856), о коем кратко упоминалось. С 1836 г. занятия его были обращены к истории и этнографии. Феохтист (Мочульский) архиеп. белгородский (ум. 1818) писал по апологетике и педагогии.

“Филарет Московский,” пишет Знаменский, “более полувека удерживал за собой первенство богословского и проповеднического авторитета. После учебных преобразований, в должности ректора академии и члена комиссии дух. училищ, он был одним из главных руко-

водителей духовного образования. В 1814 г. им была составлена подробная систематика или “Обозрение богословских наук.” Из академических трудов его получили классическое значение его толкование на 67 псалом и “Записки на книгу Бытия” и “Начертание библейской истории.” Из последующих его трудов известны “Изложение разностей между восточной и западной церквами,” “Разговоры между испытующим и уверенным о православии Греко-Российской церкви,” “Беседы к глаголемому старообрядцу” и особенно его Катехизисы, на которых воспитывались в религии все молодые поколения русских людей с 20-х годов до последнего времени. Его слова и речи, по глубине и силе своего богословского содержания, по высокому истинно-церковному красноречию, крепкой диалектике, сжато, но художественному языку, представляют, можно сказать, высшую степень развития проповеднического слова, назначенного для образованного и несколько мыслящего общества, а его письма, мнения и резолюции, изданные после его смерти, — неисчерпаемый запас мудрости и советов не только для духовных, но и для светских администраторов и разных практических деятелей.” “Пространный катехизис” был напечатан впервые славянским шрифтом в 1823 г., вскоре вышел “Краткий катехизис.” В 1824 г., по настоянию министра просвещения Шишкова, печатание катехизисов было приостановлено из за русского перевода текстов. По рассмотрении их Св. Синодом, они были напечатаны церковным шрифтом в 1827 г., гражданским в 1828 г. Окончательно пересмотренный катехизис был напечатан в 1839 г. и с тех пор сохранял свой неизменный вид.

Видным его современником был знаменитый Иннокентий (Борисов), окончивший киевскую академию магистром, скончавшийся в 1857г. архиеп. херсонским. Кроме множества проповедей, после него остались часть его лекций по богословию в киевской академии и несколько исторических сочинений. Огромное значение имели труды митр. Макария (Булгакова) и архиеп. Филарета (Гумилевского), а также еп. Сильвестра (Малеванского). В позднейшее время крупными учеными были митр. Антоний (Храповицкий), митр. Сергей (Страгородский). Стали выдвигаться на ученом поприще б. ректор петроградской академии, Феофан (Быстров), архиепископ полтавский, скончавшийся в 1940 году во Франции и ректор московской академии епископ Волоколамский Феофор (Поздеевский). О последнем владыка Антоний (Храповицкий) писал 13 ноября 1905 г. митр. киевскому Флавиану: “Это звезда восходящая. Он может повернуть жизнь академии...”

Знаменский отмечает еще труды прот. Иоакима Кочетова, написавшего “черты деятельного учения веры” (1824); проф. И. Я. Ветринского, издавшего (1829-44) шесть томов “Памятников древней христианской церкви;” прот. Иоанна Скворцова (†1863), автора “Записки по церковному законоведению;” монголоведа Нила (Исаковича), архиепископа иркутского, потом ярославского, автора труда “О будущем” (†1874); Алексия (Лаврова-Платонова), архиепископа литовского, известного канониста (†1890), еще во время своего профессорства в московской академии оказавшего “важные услуги церкви разработкой вопроса о церковном суде в противодействие в 1870-х годах либеральной реформе этого суда;” протопресвитера московского Архангельского собора, Михаила Богословского, ранее законоучителя в Императорском Училище Правоведения, получившего степень доктора богословия за составленную им “Священную Историю” Ветхого и Нового Завета, одного из первоклассных богословов канонистов, написавшего “Курс общего церковного права” (†1884).

Велико просветительное значение творений о. Иоанна Кронштадтского, епископов Игнатия (Брянчанинова) и Феофана (Говорова), затворника Вышенского, давших так много в области аскетизма.

Архиеп. Филарет (Гумилевский), в своем “Обзоре русской духовной литературы” в числе мирян упоминает известного славянофила Ивана Вас. Киреевского (ум. 1855), философа, так понимавшего свою ученую деятельность: “мы возвратим права истинной религии, изыщ-

ное согласим с нравственностью, возбудив любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотой слога.” Он часто пользовался беседами старца Филарета, схимника новоспасского и оптинского старца о. Макария. Киреевский принимал участие в приготовлении к печати отеческих сочинений, издававшихся Оптиной пустыней. Ему же принадлежит обработка жития архим. Паисия (Величковского), где столько воспоминаний о великих подвижниках. Архиеп. Филарет пишет что поэт и философ А. С. Хомяков “был твердым бойцом с заблуждениями запада. Известны два письма его, где он обличает как папизм, так и реформацию, в рационализме. Нельзя сказать, что эти письма без ошибок: но сочинитель верно понял болезни запада.”

В числе мирян надо указать на Юрия феод. Самарина, упомишавшегося на стр. 789. Ранее его полемиического труда “Иезуиты и их отношение к России” (1865 г). была известна его замечательная диссертация о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче, которую он защищал в 1844 г. в московском университете. В ней ярко выявились его богословские воззрения. Часть ее была напечатана в 1844 г.; полностью она вошла в его “Сочинения,” изданные по-смертно его братом.

Необходимо также отметить просветительную деятельность А. Н. Муравьева (1806-74), писателя, много способствовавшего ознакомлению русского общества со святынями православной Церкви и русской в частности. Известно его “Путешествие по Св. местам” (1850) и описание исторических обителей и храмов России. Сочинения его были первыми на русском языке книгами духовного содержания, получившими довольно широкое распространение в среде высшего русского общества. И. П. Барсуков издал в 1883 г. книгу: “Иннокентий, митрополит московский и коломенский, по сочинениям, письмам и рассказам современников.” Это лучшая и полная биография достойнейшего иерарха и самоотверженного отечественного миссионера.

Для знания благочестивых русских людей,, преисполненных неослабевающим всю жизнь порывом ко Христу, замечательны два труда. Архим. Никодим (Кононов), с 1910 г. епископ Рыльский, составил: “Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков” (изд. 1905-1912). Е. И. Погожев (Поселянин) написал “Русская Церковь и Русские подвижники 18-го века” (1905) и “Русские подвижники 19-го века” (издание 3-е 1910).

Приводим отзыв Николая Никаноровича Глубоковского о различных духовных изданиях: “Для полноты обзора русского богословия по его литературным обнаружениям,” пишет он, “мы должны отметить, что имеются уже солидные опыты объединения достигнутых им результатов, чему в особенности служит издававшаяся (в 1900-1911 г.г.) в С. Петербурге (Петрограде) “Православная Богословская Энциклопедия;” пока она вышла в двенадцати томах: первые пять (на слова “Алфа-Ифика) под редакцию проф. А. П. Лопухина более популярно и следующие семь (на слова “Иаван-Константинополь) под редакцией проф. Н. Н. Глубоковского в самом широком и высоком ученом масштабе. Необходимо в заключение упомянуть еще о повременных “духовных” изданиях, каких было в России весьма достаточно, не считал местных церковных органов (выходивших обыкновенно в каждой епархии под названием “Епархиальных Ведомостей”). Наиболее солидными и влиятельными были четыре академические журналы: при Петроградской Духовной Академии “Христианское чтение” (с 1821 года, а в 1875-1913 годах вместе с еженедельным журналом “Церковный Вестник”); при Московской — “Прибавление к Творениям св. Отцов” (1843-1864, 1871, 1872, 1880-1891 гг.), преобразованные (с 1892 года) в “Богословский Вестник”; при Киевской (вместо первоначально издававшегося при ней с Пасхи 1837 года еженедельника “Воскресное Чтение”) — “Труды Киевской Духовной Академии” (с 1860 года); при Казанской — “Православный Собеседник” (с мая 1855 года); сюда же можно отнести издававшийся в Харькове при Духовной Семинарии журнал “Вера и Разум” (с 1884 года). Мы почти не касались этой необъятной ли-

тературы, но содержание ее разнообразно и богато, как можно судить и потому, что, за отсутствием в России организованного богословского издательства, столь благотворно избавляющего на Западе всех авторов от всяких хлопот по выпуску и распространению книг, много капитальных работ (напр., даже богословских диссертаций на ученые степени магистра и доктора) первоначально печатались именно на страницах духовных журналов и потом выходили отдельными оттисками.”

Надлежит упомянуть еще “Православное Обозрение,” издававшееся в Москве в 1860-1891 годы, под редакцией свящ. Н. Сергиевского; характер его преимущественно публицистический; он обсуждал проекты церковных реформ, нужды Церкви, явления общественной жизни. В нем печатались сочинения А. М. Иванцова-Платонова. Хорошо было поставлено осведомление о церковной жизни на Западе и об иностранной богословской литературе. В Москве с 1893 г. издавался миссионерским обществом “Православный Благовестник,” в С.-Петербурге с 1881 г. — “Православный Палестинский Сборник.” Издание предпринято было В. Н. Хитрово, с 3-го выпуска оно перешло в ведение Палестинского общества. В С.-Петербурге в 1912-13 г.г. издан был издательством П. П. Сойкина “Полный православный богословский энциклопедический словарь” (в двух томах).

Важно отметить весьма полезный, богатый многими данными, труд С. В. Булгакова “Настольная книга для священно церковнослужителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства).” Последнее — третье — издание, исправленное и дополненное, вышло в 1913 г., имея 1773 стр. В. Косолаповым составлен обстоятельный: “Месяцеслов Православной Кафолической Церкви.”

Глубоковским не отмечена огромная просветительная деятельность Лавр: *Троицко-Сергеевой*, в особенности при участии архим. Никона (Рождественского), впоследствии архиеп. вологодского и *Почаевской*, при участии архим. Виталия (Максименко), впоследствии архиепископа североамериканского, издававших листки для народа. Проповеди последнего очень любимы были народом. Первым создателем нового, народного рода проповеди, был прот. Иродион Путятин, совершавший свое служение в Рыбинске Ярославской губ. Много печатал *Пантелеймоновский монастырь на Афоне*.

Из изложенного видно, какого огромного развития достигло духовное просвещение в XIX и начале XX столетий. Некоторые издательства, напр., Тузова, в большом количестве издавали духовную литературу. Многое печаталось в синодальных типографиях в Петербурге и в Москве.

А. В. Карташов в труде своем: “Очерки по истории Русской Церкви” (т. II, стр. 318-9) пишет о духовном просвещении: “В свою раннюю пору Русская Церковь уже явила в себе наличие могучих сил христианского подвига и святости, но была еще во многом богословски младенствующей. Овладев за синодальное время техникой и методикой научно-богословского знания, она быстро стала самой высокой, самой сильной частью, можно сказать, даже гегемоном всего Восточного Православия. И это потому, что она стала в достаточной мере научно оборудованной для состязания и сотрудничества с западными христианскими церквами, до сих пор смотревшими на христианский Восток сверху вниз, опираясь именно на свое научно культурное превосходство... Наши православные братья — греки, славяне, арабы (сирийские), ослепляемые блеском западной цивилизации, продолжают еще учиться богословию у западных иноверцев, преимущественно у протестантов. Но расцвет русских богословских школ открыл им глаза и на этот новый, здоровый, православный источник богословской науки. Все возраставшее количество восточных проходило (на русские стипендии) через русские духовные академии. Это способствовало и новому живому сближению православных церквей, так несчастно разделенных и своими политическими и национальными судьбами.”

Известными проповедниками были митрополит московский Филарет (Дроздов); митрополиты петербургские Амвросий (Подобедов), Михаил (Десницкий) и Григорий (Постников); экзарх Грузии Феофилакт (Русанов); еп. пензенский Иннокентий (Смирнов); епископ архангельский Неофит (Докучаев-Платонов), в Архангельске именованный “северным Златоустом” (†1825); Иаков (Вечерков), архиеп. нижегородский (†1850). Слова и речи его, по отзыву архиеп. Филарета, истинно-пастырские поучения, простые и дельные. Архиеп. могилевский Анатолий (Мартыновский), известный своими проповедями и борьбой с католичеством; Архиепископы херсонские Иннокентий (Борисов), ум. в 1857 г., Димитрий (Муретов), ум. в 1876 г. и Никанор (Бровкович), ум. в 1890 г., известный и своими сильными обличениями вредных сочинений гр. Л. Н. Толстого; Епископ смоленский Иоанн (Соколов), ум. в 1869 г. В позднейшее время известны были проповедники: митрополит киевский Антоний (Храповицкий), архиепископ кишиневский Анастасий (Грибановский), прот. Иоанн (Восторгов), выдающийся миссионер, умерщвленный большевиками в 1918 г.

Знаменский пишет, что владыка Иоанн (Соколов) “первый осмелился касаться вопросов общественной жизни с церковной кафедры и сделался, можно сказать, основателем этого нового рода церковной проповеди за последнее время.” Примеру его следовали упомянутые после него проповедники. Такие проповеди произносил часто и приснопамятный прот. Иоанн Кронштадтский.

Библейское общество. Перевод Библии на русский язык.

В царствование имп. Александра I основано было 6 дек. 1812 г. *библейское общество* в подражание такому же британскому (в Англии ок. 1698 г. возникло “общество для распространения христианского знания,” в 1701 г. — “общество для распространения Евангелия для американских колоний.”). С этой целью в Петербург прибыли английские методисты Патерсон и Пинкертон. Их план заключался в распространении Библии между всеми народами России на их природных языках. На первых порах они предложили князю Голицыну издавать и распространять библейские книги только между живущими в России инородцами и иностранцами и лишь на их языках.

Государь и кн. Голицын отнеслись к их предложению весьма сочувственно. Имп. Александр сам записался в члены общества с ежегодным взносом в 10000 р. и единовременным в 25000 р. Подписка по всей России дала в 1813 г. 160000 р. *Голицын* избран был *президентом* административного комитета общества. Вице директорами и членами комитета стали видные представители административного мира. С 1814 г. в комитете, наименованном тогда Российское Библейское Общество, начали принимать участие православные иерархи. В числе вице директоров были митрополиты киевский Серапион, петербургский Амвросий, архиепископы черниговский Михаил (Десницкий) и тверской Серафим (Глаголевский), оба будущие митрополиты петербургские и др. В числе директоров состоял архим. Филарет (Дроздов), после поставления своего во епископы ставший вице директором. Вице-президентами были также католический митрополит Сестренцевич-Богущ, униатский митрополит Иоасафат Булгак (с 1818), армянский архиеп. Иоаннес, высшие лица протестантской церкви. В провинциальные отделы тоже записывались влиятельные административные и общественные лица. Его отделения и товарищества умножались с каждым годом и своею сетью охватили всю империю до отдаленнейших ее углов. Его имущество, состоявшее в деньгах, домах, книгах, типографских принадлежностях, лет через десять простерлось до двух мил. руб., несмотря на громадные расходы, какие оно щедрою рукою делало на печатание и на даровую раздачу своих книг и

брошюр. Денежные пожертвования в его пользу лились рекой. Общество содержало нужных ему переводчиков и каждый год издавало новые переводы Библии и частей ее на разных языках в нескольких типографиях сразу (в обеих столицах, в Казани, Вильно, Астрахани и др. местах). В 1825 г. общая цифра его изданий, более чем на 40 языках и наречиях, доходило до 876000 экземпляров (Знаменский).

В конце 1815 г. имп. Александр задал обществу задачу “доставить и Россиянам способ читать слово Божие на природном российском языке.” Св. Синод поручил комиссии дух. училищ выбрать в петербургской духовной академии людей, способных к этому важному труду, и возложить на них этот перевод. Переведенное должно было поступить в Библейское общество на рассмотрение членов его из духовных лиц, после одобрения которых переводы могли быть издаваемы от общества вместе со славянским текстом. Комиссия дух. училищ в марте 1816 г. поручила перевод ректору петербургской дух. академии *архим. Филарету* с прочими членами академии. Таковыми переводчиками, кроме архим. Филарета (Дроздова), оказались профессора прот. Герасим Павский, большой знаток еврейского языка, архим. Моисей и ректор петербургской семинарии Поликarp. В Комитете, особо образованном при Библейском обществе, перевод рассматривали, кроме духовных лиц, В. М. Попов и А. Ф. Лабзин, о которых речь будет ниже. В 1818 г. Четвероевангелие было напечатано в количестве 10000 экземпляров. О ходе дел президент общества докладывал государю, который сам просматривал образцы для напечатания и лично просматривал предисловие к русскому тексту. Появление первого русского перевода встретило сочувствие у многих духовных и светских лиц. К 1819 г. переведены были Деяния, к 1821 г. кончили весь Новый Завет, а в 1822 г. Псалтирь. Все эти переводы разошлись чрезвычайно быстро в нескольких изданиях (Псалтирь в один год в 12 изданиях) и в громадном числе экземпляров. Перевод Ветхого Завета затянулся. В видах ускорения дела, перевод Исхода поручен был московской академии, а Левита — академии киевской. В 1825 г. отпечатан был только первый том Ветхого Завета (до кн. Руфь включительно), но и тот не был выпущен в свет вследствие кончины имп. Александра I и скорого закрытия общества.

Интерес, проявленный к обществу государем, участие в комитете высших глав разных ведомств, придавало на местах особое значение его распоряжениям. К ним относились с особым усердием, часто чрезмерным. Некоторые администраторы в видах успеха по службе старались содействием работе Библейского общества доказывать свои христианские убеждения, порою им чуждые. Известный *Магницкий* в подчиненных ему казанских университете и учебном округе, не пополняя библиотеки нужными книгами, тратил деньги на приобретение изданий общества и заставлял студентов иметь их. Попечитель харьковского округа устроил между студентами вверенного ему университета “сотоварищества,” похожие на розенкрейцерские союзы.

Таковая деятельность этого попечителя учебного округа, масона новиковской школы З. Я. Карнеева, указывает на ту связь, которую деятели Библейского общества имели с масонски-мистическими кругами. Ученики старых масонов — Новикова, Лопухина, Кошелева и др. — более молодые масоны впали в своеобразную аскетическую суровость, в подозрительное недоверие к новым движениям в литературе и обществе и проявляли полное легковесие к тому, что казалось им выполнением их маго-кабалистических теорий. “Высшим пунктом их желаний” — пишет “Энциклопедический словарь” (т. III-A) — “было стремление к надзвездным небесам, которые так подробно описывались в их книгах. Мистическое истолкование Библии уже издавна было предметом их величайшего любопытства. Возбужденная религиозность и разгоряченная фантазия находили слишком мало пищи в традиционной церкви; их не удовлетворяли обычные формы благочестия; они искали внутренней церкви, стремились к высшим религиозным состояниям, чудесам, видениям, сошествиям св. Духа...

Для этих лиц потребовалось высшее поэтическое возбуждение, которое удовлетворяло бы их экзальтации, и это возбуждение доставлено было известной сектой Татариновой, собрания которой представляли странные религиозные оргии, напоминающие шаманов, хлыстов и т. п. И наиболее ревностные друзья Татариновой и участники ее изуверных вакханалий нашлись именно между членами Библейского общества. Главнейшие из этих друзей были А. Ф. Лабзин и В. М. Попов, один — директор, другой — секретарь Общества; бывал здесь и кн. Голицын, президент Библейского общества.”

В заседаниях комитета Библейского общества, отмечает Знаменский, говорились речи о том, что общество сорвет наконец с Греческой церкви какие то “обветшавшие пелены,” откроет ее “заблуждения,” оживотворит истинную веру и т. п. К обществу льнуло все, что только искало “спасения” вне канонической Церкви, и оно сделалось средоточием всевозможных мистических сект, вплоть до хлыстовства. Кроме библейских книг, в которых при переводах допускались многие ошибки (напр. оказался до крайности плохим перевод Евангелия на татарский язык и пришлось впоследствии предпринять совершенно новый перевод вне общества), обществом издавались и распространялись еще разные мистические книги и брошюры, которыми наводнялись библиотеки, школы и все углы России, где замечалась склонность к чтению. Особое рвение в этом направлении проводил непосредственный ученик масона Новикова, Лабзин. Он издал длинный ряд своих мистических сочинений, и основал в 1806 г. особый орган печати “Сионский Вестник.” Журнал был скоро запрещен, но Лабзин продолжал свое издательство в том же духе. С открытием общества, в котором Лабзин играл главную роль, он, опираясь на расположение тогдашнее императора и Голицына к мистицизму, смог еще больше развить свою деятельность. В 1817 г. ему было разрешено возобновить “Сионский Вестник,” который, вопреки общему правилу, отдавался на просмотр светским цензорам.

Вся издаваемая обществом литература большею частью была переводная и происхождения протестантско-мистического. В них подвергалась *нападению* церковь, называвшаяся внешней или наружной. Таковыми были произведения Посснера, Эккартсгаузена, Штиллинга, Гиона и пр. В толкованиях Гиона Св. Писания, по свидетельству архиеп. Филарета, “худшее в них то, что почти ни за одним догматическим местом Св. Писания не оставлено в них принадлежащего ему догматического смысла.” Тот же владыка Филарет (Гумилевский), говоря о борьбе архим. Фотия с мистиками пишет: “...ревность его к истине была чиста и подвиги его для истины — замечательны для истории. Прежде всего было им обращено внимание на Посснера и его сочинение: “Дух жизни и учения Христова,” СПб. 1820 г. При посредстве людей, бывших в силе при дворе, дело приняло сильный ход. Сочинитель был выслан за границу. По расследовании нашли, что в переводе антихристианской книги Посснера принимал участие директор департамента просвещения В. М. Попов, — одна тетрадь перевода поправлена рукою его.” Попов прямой подчиненный кн. Голицына, как министра духовных дел и народного просвещения, был, как упоминалось уже, секретарем Библейского общества. Целый ряд деятелей этого общества имели места в ведомстве Голицына, занимая начальственное положение над духовенством. Упоминалось раньше о борьбе с мистиками архим. *Иннокентия* (Смирнова). Особенно он возмущался статьями “Сионского Вестника.” По свидетельству архиеп. Филарета, в этом журнале начало духовной жизни указывалось не в благодати Христовой, а в духе — богосозданном, отвергали нужду бороться со страстями, отвергали св. евхаристию, крещение, исповедь, все внешнее богослужение, вечность мук и пр. Архим. Иннокентий написал резкое письмо князю Голицыну и советовал ему “залечить раны, которыми он сам уязвил церковь.” Голицын пожаловался митрополиту, который с трудом уговорил архим. Иннокентия извиниться за резкость. Следующее столкновение было из за книги Станевича под заглавием: “Беседа на гробе младенца о бессмертии души,” о чем гово-

рилось в начале этого отдела. Указывалось также на отъезд Иннокентия, уже как еп. пензенского, из Петербурга и на письмо митр. Михаила (Десницкого) имп. Александру I, с последовавшей вскоре кончиной владыки (Стр. 730-32).

Надо отметить и то, что фанатическое изуверство мистиков, соединенное с грубым невежеством, заставлявшим их ополчаться против просвещения, университетов (примером может служить деятельность попечителя петербургского учебного округа *Д. П. Рунча*, одного из директоров Библейского общества) возбуждало против общества многих образованных людей того времени.

Митр. Серафим (Тлаголевский) в первые годы существования Библийского общества был ревностным поборником библейского дела и принимал даже деятельное участие в издании славянской Библии и в переводе Св. Писания на русский язык. Но, в дальнейшем, он не мог примириться с действиями общества, которые шли в разрез интересам православной Церкви. На петербургскую кафедру он вступил уже противником общества и повел против него сильную борьбу. Имп. Александр, в конце концов, не лишая *Голицына* своего доверия, посоветовал ему отказаться от президентства в Библийском обществе и от звания министра духовных дел и народного просвещения. Президентом общества 17 мая 1824 г. был назначен митр. *Серафим*. 1 дек. того же года митрополит писал государю, представляя о пагубном учении секты духовноносцев, о *вреде всеобщего обращения Библии*, о союзе Библийского общества с мистическими лжеучениями и необходимости закрытия их, о порче, проникшей не только в светские, но даже в духовные школы со времени введения Библийского обществом в России ряда книг. 28 дек. митр. *Серафим* писал государю о невозможности совмещать в одном лице звание первоприсутствующего члена св. Синода с должностью президента Библийского общества. Но просьба его не была удовлетворена. Имп. Александр все еще не отказывался окончательно от общества. Только архим. *Фотию (Спасскому)* удалось доказать государю как пагубна свобода, с какою светская цензура одобряет вредные книги, 17 ноября 1824 г. государь повелел подтвердить, чтобы без духовной цензуры не были одобряемы книги о вере. Тогда же приказано было государем, согласно отзыву митрополита, допустить к печатанию книгу *Станевича*.

Относительно вопроса, поднятого митр. *Серафимом* о вреде всеобщего обращения Библии, интересно мнение по этому поводу такого просвещенного иерарха, как архиеп. *Филарет (Гумилевский)*, касавшегося этого рода деятельности Библийского общества: “Православная церковь не запрещает народу читать Библию, как делает папа. Но св. Евангелие в храме православном стоит на престоле и служит предметом самого глубокого поклонения. Апостол — хотя не пользуется благоговением, одинаковым со св. Евангелием, однако считается книгой священной и достойной благоговения. Книги пророков, книги Моисея, книги Давида и Соломона — также книги св. храма. Между тем из распоряжений библейского общества выходило, что Библия и Новый Завет валялись в кабаках, шинках и других подобных местах. Продажа и безденежная раздача их вовсе не означала, что читали их с жаром. Народ принимал появление Библии в обиходной жизни его дикою странностью. Те, которые узнавали, что библейское общество введено в России по настоянию англичан *Патерсона* и *Гендерсона*, уже тем одним отдалялись в душе от дела Общества: тут что-то не ладно, говорили в душе, — неправославные учат православных. Чутье православного народа было против Общества” (“Обзор рус. дух. литературы”).

При имп. *Николае I*, по настоянию митр. *Серафима* и *Шишкова*, общество было закрыто Высочайшим указом от 12 апреля 1826 г.

В дальнейшем распространении св. Писания среди лиц инославных исповеданий не встречало препятствий. Этим объясняется открытие в 1831 г. Библийского общества специально для протестантов, которое под именем “*Евангелического Библейского Общества в России*” и существовало в императорской России. При своем учреждении это общество воспользовалось

некоторой частью из имущества закрытого Библ. общества. Оно имело в России много отделений. С появлением русского перевода Библии, изданного по благословию св. Синода, возникла возможность возрождения Библ. общества для русского населения. В 1869 г. учреждено было “*Общество для распространения Священного Писания в России.*” Но это общество, в отличие от Библ. общ., само ничего не переводило и не издавало, а содействовало лишь распространению книг, изданных по благословию св. Синода. Часто снабжение книгами священными производилось обществом через сельских священников, являвшихся корреспондентами общества. Главным же способом распространения служило — книгоношество, столь привычное для народа с давних времен. От книгоноши общество требовало любовь к делу, честность, усердие до самопожертвования, благочестие и знание св. Писания, по крайней мере настолько, чтобы суметь объяснить мало знающему, что содержится в св. Писании. Общество предпочитало иметь немного книгонош, но зато вполне надежных. Они должны были состоять членами общества и выдерживать продолжительное испытание. Обществу с 1880 г. помогало ежегодными субсидиями американское Библ. Общество. В 1871 г. открылся “*Отдел по распространению духовно-нравственных книг*” при московском Обществе любителей духовного просвещения и состоявший под покровительством государыни императрицы. Большинство изданий, распространявшихся отделом, составляли мелкие брошюры (“*Энци. Слов.*”).

С закрытием Библейского общества, остановлен был выпуск подготовленного перевода св. Писания на русский язык. Отпечатанные первые восемь книг Библии не были пущены в продажу. Оставался в обращении только славяно-русский Новый Завет. Высказывалось мнение, что простонародный язык мог бы только профанировать св. Писание. Когда в 1826 г. митр. *Филарет (Дроздов)* поднял в Синоде вопрос о продолжении перевода св. Писания, то митрополиты *Серафим* и *Евгений* киевский высказались против этого предложения. Но владыка Филарет от своей мысли не отказывался. С конца 1830 г. стали появляться частные опыты русских переводов св. Писания прямо с еврейского языка. Первый опыт принадлежал перу известного алтайского миссионера *Макария (Глухарева)*. Одновременно с ним ту же работу производил *прот. Г. П. Павский* в Петербурге. Последний, будучи профессором еврейского языка в петербургской академии, в течение 20 лет перевел на лекциях все учительные и пророческие книги, и кроме того на дому изготовил перевод Песни Песней. В 1839–41 г.г. переводы эти, без ведома Павского, были литографированы студентами для своего употребления в количестве до 500 экземпляров, получив, однако, распространение далеко за пределами академии, преимущественно в среде духовенства. Против Павского возбуждено было следствие. Выяснилось, что перевод был снабжен разными пояснениями и примечаниями, в которых усмотрено было рационалистическое направление. Были и ошибки в переводе. В 1844 г. определением Синода указано изъять из употребления все экземпляры перевода. Сам Павский подвергся испытанию келейному в чистоте своего православия и потерял должность законоучителя наследника престола, цесаревича Александра Николаевича. В “*Энцикл. Словаре*” отмечается, что в переводе Павского было много вульгарных слов и оборотов. *Архим. Макарий* переводил сам, потом же исправлял свою работу по переводу Павского. Перевод его отличался живыми оборотами речи и языком выразительным и сильным. О своих работах он писал в 1834 г. митр. Филарету и представил в 1840 г. свой труд Синоду. Он настаивал на издании полной русской Библии. Его настойчивое желание не встретило одобрения. На него наложена была молитвенная епитимия. Но он не оставлял своих работ и перевел частью на Алтае, частью в Болховском мон. (Орловской г.), где он с 1843 г. настоятельствовал, все ветхозаветные книги. Скончался он в 1847 г.

По поводу дела Павского, обер-прокурор Протасов настаивал на придании славянскому тексту Библии церковно-обязательного значения. Ему удалось склонить к своему мнению

митр. Серафима. Против перевода св. Писания на русский язык с еврейского так же решительно высказывался член Синода, высоко почитаемый *митр. киевский Филарет* (Амфитеатов). Он стоял за исключительный авторитет текста ХХ и за неизменное сохранение славянского текста Библии. Для удовлетворения же потребности мирян владыка Филарет считал достаточным издать его только с некоторыми пояснительными поправками, подновлениями и заметками на полях, как в Библии, изданной в царствование имп. Елисаветы Петровны. При господстве таких мнений, митр. Филарет московский смог только ограничиться представлением своего всестороннего и осторожного мнения под названием “Записки о догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого LXX и славянского переводов св. Писания” (Знаменский).

В 1856 г. на коронацию *имп. Александра II* собрались в Москву все члены Синода и другие высшие иерархи. Митр. Филарет воспользовался этим, чтобы расположить иерархов в пользу заветного своего намерения. Благодаря его настойчивости, состоялось определение св. Синода, Высочайше утвержденное 5 мая 1858 г., о том, что “перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и друг. частей Свящ. Писания необходим и полезен, но не для употребления в церквах, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священного Писания.” Указывалось, что “к переводу сему, по особенной важности настоящего дела, должно приступить со всевозможной осмотрительностью через лиц, испытанных в знании еврейского и греческого языков, по избранию и утверждению Св. Синода.” Самый труд перевода распределен был между четырьмя академиями. Переводы рассматривались на дому членами Синода. После этого перевод был отсылаем в Москву митр. Филарету и его замечания вновь обсуждались в Синоде. Таким образом в 1860 г. был издан русский перевод Четвероевангелия, а в 1862 — Деяний и Посланий св. Апостолов с Апокалипсисом. В 1860 г. духовные академии приглашены были к переводу Ветхого Завета с еврейского подлинника. Первая отозвалась петербургская академия. Митр. петербургский *Григорий* принял в этом деле большое участие, что продолжал и его преемник (с 1860 г.) митр. Исидор (Никольский) (ум. 1892). Синодальное издание, производившееся в особом комитете из профессоров петербургской академии, рассматривалось конференциями и других академий. Окончательный его пересмотр принадлежал св. Синоду, особенно митр. Исидору и протопресвитеру В. Б. Бажанову. В 1868 г. вышла первая часть Ветхого Завета к 1875 г. закончено все издание. В 1876 г. появилась в одном томе полная русская Библия. Существенное достоинство перевода Библии, изданной по благословию Св. Синода, составляют верность и точность, доходящие до буквальной передачи подлинника. Удержано в нем много старославянских речений. Благодаря деятельности миссионеров Евангелия отдельных евангелистов переведены были на языки некоторых инородцев.

Влияния и явления, чуждые православию; противодействия им.

В начале XIX в. проявились вредные влияния, проникшие с Запада в предшествующие десятилетия. Выявились они и в семейной жизни. В обществе, главным образом, в более образованном и светском, усилились разводы. Правительство вынуждено было принять против этого меры. В 1811 г. указано было в производстве дел о разводах по обвинению одного из супругов в прелюбодеянии не ограничиваться одним только признанием виновного, а брать в соображение и прочие обстоятельства, ведущие к раскрытию истины, между которыми глав-

ное место заняло показание под присягой очевидцев преступления. До этого же — в 1805 г. — окончательное решение бракоразводных дел предоставлено было, вместо епархиальной власти, Св. Синоду. В 1819 г. вышло запрещение давать супругам акты для жительства врозь. Примечательно в этом отношении письмо вдовы имп. Павла I, имп. *Марии Феодоровны*, сыну ее вел. кн. *Константину Павловичу*, которому она, в течение 19 лет, отказывала в своем согласии на развод его с супругой, вел. кн. Анной Феодоровной. “При самом начале,” писала государыня, “приведу Вам на память пагубные последствия для общественных нравов, также огорчительный для всей нации опасный соблазн, произойти от этого долженствующий, ибо по разрушении брака Вашего последний крестьянин отдаленнейшей губернии, не слыша более имени Великой Княгини, при церковных молитвах возглашенным, известится о разводе Вашем, с почтением к таинству брака и к самой вере поколеблется... Он предположит, что вера для Императорской Фамилии менее священна, нежели для него, а такового довольно, чтобы отщепить сердце и умы подданных от Государя и всего Царского Дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазн сей производится от Императорского брата, обязанного быть для подданных образцом добродетели. Поверьте мне, любезный Константин, единой прелестью неизменяющейся добродетели можем мы внушить народам сие о нашем превосходстве уверение, которое обще с чувством благоговейного почитания утверждает спокойствие Империи. При малейшем же хотя в одной черте сей добродетели нарушении общее мнение ниспровергается, почтение к Государю и его роду погибает.”

Получив разрешение Цесаревича вел. кн. Константин Павлович, в 1820 г. вступил в брак с полькой католичкой, графиней Иоанной Грудзинской, получившей от имп. Александра I, как морганатическая (неравно родная) супруга, титул княгини Лович, без именованья ее великой княгиней. Как известно, вел. кн. Константин Павлович, бывший законный наследником престола, от такового отказался. Но существовавшая некоторое время возможность того, что русской императрицей может быть *неправославная*, побудила имп. Николая I, глубоко верующего и церковного, внести ясность в юридическое положение членов Царственного Дома. Редакция статьи 142 Свода Законов 1832 года (185 издание 1906 г.) гласит: “Брак мужского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование престола, с особой другой веры, совершается не иначе, как по восприятию ею православного исповедания.”

В отношении разводов приходится установить, что со второй половины XIX в. в обществе стали усиливаться разводы. Это усматривается из данных, имеющихся в ежегодных всеподданнейших докладах обер-прокуроров Свят. Синода. Увеличение их с шестидесятых годов резко повысилось к началу XX века. Из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода 1908 года видно, что в 1907 г. расторгнуто было 2068 браков. Народная масса этим пагубным явлением не была затронута.

Об общем вреде, проистекавшем от Запада, Знаменский пишет: “После бедствий 1812 г. французомания с вольтерьянством сменились в обществе мистическими увлечениями. Кумир Вольтера был свергнут с пьедестала и на место его поставлены были бози инии, — разные Бэм, Эккартсгаузен, Юнг, Штиллинг, г-жа Гион, Сведенборг, де-Туа, Сен-Мартен и др. Для руководства в чисто-православной мистике у православной церкви были готовые и для всех доступные книги Макария египетского, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Симеона Нового, Нила Сорского, наконец недавно изданный (в 1793 и 1811 гг.) сборник этого рода статей “Добротолюбие;” но это были книги церковные, поповские, а интеллигентным мистикам нужен был мистицизм заграничный, последней европейской моды. Первыми деятелями мистического движения некоторое время продолжали оставаться масоны, — Лопухин, написавший сочинение: “Некоторые черты внутренней церкви,” ценившееся наравне с сочинениями упомянутых западных авторитетов мистицизма, и Лабзин, издававший в 1806 и 1817-1818 гг. мистический журнал “Сионский Вестник.” Потом в 1813 г. все мистиче-

ское движение сосредоточилось в библейском обществе, при содействии которого русская литература наводнилась целой массой мистических книг и брошюр, обязательно рассылавшихся по всем учебным заведениям, приходам, монастырям, книжным лавкам и проч. Мистицизм еще высокомернее относился к православной церкви, чем масонство. Проповедуя непосредственное общение человека с Богом, универсальную, исключительно-сердечную, субъективную религию без догматов и церкви, основанную на непосредственных озарениях от Духа Божия и вещаниях внутреннего Слова в духе человека, он отвергал все внешнее в религии, иерархию, таинства, обряды, даже обязательное учение внешнего, единственного истинного откровения и признавал одну “внутреннюю” церковь, не знающую никаких догматов, кроме догмата о возрождении и соединении человека с Богом, никаких разделений между своими членами и между разными вероисповеданиями, кроме разделения ветхого человека от нового, существовавшую, по учению мистицизма, от начала мира доселе во все времена и во всех религиях, мистериях и философских учениях. Мистицизм в лице сильных библейских деятелей покровительствовал всевозможным сектам и являвшимся из Европы учителям. Русские мистики совершали умную молитву с приезжавшими в Россию квакерами, окружали кафедры приезжих проповедников *Линдля* и *Госнера*, слушали мистическую пророчицу, остзейскую баронессу *Криднер*, восторгались учением духоборцев, братались и с хлыстами, распевая их песни и отплясывая на радениях в странном обществе некоей г-жи *Татариновой*. Мистическое увлечение сделалось какой-то повальной болезнью русского общества, отражалось и в литературе, и в искусстве, проникло в учебные заведения, в университеты, где своей враждой к “лжеименному разуму” едва не убило первых зародышей русской науки, отразилось даже в духовной литературе, наприм. в статьях Христианского Чтения 1821-1823 гг. В некоторых салонах Москвы и Петербурга, у кн. С. Мещерской, известной изданием множества мистических брошюр, кн. А. Голицыной и др., приверженцы мистицизма открыли собрания для “умной” молитвы и слушания разных экзальтированных проповедников. Большинство этого люда вовсе не понимало мистицизма, сумасшестввовало из одного подражания и от нечего делать, но это нисколько не мешало ему питать самое гордое презрение к “внешней церкви” и относиться с грубым фанатизмом ко всем несогласным и особенно к своим обличителям. Во время двойного министерства Голицына за противодействие мистицизму был лишен должности некто *Смирнов*, переводчик медицинской академии, обратившийся к государю с просьбой о дозволении печатать опровержения на мистические книги. В 1818 г. духовный цензор, ректор петербургской семинарии Иннокентий восстал против Сионского Вестника и добился таки его прекращения, затем пропустил в печать противомистическое сочинение некоего *Станевича* — “Беседа на гробе младенца”; министр страшно рассердился на него за такую дерзость и сделал комиссии дух. училищ грубый выговор за то, что цензор пропустил книгу, наполненную “защищением наружной церкви против внутренней, и противную началам, руководствующим наше христианское правительство.” Как упоминалось на стр. 730, Станевич был выслан за границу.

Влияние мистиков было ослаблено устранением кн. Голицына и угасанием библейского общества. В 1822 г. были закрыты масонские ложи. По настоящему же вредные движения надолго прекратились в 1825 г. со вступлением на престол имп. Николая I, глубоко верующего и церковного, чуждого ложному мистицизму. По его повелению, мистические книги отбирались из всех библиотек. Для рассмотрения их был учрежден при петербургской академии особый комитет работы которого кончились Изъятием более противных православию книг из обращения.

“Царствование Николая I с начала до конца,” пишет Знаменский, “отличалось строго православным направлением и строгой цензурой, старавшейся предотвращать всякую открытую проповедь неправославных учений. Но учения подобного рода все-таки продолжали рас-

пространяться в обществе путями прикровенными. В конце 1830-х годов и в 1840-х гг. представители науки и литературы, а за ними и образованное общество увлекались пресловутой философией Гегеля. В 1850-х и в 1860 гг., с ослаблением цензурных строгостей, огромное влияние в обществе и в среде учащейся молодежи получили учения Конта и позитивистов, Фейербаха и крайних материалистов, затем учения социалистов и коммунистов.”

Замечательно то, что участники бунта против имп. Николая I, т. н. декабристы, будучи сосланными в Сибирь, имели там большие библиотеки, в которых находились и многие заграничные издания, запрещенные в России. При усилившейся к середине XIX в. идейной порче русского общества показателен грубый и противоцерковный выпад против Н. В. Гоголя известного критика В. Г. Белинского, кумира тогдашнего общества. Гоголь, глубоко религиозный и церковный, напечатал в 1847г. “Выбранные места из переписки с друзьями.” Белинский, возмущаясь тем, что Гоголь, в этом сочинении опирается в консервативных рассуждениях на Церковь, писал: “...Церковь же явилась иерархией, стало быть поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми — чем продолжает быть и до сих пор.” “Но смысл Христова слова,” продолжал Белинский, “открыт философским движением прошлого века. И вот почему какойнибудь Вольтер, орудием насмешки погасивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, более сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи восточные и западные. Неужели вы этого не знаете? А ведь это теперь не новость для всякого гимназиста...”

Эта порча духовная, захватывавшая все больше круги русской интеллигенции, заставила еще в 1866 г. епископа Иоанна (Соколова) выборгского, вполсл. смоленского воскликнуть: “Не кажется ли вам, не может ли придти мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотреть вокруг себя серьезно, что жизнь наша как будто сдвинулась с вековых религиозных и нравственных оснований и, в разладе с народной верою и совестью, с отечественною любовью и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идет бурно не весть куда без разумных убеждений и сознательно верных стремлений? Народ! Помни Бога.”

Столь же решительно указывал на грядущую страшную опасность от такого помутнения сознания интеллигенции и уклонения ее от церковных путей мудрейший и проникновенный владыка *Феофан тамбовский, затворник вышенский* (†1894). “Знаете ли какие у меня безотрадные мысли? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу вольтериане, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и к Церкви никуда негожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах?” “Каких-каких у нас не ходит учений и в школах, и в обществе, и в литературе,” горестно взывал он в другой раз. “Поднялось,” писал он, “скрытое гонение на христианство, которое стало прорываться и явно, как недавно в Париже. Что там можно сделать в малом объеме, того надобно ожидать со временем в больших размерах... Спаси нас, Господи.” “Господь много знамений показал в Капернауме и Хоразине; между тем, число уверовавших не соответствовало силе знамений. Потому-то Он строго и обличил эти города, и присудил, что в день суда отраднее будет Тиру и Сидону, Содому и Гоморре, нежели городам тем. По этому образцу надо нам судить и о себе. Сколько знамений показал Господь над Россией, избавляя ее от врагов сильнейших, и покоряя ей народы. Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знаменья, — в св. мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России. И, однако ж, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком

сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм и геологические бредни с Божественным откровением. Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образуемся? И будет, наконец, то же и у нас, что, например, у французов и других ... А, если это будет, что, думаете, будет нам за то в день судный, после таких Божиих к нам милостей? Господи, спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и надлежащего прещения.” “Западом и наказал и накажет нас Господь,” грозно предрекал еп. Феофан, а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас. Пошли свет Твой и истину Твою.” “Другая злая вещь у нас, наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все неймется.”

Вспоминая ту *французоманию*, которая существовала до Отечественной войны 1812 г., еп. Феофан, в поучении своем в день Рождества Христова, когда праздновалось и “избавление России от нашествия галлов и с ними двадцати языков,” назидательно говорит: “Нас увлекает просвещенная Европа. Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческая; оттуда уже перешли они и переходят к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: за чем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее ...” “А теперь,” предрекал святитель, “кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает.” “Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осьмнадцатого века со всеми его ужасами? Ибо от подобных причин подобные бывают следствия.” “Воды потопного нечестия устремляются на нас” и все это потому, что “ныне начинает господственно водворяться среди нас дух мира, тот дух, который побежден Господом Иисусом Христом и должен быть побеждаем силою Его и чрез нас.”

Решительно обличал архиеп. Никанор (Бровкович) херсонский лжеучения гр. Л. Н. Толстого. Обличительными, наставительными и пророческими были слова великого праведника, приснопамятного о. Иоанна Кронштадского, пережившего в смутные годы начала XX в. первые проявления в государственной и общественной жизни зла, насаждавшегося в обществе десятилетиями. На пороге этого нового века еп. Антоний (Храповицкий) говорил, что русское общество покидало “спасительный корабль веры.” Лишалось тогда, по его словам, разумного смысла “государственное существование, основанное на народном себялюбии и чуждом религиозной идее.” “Это уже не народ,” писал владыка Антоний в 1899 г. в Казанском журнале “Деятель” — “но гниющий труп, который гниение свое принимает за жизнь, а живут на нем и в нем лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниет, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни.”

Народные массы крепче и чище сохраняли верность религиозным преданиям и быту отцов и дедов. Но и в XIX в. приходилось бороться с остатками суеверий, державшихся в отдельных местах. Против этого ратовали, главным образом, церковные проповедники. Из обличителей суеверий особенно известен владыка Амвросий (Подобедов), долгое время правивший казанской епархией, затем митрополит новгородский и петербургский (1799-1818). На этом же поприще работали здоровая народная литература и школа. Просветительные меры с каждым годом ширились и суеверия изживались все больше.

Богомольцы и паломники, Императорское Палестинское общество.

Попытки левых интеллигентов, соприкасавшихся с 60-х годов XIX в. с народом, отравлять его ядом безверия и бунтарства имели мало успеха. Верующий народ в основе своей крепко держался Церкви. 13 августа 1861 г. в Задонск на прославление святителя Тихона Задонского собралось 300000 богомольцев. И ежегодно приходили богомольцы в августовские дни в Воронеж, где 7-го праздновалась память свят. Митрофана и 13 свят. Тихона. Велик был приток верующих летом 1903 г. при прославлении преп. Серафима Саровского. Верующий люд в 1909 г. стекался во множестве на пути перенесения мощей преп. княжны Евфросинии из Киева в Полоцк. В последний раз перед революцией велико было церковно-народное торжество в июне 1916 г. при прославлении мощей свят. Иоанна Тобольского.

Древний русский Киев в дни празднования Лаврой престольного праздника Успения полон был десятками тысяч богомольцев, стекавшихся отовсюду в Матерь городов русских. То же в престольные дни происходило в Св. Троицко-Сергиевой Лавре, Дивееве, Сарове, на Валааме, в Соловецкой обители, в Почаеве и в других многочисленных монастырях.

Приходил народ и небольшая часть т. наз. интеллигенции к старцам в Оптину пустынь, в Гефсиманский скит Троицкой Лавры к старцу Варнаве, в Голосеевскую пустынь Киево-Печерской Лавры к старцу Алексию и к другим старцам, которых в разных частях России знали верующие люди. Со всей необъятной Руси тянулись духовные нити в Кронштадт к отцу Иоанну Сергиеву. Сотни тысяч народа благоговейно встречали его при поездках по России. Все усиливалось паломничество в Святую Землю, на Афон. Французский писатель Лоти писал, что он только тогда понял, что представляет собою истинная вера, когда он увидел русских паломников, молившихся в Иерусалиме.

А. В. Елисеев, побывавший с паломниками в Святой Земле около 80 лет назад, пишет в своей книге: “Я уже говорил не раз, что тахітум скопления не только русских, но и вообще паломников бывает к празднику Пасхи; весь Иерусалим тогда представляется настоящим городом паломников. На всех улицах слышится русская речь, везде виднеются русские лица, русские костюмы; продавцы различной снеди и *object de piété*, погонщики ослов, даже нищие — все стараются в это время мараковать по-русски. “Поддай ради Христа, Бог с тобой, Христос Воскресе!” кричат прокаженные, уроды, слепцы и другие просящие милостыни; замечателен тот факт, что ни на каком другом иностранном языке не просят нищие, как только по-русски, — это чрезвычайно характеризует наше паломничество. Нет перед Пасхою ни одного такого уголка в Иерусалиме или его окрестностях, где нельзя было бы встретить русского мужичка или бабы .” (“С русскими паломниками на Святой Земле весною 1884 года.” С. Петербург 1885 г.).

В те уже годы число паломников, которым русское правительство облегчало путешествие и пребывание в Святой Земле, Елисеев исчисляет в 4000, предвидя все большее увеличение таковых. На Св. Пасху 1899 г. в Иерусалиме было 5882 русских паломника.

Россия, став великой православной империей, продолжала свои заботы о Святой Земле. В ней, наряду с притеснениями турок, надвинулась опасность со стороны инославных. Протестанты начали насаждать там школы, больницы, приюты, стараясь этим способом отвратить бедных арабов от православия. Воспрянули с еще большей силой опытные миссионеры католики. Насажден был там “восточный обряд.” Для отступников от своей веры устраивались католиками училища, странноприимные дома, школы, приюты для детей. Вследствие

всего этого государи наши признали необходимым иметь в помощь православию свои учреждения. Прежде всего учреждено было русское консульство.

В сороковых годах XIX в. усилилась деятельность инословных. В 1841 г. Пруссия учредила в Иерусалиме протестантскую кафедру. Римский папа восстановил иерусалимский патриархат, существовавший во время крестовых походов. В 1842 г. англикане учредили епископскую кафедру. В 1847 г. учреждена была *Русская Миссия*. Начальником ее был назначен большой знаток Востока *архим. Порфирий (Успенский)*, поставленный в зависимость от министерства иностранных дел. При участии архим. Порфирия, патриархией была устроена арабская типография для печатания богослужебных книг и были открыты патриархом Кириллом II эллинско-арабское училище и духовная семинария Св. Креста, называвшаяся Крестной. Миссия укрепляла бодрость тамошних православных, научала их вере и благочестию, находила надежных учителей. Деятельность первой Миссии прервалась Восточной войной 1854-56 гг., возникшей из-за стараний императора Николая I отстаивать права православных в Святой Земле.

После Парижского мира в 1856 г. восстановлена была Духовная Миссия, начальником которой был знаменитый архим. *Антонин (Капустин)*. Возобновилось паломничество. В 1872 г. Палестину посетил брат имп. Александра II вел. кн. Николай Николаевич, в 1881 г. — вел. князя Сергей и Павел Александровичи. Последствием последней поездки явилось основание волей имп. Александра III Православного Палестинского Общества, заменившего Палестинский Комитет, существовавший с 1858 г. Председателем общества стал вел. кн. Сергей Александрович. В 1889 г. обществу присвоено именование Императорского. В 1888 г. на Елеонской горе освящен был, в память покойной благочестивой имп. Марии Александровны, храм во имя Св. Равноапостольной Марии. В 1896 г. в Иерусалиме в Русском доме, сооруженном в 1891 г. “на раскопках” — пороге древних иудейских ворот, через которые шествовал Спаситель на Голгофу —, освящен был, в память имп. Александра III, храм во имя Св. вел. кн. Александра Невского.

В последние десятилетия до революции Императорское Палестинское Общество развивало большую деятельность. Непосредственно или через епархиальных архиереев поступали в Общество со всей России пожертвования большие и малые, в числе их и копейки бедного люда, ревновавшего о Святой Земле. Синод благословил особый сбор на сей предмет, производившийся во всех церквах империи в неделю Ваий (Цветную).

Благодаря притоку средств Общество имело возможность устроить удобный и дешевый проезд паломников в Святую Землю. Там оно обставляло их пребывание необходимым. Сооружено было большое странноприимное подворье с Александро-Невским храмом. В созданных в Иерусалиме и других местах врачебных заведениях оказывалась широко помощь паломникам и местному населению. По отчету Общества за 1901/2 г. в одной Иерусалимской больнице насчитывалось 10733 больничных дня, а в пяти амбулаториях была подана врачебная помощь в 110000 случаев, с отпуском лекарств бесплатно. Для паломников устраивались назидательные чтения и они снабжались соответственными книжками.

Духовной Миссией и Палестинским Обществом сделано было много для утверждения в вере и благочестии местного православного населения и ограждения его от вовлечения в сети католиков и протестантов. Имелись мужская и женская учительские семинарии. Согласно отчету Общества за 1903/4 г., имелось в Палестине и Сирии 87 школ при 10225 учащихся и 417 лицах учебно-воспитательного состава.

Состояние религиозного образования народа.

В царствование имп. Александра I правительство усилило заботы о просвещении народа. В 1803 г. в указе “о введении наук в России” выявилось это приглашением духовенства к содействию сему благому начинанию. То же проводилось и в указе имп. Николая I в 1836 г. об открытии народных школ при церквях и монастырях. Духовенство с сочувствием откликнулось на призыв государей и стало заводить *приходские школы* на свой собственный счет. Это обстоятельство и большое количество открываемых таким образом школ спутало понятия гордившихся своим просвещением людей, которые привычно свысока толковали о невежестве, обскурантизме и своекорыстии “попов.” Напр. отметить, что главное развитие школы получили в селениях удельных (принадлежавших Императорскому Дому) и казенных крестьян. В селениях же помещичьих им часто чинились препятствия; учителями в них были только члены местных приходских причтов (Знаменский). После освобождения в 1861 г. имп. Александром II крестьян от крепостной зависимости, вопрос о народном образовании приобрел особенное значение. Среди духовенства поднялось необычайное просветительное движение. Церковно-приходские школы открывались по епархиям целыми сотнями каждый год. Духовенство жертвовало на них и временем и своими жилищами. В тесных иногда помещениях оно собирало детей за неимением сначала особых помещений для школ. Расходовало оно и средства на покупку учебных принадлежностей и на др. школьные расходы. С 1859 до 1865 г. открыто было свыше 21400 новых приходских школ исключительно одним духовенством. Интеллигентные круги в 1860 г. тоже возревновали о просвещении народа и стали открывать по городам *воскресные школы*. Но вскоре обнаружилось, что в них велась вредная работа по распространению разрушительных идей. В 1865 г. правительство вынуждено было закрыть эти школы. В 1867 г. воскресные школы стали открываться вновь, но не радикально настроенными светскими кругами, а *духовенством* при церквях и духовных семинариях (Знаменский).

“Самоотверженная просветительная деятельность духовенства не нашла однако сочувствия в странной русской “интеллигенции” 1860-х годов. Печать заподозрила самое существование этих десятков тысяч неожиданно возникших школ и горячо натолковала и о невежестве духовенства, и об отсталости его методов обучения, и об узости самой программы этого обучения (т. е. православно-религиозной) и проч. В министерстве же народного просвещения поднялся вопрос о подчинении всех народных школ министерскому ведомству. В 1862 г. состоялось Высочайшее повеление: приходские школы оставить в ведомстве духовенства, а министерству ведать школы, какие оно откроет само; но такое решение вопроса министерство не удовлетворило. Открывая свои школы, оно старалось войти в труд духовенства, присоединяя и его школы к своим. В этом помогали ему и его денежные средства, из которых оно помогало только тем приходским школам, которые присоединялись к министерским, и его чиновники, начиная с попечителей округов, и мировые посредники, — все люди новых убеждений, которые нередко прямо запрещали сельским обществам составлять приговоры об открытии новых приходских школ и собирать на них деньги. В 1864 г. против школ духовенства встали вновь открытые земства, мечтавшие об устройстве народных школ по европейским образцам, с новым не религиозным, а “культурным” направлением, с новыми методами и новыми учителями, для приготовления которых предполагалось завести особые учительские семинарии и институты. Высказывая всяческое недовольство школьною деятельностью духовенства, в труд его стали входить и земства; приходские школы одна за другой были присоединяемы к числу земских, часто по желанию даже самого духовенства, которое видело в этом единственный способ доставить им хоть какую-нибудь материальную под-

держку. Число подведомственных духовенству школ начало поэтому весьма быстро сокращаться; в начале 1880-х г. их осталось до 4000 с небольшим. В 1864 г. для объединения просветительной деятельности всех народных школ учреждены губернские и уездные училищные советы из представителей ведомств и земств под председательством архиереев, но церковно-приходские школы не получили поддержки и от этих советов, так как число разных руководителей народного образования, не сочувствовавших деятельности духовенства, оказалось в них преобладающим. Не нашли они такой поддержки и среди большинства вновь назначенных чиновников министерства, инспекторов (с 1869 г.) и директоров (с 1874 г.) народных школ. Все это не могло не отозваться дурно на усердии к школьному делу и самого духовенства. В министерских и земских школах оно очутилось в зависимости от светских лиц, предпочитавших ему своих светских учителей, в обидном пренебрежении и без помощи. Многие земства не желали оплачивать даже законоучительный труд священников, ставя этот труд в число обязанностей самого пастырского звания, другие назначали за него поурочную плату и притом под контролем светских учителей школ, третьи определяли вознаграждение в форме только наград лучшим законоучителям, — все вообще с своей культурной точки зрения считали нужным до минимума сокращать уроки по Закону Божию на том основании, что это предмет специальный и что крестьянские дети готовятся не во дьячки. Не мудрено, что духовенство не только перестало открывать новые школы, но стало уклоняться даже от законоучительства в светских школах. С 1871 г. Св. Синод вынужден был дозволить замещение законоучительских вакансий светскими лицами. Наконец, в 1874 г. и сами архиереи были отстранены от председательства в училищных советах; на место их председателями стали назначаться предводители дворянства; духовенству же в губернских и уездных училищных советах предоставлено иметь только по одному депутату.”

“Духовное ведомство употребляло с своей стороны разнообразные меры к удержанию за собой влияния на народное образование, но при указанных обстоятельствах все эти меры оказывались безуспешными. Сюда относятся: многочисленные распоряжения преосвященных о том, чтобы духовенство не переставало заводить приходских школ и не бросало законоучительства в светских школах, введение в курс семинарий педагогики и учреждение при них образцовых школ, учреждение при церквях псаломщиков из кончивших курс семинаристов, с поручением им преподавания в приходских школах. Живая связь между церковью и народной школой видимо слабела” (Знаменский).

Некоторое улучшение имело место, когда должности министра народного просвещения и обер-прокурора Синода были совмещены в лице правого *графа Д. А. Толстого*, проводившего единую политику в отношении народных школ.

Крупная перемена к лучшему наступила в царствование имп. *Александра III*, подлинно церковного государя. Понято было им значение религиозных основ в деле народного образования. С 1882 г. начинается возрождение церковно-приходских школ. В этом году последовало Высочайшее повеление о перечислении в смету Синода из сметы министерства народного просвещения 55500 руб. на устройство и содержание духовенством школ для народного образования. В 1884 г. были изданы правила о *церковно-приходских школах*, которые по новому наладили дело народного образования в религиозном духе. Приходские школы и школы грамотности были отданы в полное ведение духовенства. Для управления ими учреждены епархиальные и училищные советы, а *при Синоде* — с 1885 г. — *училищный совет*. Председатель последнего назначался синодом. В состав совета входили 9 постоянных членов, наблюдатель школ и его помощник. *Епархиальные советы* составлялись таким же порядком, имея только в составе членов также члена от министерства народного просвещения. В *уездных отделениях* училищных советов состав членов пополнялся местными благочинными, инспектором народных училищ и земскими начальниками или чиновниками по крестьян-

ским делам. Епархиальным архиереям предоставлялось право приглашать по одному члену от земского уездного собрания и городского общества. Школы ведомства Синода разделялись на два разряда: *церковно-приходские и грамоты*. Первые были с двухлетним, или четырехлетним курсом. Обучали в них священники или утверждаемые епархиальным архиереем учителя или учительницы, преимущественно из кончивших духовные учебные заведения. Общее наблюдение принадлежало священнику. В школах грамоты преподавался Закон Божий, церковное пение с голоса, чтение церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисление. В приходских школах программа была шире, преподавалась начальная арифметика, а в четырехлетних сведения из церковной и отечественной истории. Число школ быстро увеличивалось.

Об одном из деятелей церковно-приходских школ К. П. Победоносцев писал 10 марта 1880 г, Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу: “Впечатления петербургские крайне тяжелы и безотрадны. Жить в такую смутную пору и видеть на каждом шагу людей без прямой деятельности, без ясной мысли, и твердого решения, занятых маленькими интересами своего я, погруженных в интриги своего честолюбия, алчущих денег и наслаждения и праздно болтающих, — просто надрывает душу. Добрые впечатления приходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там еще цел родник, от которого дышит еще свежестью, а отсюда наше спасение. Там есть люди с русскою душой, делающие доброе дело с верою и надеждою. Не угодно ли, Ваше Величество, я покажу Вам одного такого человека. Все-таки отрадно хоть одного такого увидеть. На досуге извольте прочесть прилагаемые письма. Если Вы сочувственно примете их, то не пожалеете, что читали. Это письма приятеля моего Сергея Рачинского, доброго и честного человека. Он был профессором ботаники в московском университете, но когда ему надоели там распри и интриги между профессорами, он оставил службу и поселился в своей деревне, в самой глуши Бельского у., Смоленской губ., вдали от всех железных дорог. Живет он там безвыездно вот уже 10 лет и посвятил всего себя сельским школам, которой занимался с утра до ночи — в каком духе, извольте увидеть из писем. Он подлинно стал благодетелем целой местности, и Бог послал людей — из священников и помещиков, которые с ним работают. Отрадно читать его письма, — от них веет новым и здоровым, ободряющим духом. Тут не болтовня, а дело и истинное чувство. В письмах отмечены карандашом страницы, на которые стоит обратить Ваше внимание” (“Рачинский, С. А. Замечательный педагог и выдающийся церковно-школьный деятель, работавший в Смоленской губ., но сделавшийся известным по всей России» (“Полный прав. богослов. энцикл. Словарь”)). Согласно всеподданнейшему отчету обер-прокурора Свят. Синода к 1908 г. церковно-приходских школ имелось — 26097 с 1401886 учащимися, школ грамоты — 13650 с 436001 учащимися. На содержание церковных школ в 1907 г. было израсходовано: казенных поступлений по смете Синода—10065509 руб. и местных поступлений 6667897 руб. При таких отпусках явилась наконец возможность придать церковно-приходскому образованию должную стройную организацию.

Секты.

В царствование имп. Александра I, во время мистических увлечений, секта *хлыстов* действовала свободно. К ней примкнуло довольно много лиц даже из образованных кругов, составивших целый “корабль” около *Екатерины Татариновой* ур. Буксгевден. После смерти мужа, она, поселясь в Петербурге, завязала связи с хлыстами и скопцами, бывала на их радениях. ее сектантская деятельность началась с 1817 г. Она уверяла, что почувствовала дар

пророчества, перейдя в православие из лютеранства. Главную роль в ее секте играл музыкант кадетского корпуса Никита Феодоров — *“Никитушка.”* Как упоминалось, на ее радениях бывали главные деятели Библейского общества, включая кн. А. Н. Голицына. Собрания происходили в ее квартире в Михайловском дворце. Потом она образовала вроде хлыстовской колонии около Московской заставы, где радения ее продолжались 12 лет. В царствование имп. Николая I положен был конец ее деятельности. В 1837 г. колония была закрыта. Секретный раскольничий комитет, рассматривавший это дело, высказал мнение о необходимости прекратить существование этого вредного общества. Комитет полагал главных сектантов разослать по монастырям, а остальных отдать под надзор полиции. Имп. Николай I утвердил это решение. Татаринова была послана под строгий надзор в Кашинский Сретенский женский мон., где пробыла 10 лет. В 1847 г., когда она письменно обязалась оказывать повиновение православной Церкви и не участвовать в не благословенных Церковью обществах, она была освобождена. Умерла она в 1856 г. в Москве.

Основатель секты скопцов, Кондратий Селиванов, в царствование имп. Александра I, был выпущен из сумасшедшего дома и совершенно спокойно жил в Петербурге. Время с 1801 года скопцы называли “счастливым временем,” “золотым веком.” К скопчеству примкнуло несколько лиц из образованного общества. В 1819 г. было дознано, что оно стало проникать в армию. Тогда против него приняты были строгие меры. Селиванов подвергся увещанию и в 1820 г. сослан в суздальский Спасо-Евфимиев мон. Но скопчество не прекращалось. К 1832 г. едва ли можно было найти губернию, где не существовали бы скопцы. До самой смерти (в 1832) Селиванова в монастырь стекались скопцы, увозившие, как святыни, волосы учителя своего, остатки хлеба, от него полученного и пр. В 1832 г. имп. Николай I приказал принять строгие меры против этой изуверной секты. Она была признана самой опасной; грозило преследование за самую принадлежность к ней. Скопцы переселялись в Турцию и Румынию.

В 1801 г., с воцарением имп. Александра I, возвращено было на родину множество *духоборов*, сосланных в Сибирь. Вожаком их продолжал быть, упоминавшийся ранее (стр. 700) отставной капрал гвардии *Савелий Капустин*. “Капустин был высокого роста, мужественного сложения; его осанка была величественна, походка и взгляд невольно внушали уважение; он владел красноречием, умом и особенно замечательною памятью, так что знал наизусть всю Библию и помнил все, что когда-либо читал. По своей натуре и по своему положению в среде духоборцев Капустин имел сходство с известным Иоанном Лейденским, анабаптистским королем в Мюнстере. При выходе Капустина народ падал на колени, кланялся ему и воздавал божеские почести.” (“Прав. Бог. Энц.”). Он организовал быт духоборческой общины. Умер в 1820 г. При нем состоялось переселение духоборцев на т. н. “Молочные воды” — незаселенная местность мелитопольского у таврической губ. Туда духоборы были выселяемы с 1820 г., чтобы пресечь пропаганду ж освободить от совместного жительства с православными, враждебно к ним относившимся. При этом им давалась на подъем ссуда из казны, льгота от податей на 5 лет и земельный надел по 15 десятин на душу. Вследствие такого благожелательного к ним отношения секта духоборцев распространилась еще шире, чем в XVIII в. В царствование имп. Николая I секта объявлена была вредной; усилена строгость взысканий за ее распространение. Переселение на Молочные воды, где насчитывалось уже в 1808 г. девять деревень, было прекращено. Взамен этого духоборов стали выселять на пограничную линию за Кавказ; в 1839 г. туда же перевели их и из Молочных вод. В Закавказье ими управлял Петр Калмыков, потом его жена Лукерья. Позднее из духоборчества выделилась партия т. н. “постников,” во главе с Петром Веригиным, усвоивших некоторые воззрения гр. Льва Толстого. В 1898 г. последние переселились в Канаду. Сибирских духоборцев тоже переселяли

подальше от православных. Позднее духоборцы выселились в Соед. Штаты Северной Америки.

В 1835 г. у *молокан* (см. стр. 701-2) появилось учение о близком наступлении царства Христова в Новом Иерусалиме где-то близ Арарата, заимствованное из проникшей к молоканам книги Юнга Штиллинга “Победная песнь.” Так как по учению Штиллинга до этого должны прийти Илия и Энох, то в 1833 г. мелитопольский молоканин Терентий Беловзоров провозгласил себя Илиею и объявил, что в известный день вознесется на небо. Когда этого, естественно, не случилось сами молокане отдали его в руки полиции. Другой “пророк” убеждал их переселяться на Кавказ, где начнется тысячелетнее царство. Появлялись и другие подобные лица.

Все перечисленные секты не мало пользовались для своих учений разными *мистико-протестантскими учениями*, издавна бродившими на юге России, где было много иноверных колонистов с запада. Во второй половине XIX столетия по всей Малороссии быстро стала распространяться новая секта *штундистов* (штунде — час). Среди православных новое вредное течение возникло впервые в деревне Основа, одесского у. и первым пропагандистом был там крестьянин Онищенко. Гораздо большее значение имела деятельность его ученика, крестьянина *Михаила Ратушного*. По признанию последнего, он усвоил свои воззрения от немцев, вероятно, сектантов назарян колонии Рорбах, находящейся в 12 вер. от его села. Секта, разрастаясь, официально была обнаружена к концу 1870 г. в ряде местечек *Херсонской губ.* В это же время она уже существовала два года в *Таращанском у. Киевской губ.* В семидесятых и восьмидесятых годах штундизм распространился по всему югу России, заходя на севере в Орловскую губ. Позднее он появился в губерниях Калужской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Рязанской, Смоленской и в самой Москве. Штундисты отрицают таинства, обряды, посты, православную иерархию, имея, вместе с тем, своих пресвитеров, учителей и служителей. Источником богопознания они единственно считают Св. Писание Ветхого и Нового завета, предоставляя каждому толковать его по своему усмотрению. Пропаганда штундистов, все усиливавшаяся, заставила правительство в 1894 г. объявить секту более вредной, с запрещением участникам ее общественных молитвенных собраний. Против них велась большая миссионерская работа, устраивались особые собрания, в которых изобличались их лжеучения.

В Россию проникли также *баптисты* — протестантская секта, образовавшаяся в Англии в 1633 г., в Сев. Америке в 1639 г. До середины XVIII в. — создания “Проповеднического союза” — баптизм развивался слабо. Союз этот поставил себе задачей распространение христианства вообще без догматов и обрядов. Новый баптизм привлек к себе крупные средства, распространился и в Азии — Китае, Японии, Индии. В 1814 г. в Соед. Штатах образован был “Баптистский Союз.” В конце XIX в. последний содержал 35000 миссионеров. В Германии средоточием его был г. Гамбург, откуда он проник в Россию. Баптисты подготовили в России почву иудействующей секте адвентистов седьмого дня. Проникла она из Соед. Штатов в 80-х годах XIX в. и укрепилась в немецких колониях таврической губ. В 1901 г. в России было 137 общин с 13 проповедниками. (Священник Александр Колесников. “Курс сравнительного богословия.” 1957. Джорданвилль.).

Были также в России ирвингиане (секта создавалась в тридцатых годах XIX в. в Лондоне по имени пресвитерианского проповедника Эдуарда Ирвинга), *меннониты* (протестантская секта, основанная католическим священником Симоном Менноном, преобразовавшим секту анабаптистов) и др. небольшие секты местного происхождения. В 1874-75 гг. явилась еще секта *пашковцев*, во главе которой стал полковник В. А. Пашков, представитель богатой дворянской семьи, Он проповедовал протестантско-мистическое учение некоего английского лорда Редстока, проповедника, бывшего в Петербурге в 1874 г. К ней примкнули некоторые

представители высшего общества. Секта эта успеха не имела, как и противоцерковные идеи гр. Л. Н. Толстого.”

В июле 1908 г. на Всероссийском Миссионерском Съезде в Киеве было установлено, что из всех многочисленных сект, обуревающих русскую Церковь, самой воинственной, сильною своей организацией и духом прозелитизма можно считать секту *штундистов*, которая со времени объявления 17 апр. 1905 г. вероисповедной свободы с поразительной быстротой, под видом баптизма и евангельского христианства стала распространяться по всему государству. Все так называемое “евангельское движение” в России объединилось в 1907 г. на конференции в С. Петербурге в один “Всероссийский Евангельский Союз,” а во главе другого движения штундизма, слившегося с пашковцами, стоял “Евангельский союз.” Наряду с этим усилилась и деятельность секты адвентистов. Обсуждал съезд и вопрос о борьбе с атеизмом и с социализмом, как с мировоззрением глубоко атеистическим и материалистическим. С докладами по этим вопросам выступал прот. И. Восторгов и епархиальный миссионер И. Г. Айвазов. Постановления, доклады и резолюции съезда были напечатаны в синодальном журнале “Церковные Ведомости.” С Великого поста 1909 г. при Синоде возобновились занятия учрежденного в феврале 1908 г. особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии. На обсуждение этого совещания переданы были и постановления Киевского Миссионерского съезда. Определением Синода от 4-6 июня 1909 г. решено было, по представлению архиеп. Антония (Храповицкого), ввести с начала 1909-10 учебного года в курс преподаваемого в семинариях нравственного богословия особый отдел *разбора и опровержения социализма*, предложив в руководство временно, до составления по сему предмету программы, выработанные владыкой Антонием и миссионером Айвазовым программу и объяснительную к ней записку, напечатав в синодальной типографии в потребном количестве. Вопрос о борьбе с сектантством обсуждался в июле 1910 г. на Сибирском Обще-Миссионерском съезде в Иркутске. (Епископ Никон (Рклицкий). “Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого.” Том III. Нью-Йорк. 1957).

Старообрядчество и единоверие.

В царствование имп. Александра I старообрядцы стали выступать смелее. Московские их общины — *Рогожское* и *Преображенское кладбища* — достигли в это время цветущего состояния. Около них возникли целые улицы, кварталы, фабрики и др. промышленные предприятия, все наполненные раскольниками и беглыми. Рогожское кладбище поставляло от себя беглое священство на всю Россию. В действиях правительства к раскольникам замечались все время колебания. В 1803 г. в официальных бумагах снова появилось слово раскольник, которое старообрядцы считали для себя обидным. В 1812 г. им запрещалось строить часовни на кладбищах. В 1820 г. надзору полиции поручены были лишь беспоповцы (федосеевцы), между которыми обнаружены были случаи разврата и детоубийства; их снова не велено было выбирать на общественные должности. Наряду же с этим, в 1822 г. государь дозволил попovцам открыто держат беглых попов и содержать часовни и церкви, не строя только новых. В 1825 г. по делам раскольничьим был учрежден секретный комитет из митрополитов Серафима и Евгения, Аракчеева, управлявшего тогда мин. внутр. дел, и министра народн. просвещения Шишкова.

При имп. Николае I Комитет министров предписал 9 янв. 1826 г. губернаторам не преследовать раскольников за совершение треб по их обрядам, а смотреть только за тем, чтобы они не соврацали в раскол. Это распоряжение секретно подтверждалось несколько раз, с оговор-

кой, чтобы раскольники о нем не знали. Когда в 1844 г. псковский губернатор стал запрещать требы и раскольники обратились с просьбой о разрешении, то 5 янв. 1845 г. состоялось Высочайшее повеление поставить губернатору это на вид, раскольникам же объявить, что закон позволяет открыто совершать требы только лицам духовного звания, — по церковным правилам на то уполномоченным.

В 1835 г. раскольники были разделены на секты менее и особенно вредные. В 1842 г. министерство внутренних дел запросило Синод какие секты признаются духовным начальством особенно противными учению Церкви. Обер-прокурор гр. Протасов уведомил, что *вреднейшими сектами* являются: 1) иудействующие, совершенно отпадающие от христианства; 2) молокане, секта разрушительная, как и 3) духоборцы; 4) хлыстовщина и 5) скопцы, обе богохульные; 6) те беспоповщинские секты, которые отвергают брак и молитву за царя: они пишут и произносят жестокие хулы на церковь и таинства и всякую власть нынешнего времени почитают антихристовою. Секты вредные — те из беспоповщины, которые принимают брак и не отказываются молиться за царя. По сим чертам могли бы считаться менее вредными. Но они решительно вредны, потому что отвергают священство и таинство евхаристии и, кроме сказанного, все заимствуют от худших отраслей беспоповщины. Секта *менее вредная* — поповщина. Это не ересь, а раскол. Более церковного сохраняет и более надежды представляет к обращению.

Делами о раскольниках ведали особые *секретные комитеты* как в центре, так и в губерниях. Рядом мер старообрядцы вновь лишены были прав на общественные должности; право на запись в купеческие гильдии было стеснено. Общества их были признаны незаконными. Крещение и браки признавались лишь по совершении их в православных церквях. Запрещено было строить и чинить их молитвенные здания. Публичное оказательство раскола и его пропаганда были воспрещены безусловно. Большинство этих распоряжений последовало еще до отъезда Синода в 1842 т., но при наличии секретных комитетов, начавших действовать: центральный в Москве с 1831 г., местные — с 1838 г. Еще более строгие меры последовали с начала 1850-х годов. В 1853 г. был учрежден *особый секретный комитет* для заведывания делами о раскольниках. Еще до этого был отменен закон имп. Александра I о беглых попах, Побег православного священника признан был преступлением. Раскольничьи монахи считались простыми простолюдинами.

Имп. Александр II, по вступлении в 1855 г. на престол, отменил секретный комитет, но общие распоряжения о раскольниках остались в силе. Но, при тогдашнем либеральном направлении правительства, самое применение этих распоряжений проводилось мягче. В это царствование был издан закон о *браках* раскольников (19 апр. 1874). Браки их записывались в особые метрические книги, которые велись полицией и волостными правлениями.

На третий год царствования *имп. Александра III* — 3 мая 1883 г. — издан был закон, главнейшие постановления которого заключались в следующем. Паспорта всем раскольникам, за исключением скопцов, выдавались на общем основании. Им дозволялось вести торговлю и заниматься промыслами. С разрешения министра внутр. дел им разрешалось занимать общественные должности, с небольшими ограничениями. Позволялось творить общественную молитву, исполнять требы, совершать богослужения. Распечатывание молитвенных домов допускалось с разрешения министра внутр. дел II обер-прокурора, но без торжественности. Духовным лицам разрешалось совершать требы, но они не признавались в этом звании. Они преследовались за распространение раскола. Запрещалось публичное выявление раскола.

Полная *свобода вероисповеданий*, в том числе и старообрядчества, дана была в царствование имп. Николая II, указом 17 апр. 1905 г., приуроченным к празднику Св. Пасхи.

Православное духовенство вело полемику с раскольниками. В царствование имп. Николая I на этом поприще известны олонецкий архиеп. *Аркадий* (Феодоров), правивший с 1851 по 1869 гг., митр. московский *Филарет* (Дроздов), автор “Бесед к глаголемому старообрядцу.” Об обрядовых вопросах писали: архиеп. воронежский Игнатий (Семенов), правивший с 1847 по 1850 г. и митр. петербургский Григорий (Постников). В царствование имп. Николая I особенное значение придавалось миссионерской работе, но она имела мало успеха. В царствование имп. Александра II стали заводить школы для приготовления миссионеров из крестьянской среды. С миссионерской же целью стали учреждаться братства. Наиболее успешно работало братство св. Петра в Москве. К этому времени относятся полемические труды профессоров духовных академий: петербургской — Нильского, казанской — Ивановского, московской — Голубинского, а также преосвященных Никанора (Бровковича), архиеп. херсонского и митр. Макария (Булгакова). Миссионерская работа усилилась. С 1884 г. *учение о расколе* введено в число обязательных предметов в дух. семинариях. Для объединения миссионерской деятельности стали с 1885 г. собираться *миссионерские съезды*.

Из событий во внутренней жизни раскола замечательно возникновение у *поповцев*, так называемой, *Австрийской иерархии*. После отмены прежнего дозволения старообрядцам держать беглых попов, съезд их в Москве в 1832 г. порешил непременно добыть себе особого архиерея и собрал на сей предмет богатые средства. После многих странствований ходоки поповцев нашли в 1846 г. нужного им архиерея. Это был лишенный кафедры боснийский митрополит *Амвросий*, живший в большой нужде в Константинополе. Он согласился перейти к раскольникам за 500 червонцев годового оклада. Кафедрой для него был назначен раскольнический монастырь в *Белой Кринице* (в австрийской Буковине). Его заставили торжественно отречься от “никоновских ересей,” после чего поставили епископом. Он митрополитствовал недолго. В 1848 г. австрийское правительство, по представлению русского правительства, выслало его из Белой Криницы и заточило в г. Цилль, где он умер в 1863 г., присоединясь перед смертью к православной Церкви. Но раскольничья иерархия была упрочена. Он успел рукоположить двух архиереев — Кирилла и Аркадия Лысого. Кирилл рукоположил потом Онуфрия и Софрония и сам был поставлен ими в митрополита на место Амвросия. Аркадий с Онуфрием рукоположили Алипия и Аркадия Шапошникова. Все эти архиереи получили себе в турецких и русских владениях епархии и ставили священников и диаконов. В России сначала были две епархии — *Симбирская и Владимирская или Московская*. На первую в 1849 г. был поставлен Софроний Жиров, на вторую в 1853 г. — Антоний Шутов. Потом, в течение приблизительно 12 лет, открыт был десяток русских епархий с многочисленными паствами. Учреждение австрийской иерархии как и следовало ожидать, повело к новому расколу среди самого старообрядчества. Поповщина разделилась на *приемлющих и не приемлющих* эту иерархию (Знаменский).

В поповщине постепенно стало одерживать верх *примирительное* течение. Образовалась партия, преимущественно из московской старообрядческой интеллигенции, которая, исходя из приема старообрядцами беглых попов, доказывала, что и в господствующей Церкви существуют остатки истинного Православия. Выразителем этого взгляда явился старообрядец *Иларион Егоров Ксенов*. Он составил наделавшее в 1862 г. много шуму “*Окружное послание*,” в котором доказывалась близость поповщины к господствующей Церкви. По этому поводу возникла горячая полемика. Большинство старообрядцев оказалось на стороне окружного послания. По некоторым подсчетам в конце XIX в. из 19, существовавших в России старообрядческих кафедр, только три были заняты его противниками.

Беспоповщина, по прежнему, занимала непримиримую позицию. Основное ее положение — полный разрыв с православными и прием присоединяющихся к ним не иначе, как перекрещивая таковых.

Главной формой примирения православной Церкви с старообрядцами оставалось единоверие, о коем упоминалось выше (стр. 714-715). Шириться оно начало в царствование имп. Николая I. Введено оно было в 1828 и 1836 гг. на Иргизе, в 1849 г. на Керженце, в 1847-48 в Стародубье. В 1851 г. единоверие имело 179 церквей. К сожалению, как отмечает П. Смирнов в “Прав. Бог. Энцикл.,” бывали неискренние присоединения. Так в последние дни 1854 Г., когда в Москве, при действии закона о торговле раскольников только на временном праве, наступил последний срок внесения капиталов на новый год, раскольники из купцов толпами приходили записываться в единоверие. Когда же обстоятельства изменились, то большая половина ушла опять в раскол. На Иргизе выяснилось, что только малая часть иргизских иноков приняла единоверие.

Единоверческими стали несколько монастырей. Вновь учреждены были монастыри мужской Воскресенский в оренбургской епархии (1849), женский на Всесвятском кладбище в Москве (1862). Покровский черниговский мон., “в виду важности его значения среди раскольников,” был возведен (1848) в число штатных обителей первого класса, с содержанием от казны. Особенно важно было для единоверия учреждение московского Никольского мужского мон.

Выделился единоверческий священник *Тимофей Верховский*, сын священника костромской епархии. Отца его поповцы одно время сманила в Стародубье. В 1822 г. Тимофей стал единоверческим священником и в 1828 г. получил приход в Петербурге, сделавшись известным гр. Протасову и, через него, государю, по желанию которого был назначен в Стародубье. Там, в посаде Добрянке, по повелению государя, строилась единоверческая церковь. Потом он был протоиереем Николаевской церкви в Петербурге. Сын его, *Иоанн*, учился в пермской семинарии и на него обратил внимание владыка Аркадий, будущий архиеп. олонецкий, знаток раскола. Был Иоанн потом священником в одной из единоверческих церквей в столице. Через некоторое время начал он критиковать “платоновское единоверие,” выдвигал на его место “соединенство святое и без упрека древне-православное,” которое имело бы иерархию, поставленную православными архиереями, но свою собственную церковную иерархию, возглавленную митрополитом или патриархом. Митр. Филарет в 1864 г. разъяснил московским единоверцам пагубность этого проекта. Свящ. Верховский после этого начал печатать свои статьи о нуждах единоверия в “Гражданине” и др. журналах. В 1885 г. он тайно оставил свой приход и ушел к раскольникам, но чинопочтению их себя не подвергнул. Он был исключен Св. Синодом из священного сана. Перед смертью он изъяснил раскаяние, вернулся в Россию и был погребен по чиноположению единоверческой церкви. (“Прав. Бог. Энцикл.”).

Единоверцы несколько раз обращались в Св. Синод, прося о пересмотре, исправлении и дополнении правил 1800 г., считая, что таковыми единоверие поставлено в слишком “тесные рамки.” — “Св. Синод, насколько это было согласно с достоинством церкви,” пишет П. Смирнов в “Прав. Бог. Энцикл.,” “отвечало правильным понятием о православии и единоверии и могло способствовать успехам последнего, всегда охотно внимал “нуждам” единоверцев.” Смирнов признает особенно важными в этом отношении Высочайше утвержденное определение Св. Синода 1881 г., “изъяснение” его 4 марта 1886 г. и указание 1888 г.

Освящение Николаевской единоверческой церкви на Преображенском кладбище состоялось 3 апр. 1854 г. Богослужение совершал *митр. Филарет*. Употреблен был антиминос, освященный при патр. Филарете, древние напрестольные сосуды. Святитель был облачен в древний саккос митр. Макария, осенял народ древним крестом с мощами — вклад царя Михаила Феодоровича. Сослужили митрополиту священники единоверческих церквей. На донесении митрополита имп. Николай I написал: “Слава Богу!” На Преображенском кладбище открыты были и другие церкви, а в 1866 г. все мужское отделение кладбища было обращено

в *единоверческий* монастырь. В 1854 г. единоверие проникло и на *Рогожское* кладбище, где во главе движения стоял значительный прихожанин В. Сапелкин.

23 июня 1865 г., по благословению митр. Филарета, преосвященным Леонидом (Краснопевковым), еп. Дмитровским, викарием московским, совершено было в Москве в Троицкой единоверческой церкви *присоединение к единоверию* членов раскольничьей *белокриницкой иерархии* — Онуфрия, еп. браиловского, наместника белокриницкой митрополии, Пафнутия, еп. коломенского, Иоасафа, иеромонаха Белокриницкого мон. и других. Событие это произвело сильное впечатление на поповцев. Вскоре присоединились еще два епископа и несколько других духовных лиц.

Наиболее же крупным событием был переход в единоверие видного беспоповца *инока Павла*, именуемого *Пруссим* по месту его деятельности. Родился он в 1821 г. в Сызрани; был последователем *федосеевства*. Внимательное изучение раскола мало-помалу убедило его в неистинности такового. Особенно останавливал его внимание вопрос о Церкви. Он понял ее значение и то, что истиной является только греко-российская Церковь. Такие мысли он стал распространять между старообрядцами еще ранее своего открытого присоединения к Церкви. В разных местах, куда наезжал, он вступал в беседы с известными начетчиками, которые не могли опровергнуть его доказательств. Более дальновидные старообрядцы предсказывали, что сей инок уйдет в “великороссийскую церковь.” Но все же впечатление от перехода его в 1868 г. в единоверие было в кругах беспоповцев огромно. “Если бы,” признавались они, “это во сне приснилось, и тогда напугало бы. Пускай бы кто любил роскошно жить, и сладкую пищу есть, и хорошо наряжаться, и случилось бы с ними такое событие, — это было бы не диво. Но разве отец Павел такой человек? Как же и отчего случилось с ним такое событие?” Для беспоповцев отрыв о. Павла был большим ударом, для истинной же Церкви его присоединение к единоверию явилось большим приобретением. “Павел был самоучка, знал великолепно древнерусскую и святоотеческую литературу, писал легко, просто и доказательно опровергал все пункты учения раскола. Он написал много сочинений, большая часть которых вышла несколькими изданиями, сделанными Св. Синодом” (“Полный Прав. Бог. Энцикл. Сл.”).

27 октября 1900 г. единоверие праздновало столетие своего существования. В торжестве принимали участие высшие иерархи православной Церкви. В Петербурге богослужение совершено было митр. Антонием в Николаевском единоверческом храме, в Москве — митр. Владимиром в Троицком единоверческом храме. От лица Синода в этот день было издано особое послание “чадам православной греко-российской католической и апостольской церкви, содержащим глаголемые старые обряды.”

21 июля 1649 г. состоялось обретение мощей княгини *Анны Кашинской*, супруги св. вел. кн. Михаила Тверского, замученного в Орде в 1319 г. 12 июня 1650 г. мощи святой были перенесены, в присутствии царя Алексея Михайловича, в кашинский Вознесенский собор. По почину патриарха Иоакима Соборы 1677 и 1678 гг. постановили “празднества ей не творить.” Главным основанием такого решения было то, что правая рука ее “в завитии погнулася, а длань и персты прямо, а не благословляющие.” В 1908 г. на Миссионерском съезде в Киеве, о котором упоминалось выше, обсуждался поднятый отсутствовавшим архиеп. тверским Алексием (Опоцким) вопрос о восстановлении церковного прославления вел. кн. Анны. Предложение это горячо поддержал архиеп. волынский Антоний. Съезд, придавая сему прославлению большое миссионерское значение, ибо оно отвратит от православных укоризны со стороны старообрядцев в том, что в Православной Церкви не прославляются святые, имеющие двуперстное сложение для крестного знамения, присоединился к означенному ходатайству, разделяемому собравшимися в Киеве архипастырями. В 1909 г. празднование св. Анны Кашинской было восстановлено. Торжество происходило летом в г. Кашине в право-

славном Успенском соборе по единоверческому чину. Литургия служилась по архиерейскому чиновнику XV и XVI веков. Велико было торжество 5 сент. в С. Петербурге при встрече в единоверческом Никольском храме на Николаевской ул. иконы св. Анны с частицей ее мощей, Богослужение совершал викарный епископ гдовский Кирилл (Смирнов), заведовавший единоверческими храмами петербургской епархии, позднее архиеп. тамбовский. Вскоре после этого единоверцы возбудили ходатайство о созыве в Москве их всероссийского съезда. Св. Синод разрешил созыв в Москве только местного съезда. Митр. Владимир по просьбе участников съезда, назначил председателем его епископа серпуховского Анастасия (Грибановского), особенно почитавшегося единоверцами. В 1912 г. Св. Синод, по докладу своего члена, архиеп. волынского Антония, разрешил созыв первого Всероссийского единоверческого съезда в С. Петербурге. Съезд продолжался с 22 по 29 января, под председательством архиеп. Антония. 31 янв. депутация съезда, во главе с архиеп. Антонием, представлялась Императору Николаю Александровичу. Владыка поднес Государю икону благоверной кн. Анны и произнес слово. Единоверческий священник Симеон Шлеев поднес Царю и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу подручники — коврики, которые единоверцы употребляют на молитве при земных поклонах (Использованы данные, помещенные епископом Никоном (Рклицким) в его книге “Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого” т. III. 1957).

Прославление святых, Новые праздники, Храмы, Иконопись.

В царствование имп. *Александра I* последовало 9 февр. 1805 года торжественное открытие мощей Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, преставившегося 27 ноября 1731 г. Празднование ему было установлено 26 ноября, т. к. 27 ноября празднуется память иконы Знамения Божией Матери. 7 июня 1840 г. Высочайше разрешено включить в число табельных дней для Иркутска 26 ноября; 24 октября 1902 г. Высочайше соизволено установление в Иркутске 9 февр. наряду с церковным и гражданского праздника. В царствование имп. *Николая I* 6 авг. 1832 г. торжественно открыты были мощи Святителя Митрофана, первого епископа Воронежского, преставившегося 23 ноября 1703 г. Память его празднуется 23 ноября и 7 августа (перенесено на этот день по случаю праздника Преображения Господня). Через сорок дней после прославления Святителя имп. Николай Павлович прибыл в Воронеж для поклонения мощам новоявленного Угодника Божия. В 1826 г., по Высочайшему повелению, открыты для поклонения мощи Мучч. литовских Антония, Иоанна и Евстафия, принявших мученический венец в 1347 г., прославленные свят. митр. Алексием в 1364 г., почивавшие в Св. Духовском виленском мон. и празднуемые 14 апреля. В 1851 г. митр. Иосифом Семашко освящена была церковь во имя свв. мучеников на месте пещеры, в которой пребывали их мощи. В царствование имп. *Александра II* состоялось 13 авг. 1861 г. открытие мощей, причтенного тогда к лику святых, Святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца, преставившегося 13 авг. 1783 г. В 1866 г. установлено было празднование памяти Свв. угодникам Волынским, которое совершалось 2 мая в воспоминание чудесного спасения имп. *Александра II* в Париже, когда в него стрелял поляк Березовский. После кончины царя празднование в 1881 г. было перенесено на 10 окт., — день возвращения Православию Почаевской Лавры в 1831 г. В 1875 г. Святитель митрополит Филипп был присоединен к Святителям Петру, Алексию и Ионе, праздновавшимся в Москве 5 октября. Вместе с тем было предписано в этот день праздновать память четырех Святителей не только в Москве, но и повсюду.

В царствование *имп. Николая II* состоялись прославления: в 1896 г. — 9 сент. Святителя Феодосия Аглицкого, архиепископа Черниговского (†1696); в 1897 г. — 8 янв. Свмуч. Исидора, пресвитера Юрьевского и иже с ним 8 янв. 1472 г. латинянами в реке Омовже утопленных; в 1903 г. — 19 июля Преп. Серафима Саровского (†1833 г.); в 1911 г. — 4 сент. Святителя Иоасафа, епископа Белгородского (†1754 г.); в 1913 г. — 12 мая Святителя Ермогена, патриарха Московского и всея России (†1612 г.); в 1914 г. — 28 июля Святителя Питирима, епископа Тамбовского (†1698 г.); в 1916 г. — 10 июня Святителя Иоанна, митрополита Тобольского (†1715 г.). В 1909 г. — состоялось торжественное перенесение из Киево-Печерской Лавры в Полоцк мощей Преп. Евфросинии, княжны Полоцкой (†1173 г.) и 12 июня восстановление празднования Св. княгини Анны Кашинской (†1337 г.). В начале XX в., при епископе волынском Антонии, было установлено празднование Преп. Иова и 6 мая.

Имп. Николай, способствовавший прославлению Пр. Серафима и Святителя Иоанна Тобольского, присутствовал с Царской Семей в Сарове на торжестве прославления Угодника Божия. Вскоре после открытия мощей Свят. Иоасафа Белгородского Царь прибыл поклониться его св. мощам. В 1911 г. Государь посетил Чернигов для поклонения мощам Свят. Феодосия.

После Отечественной войны 1812 г. было установлено совершать 25 декабря, после литургии, благодарственное моление в воспоминание избавления Церкви и Державы Российские от нашествия Галлов и с ними двадцати языки.

В XIX веке столицы украсились величественными храмами. В день памяти пр. Исаакия Далматского игумена, преставившегося в 383 г. родился 30 мая 1672 г. основатель новой столицы, имп. Петр I Великий. Впервые Исаакиевский собор был заложен в 1768 г. и постройка его начата была по плану архитектора итальянца Ринальди. Работы прервались с кончиной в 1796 г. имп. Екатерины II Великой. Перемены в планы вносились императорами Павлом I и Александром I. Последним в 1817 г. утвержден был план перестройки храма, составленный французом *Монферамом*, измененный потом имп. Николаем I. Собор был окончен в 1858 г. в царствование имп. Александра II. Собор представлял собою форму креста; высота, со крестом 42 сажени. Снаружи и внутри храм облицован дорогими сортами финляндского и итальянского мрамора. Фронтоны на 4 портиках поддерживают 48 монолитных гранитных колонн, высотой в 56 футов и весом до 7000 пудов. В соборе два придела — св. вел. кн. Александра Невского и великом. Екатерины.

Как отмечалось выше (стр. 719), имп. Павел в ноябре 1800 г. задумал сооружение в С. Петербурге Казанского собора, главное руководство чем возможно было на гр. А. С. Строганова. Последний поручил эту крупную и ответственную работу своему любимцу, выдвинутому им А. Н. Воронихину (1760-1814), на которого, его крепостного в одном из пермских имений он обратил внимание еще в юные годы; 17-летним он был отправлен им в Москву обучаться живописи. Там им заинтересовались светила тогдашней архитектуры Баженов и Казаков. Воронихин расширил свои знания в Петербурге. Строганов послал его потом со своим сыном “в полуденные страны” России и в “чужие края.” Оттуда вернулся он образованным и знающим архитектором, был впоследствии профессором архитектуры в Академии Художеств.

27 авг. 1801 г. имп. Александром I был положен первый камень при закладке храма; 15 сент. 1811 г., в присутствии государя, состоялось освящение величественного собора. “Это сооружение,” пишет Игорь Грабарь, “грандиозное по замыслу и великолепное по исполнению, является одним из самых замечательных и самых оригинальных в Европе. Принято считать, что Казанский собор есть ничто иное, как неудачный сколок с собора св. Петра в Риме. Это мнение существует издавна ... Конечно Казанский собор не есть копия со св. Петра. Не говоря уже о том, что стиль другой, план самого собора, как и колоннады совершенно иной.

Колоннада Бернини представляет из себя случайное дополнение к собору, с фасадом иного совершенно характера. Здесь же колоннада и собор составляют одно неразрывное целое, органически связанное: — это одно тело... В настоящее время собор имеет 56 гранитных колонн с бронзовыми капителями внутри и 144 из пудожского камня снаружи, и те и другие коринфского ордера: внутри гладкие, снаружи — с капелюрами... Внутри собор представляет собою два перекрещивающихся корабля, образуемых двумя рядами парных колонн, перекрытых коробковыми сводами, которые пышно украшены богатыми кессонами. Простота и серьезность композиции, строгая выисканность пропорций придают храму торжественный вид. В общем композиция собора — строгая, но не сухая классика Екатерининских времен. Оставаясь серьезным и торжественным, Воронихин умеет внести какое то нежное очарование, какую то поэзию и теплоту. Его собор не только поражает, но и привлекает, соединяя силу с нежностью.” (История Русского искусства. История Архитектуры. т. III). Иконостас сделан в 1834 г. К. Тоном. Он весь был покрыт серебром и представляет “усердное приношение Донского войска.” Донские казаки отбили 40 пудов серебра у французов, заключавшегося большею частью в церковной утвари, награбленной неприятелем из русских храмов. Серебро это было препровождено кн. М. И. Голенищевым-Кутузовым владыке Амвросию, митр. новгородскому и с. петербургскому, при письме от 23 дек. 1812 г. для Казанского собора. Из прежней церкви в главном иконостасе стояли два образа: чудотворный Казанской Божией Матери и Спасителя.

К тому времени относятся сооружение А. Д. Захаровым (1761-1811), талантливым творцом С. Петербургского адмиралтейства, Андреевского собора в Кронштадте (1806-11, освящен в 1817 г.), А. Н. Мельниковым единовременной Никольской церкви на Николаевской ул. в С. Петербурге (1820-27). и В. В. Стасовым (1769-1848) в С. Петербурге Преображенского собора (1826-28) и Троицкого собора в Измайловском полку (1827-38).

Имп. Александр I, при вторжении полчищ Наполеона в Россию, дал обет воздвигнуть в Москве храм во имя *Христа Спасителя*. Указ о сооружении храма последовал в Вильно 25 дек. 1812 г., когда государем было получено донесение об оставлении Русских пределов последними частями разбитой французской армии. Принося благодарение Господу за спасение отчизны, царь желал и увековечить в памяти потомства эту достопамятную тяжелую войну. Из всех конкурсных проектов государем утвержден был план архитектора-художника масона А. Л. Витберга, полный мистических символов. Но выяснилось, что песчаный грунт Воробьевых гор, где предполагалось построение храма, не выдержит давления громадной постройки. Возведение ее приостановилось. Имп. Николаю I, конечно, идейно чужд был план Витберга. Он велел представить ему план более исполнимый. Храм, по образцу византийских храмов, отличаясь величиной, правильностью, легкостью и красотой своих частей, был бы лучшим памятником Отечественной войны. 10 апр. 1832 г. им был утвержден проект архитектора К. А. Тона. Император выбрал и место на берегу р. Москвы, где находился Алексеевский женский монастырь, перенесенный в Красное село, близ Сокольничьей рощи. 10 сент. 1839 г., в присутствии государя, совершена была закладка храма. Через 20 лет храм был готов во вне. В 1860 г. началась работа по росписи и украшению внутренности храма. 26 мая 1883 г., в присутствии имп. Александра III, совершено было освящение храма.

Основание его представляет равноконечный крест, в углах которого находятся четыре выступа (порталы). Высота до оконечности креста — 48½ сажень. Вместе с крыльцами храм занимал пространство в 1500 кв. саж., внутренность его 876% саж. Вмещал он 10000 молящихся. Внутренность храма делилась на три части: коридор, хоры и собственно храм. Коридор, шириной в 6 арш., предназначен был, по образцу древнерусских храмов, для крестных ходов. Вместе с тем, он служил самым наглядным памятником событий *Отечественной войны*. Там на мраморных досках помещены Высочайшие манифесты, связанные с войной, и

описаны события войны. При этом над описанием сражений находилась икона святого того дня. Верхнюю часть коридора составляли хоры с двумя приделами во имя св. Николая и св. вел. кн. Александра Невского. Главный иконостас храма представлял собою восьмигранную часовню, сделанную из белого мрамора, с орнаментами и инкрустацией из различных пород мрамора, увенчанную бронзовым вызолоченным шатром, кверху суживающимся, и состоящую из четырех ярусов, предназначенных для помещения икон. При исполнении иконописи в храме, имп. Николай выразил желание, чтобы она напоминала о всех милостях Господних, ниспосланных, по молитвам праведников, на Русское царство в течение девяти веков. Храм увенчан 5 главами, из которых средняя была значительно более прочих. Этот замечательный собор был разрушен большевиками. Материал его они обратили для устройства городской подземной дороги в Москве.

В Киеве восстановлена была древняя Десятинная церковь во имя Рождества Божией Матери, разрушенная татарами в 1240 году. Остался один юго-западный угол, к которому в 1635 г. митр. Петр Могила пристроил стены и поставил в храм древний образ Свят. Николая, отчего церковь с тех пор и получила в народе именование Десятинного Николая. Через сто лет храм, пришедший в ветхость, был возобновлен старицей Флоровского мон. Нектарией, в миру кн. Наталией Борисовной Долгорукой, ранее упоминавшейся (стр. 635). Затем и сия церковь обратилась в развалины. При митр. Евгении на этом месте производились раскопки, которыми особенно занялся археолог-любитель, отставной гвардии поручик Александр Анненков. Он обязался на сем месте выстроить храм во имя св. кн. Владимира и свят. Николая. Через 14 лет митр. Филарет 19 июля 1842 г. освятил новый храм. Из древностей прежнего храма в нем сохранилась икона свят. Николая, привезенная, по преданию, Крестителем Руси из Корсунки и икона Божией Матери, спасенная из церкви при разграблении ее татарами.

В 1896 г. в Киеве освящен был, долго строившийся, *Владимирский собор*, богатый произведениями современных художников, но далекий от древней русской иконописи. В 1891 г. освящен был собор Владимирский в *Херсонесе* на месте крещения Равноапостольного князя. Также сооружены были соборы: в 1877 г. в *Варшаве*, позднее там же — Александро-Невский, разрушенный поляками, в *Вятке* — постройки Витберга, в *Орле* (1794-1841), в *Риге* (1877-1891), *Самаре*, *Томске* и многие др. Восстановлен был собор в *Вильне*.

Значительные *вспоможения* на дело восстановления и строения церквей были отпускаемы правительством и Синодом после нашествия французов в 1812 г. Затем по воссоединении унии правительство щедро помогало храмам Западного края, пришедшим в самое жалкое состояние. Крупные суммы отпускались правительством особенно в 1860-х гг. на восстановление в Западном крае церквей и на построение новых. Благодаря патриотическому одушевлению русского общества, в связи с польским восстанием, возмутившим всю Россию, храмы эти в изобилии снабжались денежными и вещевыми пожертвованиями. Такое же усиленное движение в отношении создания храмов возникло в 1840-х гг. в *Остзейском крае*. Усилилось оно еще больше в царствования императоров *Александра III* и *Николая II*. Вместе с разными обществами и частными лицами, трогательное и назидательное участие в этом христианском подвиге принимали Государи и члены Царствующего Дома. В 1859 г. в Петербурге организовалось особое “Общество вспоможения беднейшим церквам и монастырям” под покровительством *императрицы Марии Александровны*, супруги имп. Александра II.

С 1864 г. важное участие в устройении благосостояния церквей получили возникавшие в разных местах церковно-приходские попечительства, которые, вместе с многочисленными церковными братствами, везде способствовали подъему и оживлению приходской жизни во всех ее проявлениях. Храмы, иконы, часовни сооружались в память проявления милости Божией к отечеству. Такими событиями были освобождение крестьян в 1861 г., спасения от покушений на жизнь имп. Александра II, чудесное спасение имп. Александра III и его Семьи во

время страшного крушения царского поезда 17 окт. 1888 г. около ст. Борки Харьковской губ. В самих Борках был в 90-х годах сооружен храм во имя Христа Спасителя преславного Преображения; у места же крушения Спасов Святогорский скит. 31 июля 1911 г. освящен был в Петербурге “Храм Спаса на крови,” созданный в память моряков, погибших в войну с Японией в 1904-05 годах. Первым настоятелем его был о. Михаил Прудников, ранее капитан 1 ранга.

Все более созидались домовые церкви в учебных заведениях, благотворительных учреждениях, тюрьмах.

В царствование имп. Николая I для постройки церквей в С. Петербурге был выработан, особо ценным государем, академиком архитектором К. А. Тоном (1794-1881), однообразный стиль, получивший название “тоновского.” Образцами такового могли служить церкви Благовещенская Л. Гв. Конного и Введенская Л. Гв. Семеновского полков, уничтоженные коммунистической властью.

Автор отзыва о Тоне в “Энцикл. Словаре” Брокгауза и Ефрона, указывая на недостатки его произведений, пишет: “При всем том, Тону принадлежит та заслуга, что он первый отвернулся от слепого подражания западно-европ. образцам и указал русским архитекторам на богатый источник вдохновения, кроющийся в памятниках их родной страны.”

В последние десятилетия XIX в. возродились храмы “шатрового” вида. Таковыми были в С. Петербурге храм Воскресения на крови, сооруженный на месте, где 1 марта 1881 г. имп. Александр II был смертельно ранен бомбой, брошенной злодеем, и Троицкий храм “Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви” (Свящ. Н. Р. Антонов. “Храм Божий и церковные службы.” СПб. 1912).

Архиепископ Антоний (Храповицкий) придавал большое значение церковному зодчеству. Он писал, что в нем начали возвращаться к церковному стилю со времени царствования имп. Александра III. “Посмотрите на Петербургские храмы, выстроенные за последние тридцать лет: вы найдете здесь и стиль эпохи Алексея Михайловича — поднятую центральную часть церкви с пятью главками, и стиль, особенно излюбленный в XVI и начале XVII в. — пять толстых куполов на прямоугольном ящике с тремя апсидами и подражание гениальному храму Василия Блаженного и стиль Нарышкинский; таковы церкви: 1) Покрова на Боровой, Скорбящей на Стеклянном заводе, Троицы на Стремянной, 2) Ново-Афонское подворье, 3) Воскресение на крови и отчасти Андреевское подворье на Песках, 4) новая церковь на Смоленском кладбище. У нас на Волыни в г. Овруче восстановлен из развалин, но еще не отделан, храм XII в. св. Василия Великого, в точном подобии своей первоначальной постройки; затем строится в Почаевской Лавре теплый Троицкий (начала XV в.), но вчетверо обширнее своего оригинала” (Полн. Собр. сочинений. т. III). Последний храм — подражание Троицкому собору Троицко-Сергиевой лавры.

Храм во имя Свят. Василия Великого был освящен архиеп. Антонием 3 сент. 1911 г. в присутствии имп. Николая II, прибывшего в Овруч из Киева. Троицкий собор в Почаевской лавре был освящен архиеп. Антонием 9 янв. 1912 г. в присутствии представителя Государя, киевского, подольского и волынского ген. губернатора ген.-ад. Ф. Ф. Трепова. Сооружен он по проекту академика Щусьева.

Архиеп. Антоний, в слове своем к имп. Николаю II перед освящением собора в Овруче, проникновенно говоря о древнем русском искусстве, подчеркнул следующее: “К сожалению, только в последние годы русской жизни лучшие представители искусства обратились к воспроизведению в нем благоговейно умиленных приемов древнерусского зодчества и живописи. И это новое дело своим распространением обязано Твоему, Государь, державному участию, точнее — Твоему благословенному начинанию...”

Наиболее яркое выявление сего начинания представляет Федоровский Государев Собор в Царском Селе, воздвигнутый волею Царя. Сначала сооружен был в 1909 г. временный храм во имя пр. Серафима Саровского для Собственных Его Величества конвоя и Сводного пехотного полка, образованного в 1881 г. Для украшения внутренности церкви иконами и утварью велено было обратиться к образцам русского благолепия XVII в. Исполнителем сего задания был архитектор В. А. Покровский. Весьма многим храм обязан своим внутренним устройством знатоку и любителю русской старины, члену Государственного Совета, князю Алексею Александровичу Ширинскому-Шихматову, быв. обер-прокурору Свят. Синода.

Одновременно с временной церковью шло сооружение и постоянного храма во имя Федоровской иконы Божией Матери, перед которой в Костроме юный Михаил Романов изъявил 14 марта 1613 г. согласие на царствование. Для постройки собора было выбрано государем место на поляне, прилегающей к парку, вблизи Александровского дворца. Строитель собора В. А. Покровский (первоначальные чертежи делал проф. А. Н. Померанцев) взял за ближайший образец его московский Благовещенский собор, сооруженный в конце XV в., позднее бывший домовою церковью первых царей из Дома Романовых. Их Императорские Величества, предоставив крупные средства на построение храма, с исключительным интересом следили все время за производившимися работами. Собор был освящен 20 авг. 1912 г. Он имел придел во имя свят. Алексия митрополита московского и нижний храм во имя преп. Серафима. Последний создан из перенесенной временной церкви. Сей храм освящен был 27 ноября 1912 г. Над устройством, и оборудованьем нижнего — *пещерного* — храма особенно потрудился помощник строителя собора, архитектор В. Н. Максимов, работавший под ближайшим руководством кн. А. А. Ширинскаго-Шихматова. В верхнем храме иконы и утварь были новые, изготовленные по древним подлинникам, пещерный же храм заключал в себе собрание подлинных святых предметов старины.

Приводим следующие строки из высокохудожественной книги “Федоровский Государев Собор,” напечатанной “с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича:” “В пещерном храме всюду напоминание о Преподобном. Здесь ковчег с частицами его мощей, переданных архиепископом Серафимом, который, освящая пещерный храм, принес ему в жертву это драгоценное свое сокровище (Владыка Серафим (Чичагов), архиеп. кишиневский, потом тверской, род. в 1856 г., окончивший пажеский корпус, служивший в гвардейской артиллерии, участник войны 1877-78 гг., с 1893 г. священствовал, в 1898 г. принял монашество; в сане архимандрита, благочинного монастырей владимирской епархии, участвовал в работах к торжеству прославления пр. Серафима, составил летопись Серафимо-Дивеевскаго монастыря). На престоле храма дарохранильница, изображающая сень над ракою с мощами Серафима — это жертва Саровской обители. С левой стороны от входа сияет дивный лик Угодника Божия — работа и приношение иконописца Гурьянова; справа икона Божией Матери “Умиление,” снимок с чудотворной иконы, которая находилась в келии у Преподобного; рядом икона “Знамения” Божией Матери Понетаевской — святыня Серафимо-Понетаевского женскаго монастыря, также живущего духовною благодатью Саровскаго старца. Моленная ее Величества тоже живо напоминает Преподобного. Здесь в углублении северной стены образ Серафима во время молитвы на камне и икона “Знамения” Божией Матери Понетаевской, пред которою он почил; частицы дерева от келии Преподобного, сосуд с водою из его колодца, масло от лампы, изображение Святого, кормящего медведя, сделанное на доске от келии Святого, и другие изображения из жития Саровскаго старца. И в общем убранстве пещерного храма есть черта, близко связывающая его с обликом Святого, памяти котораго посвящен его престол. Преподобный Серафим, будучи многоценным сосудом Божией благодати и сияя великими добродетелями, хранил образ глубокаго смирения; и в сем храме редчайшие иконы и драгоценные ткани соединены в общую картину простоты и скромности. Только знающий человек может видеть

ценность собранного, а во внешности его нет ничего, что бросалось бы в глаза, пора жало бы взор. Храм этот не подавляет величием, не ослепляет блеском, он умиляет и располагает к тихой молитве...”

Усердием кн. А. А. Ширинского-Шихматова, состоявшего товарищем председателя Императорского Палестинского Общества, воздвигнут был, незадолго до революции, в древнем русском стиле Николо-Александровский храм общества в Петрограде (на Песках) и строилась в том же стиле Николаевская церковь в Бари (Италия), со странноприимным домом. По Высочайшему повелению на кн. Ширинского-Шихматова было возложено руководство ремонтом и реставрационными работами в московском Успенском соборе.

В XIX и XX вв. в европейских государствах сооружены были следующие русские храмы: в Веймаре (1804), Риме (с 1823), Потсдаме (1829), Афинах (1855), Висбадене (1855), Ницце (1859), Париже (1861), Карлсруэ (1865), Женеве (1866), По (1867), Праге (1874), Дрездене (1874), Брюсселе (1876), Веве (1878), на шипкинских высотах в Болгарии (1879), Баден-Бадене (1882), Копенгагене (1883), Франценсбадене (1889), Тегеле-Берлине (1892), Ментоне (1892), Биаррице (1892), Каннах (1894), Штуттгарте (1895), Карлсбаде (1897), Меране (1897), Вене (1899), Гомбурге (1899), Дармштадте (1899), Софии (в нач. XX в.), Гамбурге (1901), Киссингене (1901), Герберсдорфе в Силезии (1901), Флоренции (1902-03), Мариенбаде (1902), Бад Наугейме (1905), Бухаресте (1909), Ницце, во имя свят. Николая и св. муч. Александры (1912), Лейпциге во имя святителя Алексия в память русских воинов, погибших в 1813 г. в Лейпцигской битве народов (1913).

Согласно всеподданнейшему отчету обер-прокурора Свят. Синода, к 1908 г. в России имелось: церковей 51413, в том числе 735 соборных, 1765 монастырских, 38588 приходских и ружных, 2173 домовых и при учебных заведениях, 415 единоверческих, 5280 приписных и упраздненных и 2457 кладбищенских.

Кустарный иконописный промысел издавна существовал в Владимиро-Суздальской области, достигши особого развития в XVI-XVII вв. В течение XVIII в. иконописное ремесло сокращается и сосредоточивается в трех больших селах Вязниковского у. Владимирской губ.: *Палехе, Мстере и Холуе*. С начала XIX в. иконописание там оживает. Интересно, что им заинтересовался Гете, в связи с чем произведены были обследования Н. М. Карамзиным и владимирским губернатором Супоневым. К нему в Веймар посланы были две иконы палехских писемён работы выдающихся палехских мастеров — братьев Андрея и Ивана Каурцевых и две холуйских мастеров без обозначения имен.

В Холуе к началу XIX в. иконописцев было до семисот человек; в 1899 г. из 3500 жителей села иконописным промыслом занято было 452 чел. Сильно развито было там разделение труда: одни мастера — “грунтовщики” — только подготавливали доски, другие — “личники” — писали только лики святых, третьи прорисовывали одеяние; отдельные мастера или мастерицы “убирали” иконы украшениями из фольги и т. д. Благодаря дешевизне и посредству офень миллионы дешевых икон расходились по всей России. Высший уровень холуйского мастерства равнялся примерно среднему уровню мастерства в соседнем Палехе. Свойством холуйской манеры письма было усиление многоцветности несколько примитивного и лубочного характера, а также реалистических тенденций.

В Мстере к концу XIX в. занято было иконописанием 1300 чел. Там иконописный стиль создавался вкусами и потребностями старообрядцев. Последние были и иконописцами-старинщиками, хорошо подновлявшими старые иконы и писавшими новые под старый стиль. Иконы отличались живописностью тонко чувствовался колорит. Стиль Мстеры отличается также плоскостностью и ее производными — узорочностью и ковровостью.

В Палехе из 1431 жит. писанием икон в 1894 г. занимались 250 мужчин и 120 подростков. Ежегодно в то время делалось до 10000 икон, ценою от одного рубля до 100 и дороже. Палехский стиль отличался сдержанностью и объединенностью колорита общим тоном, характерною удлинённостью фигур, сложной обработкой плавями лиц, особой “разделкой колерами” одежд, наконец, сложностью композиции. В конце XVIII в. особенно хороши были иконы “акафистов” Спасителю, Божией Матери, свят. Николаю. Написанная в 1813 г. икона “Суббота всех святых” выявляет новый стиль. Икона очень сложная, без центральной фигуры, объединяющей все впечатление, главная композиция организована строго симметрически. Усилилась связь со строгановским ювелирным письмом. Колорит еще светлее и нежнее. Икона подписана палехским мастером Василием Ивановичем Хохловым. В начале XIX в. в Палехе знаменита была хохловская мастерская. Вообще же до половины XIX в. подписанные иконы очень редки. Палех замечателен фресками своего главного Крестовоздвиженского храма, выполненными в 1807 г. А. В. Бакушинский (А. Бакушинский. “Искусство Палеха.” Москва. 1934. Широко использованы его данные) пишет: “Эти фрески — явление замечательное. Они — последняя великая светопись завершающая цикл развития древнерусской религиозной живописной традиции... Фрески Палеха — яркий и единственный по своей цельности и высокому качеству образец живописного фундаментального стиля, в котором сохранилась полная преемственность его от формы древнерусской традиции и вместе с тем появилась органическая связь с формами нового русского искусства конца XVIII и начала XIX века — формами классически ампирическими.” Стенопись возобновлена была с 1902 по 1907 г. стараниями местного иконописца Николая Мих. Софонова. Работали лучшие мастера по стенописи во главе с И. М. Бакановым. Во второй половине XIX в. иконописное дело всего владимирского района, по отзыву Бакушинского, переживало стилистическое вырождение, утрачивал свою своеобразность. Тамошние иконописцы все более принимали манеру иконописной петербургской мастерской М. С. Пешехонова, на которую многие из них работали. Там же мастерство превращалось в ремесло. С 80-х годов большое значение начало приобретать предприятие Софоновых — палеховцев, но имевших лавку в Петербурге. Софоновские мастера реставрировали фрески в новгородском Софиевском соборе (1898-99 гг.), в владимирском Успенском соборе, в костромском Ипатьевском мон. (1911-12 гг.).

Знаменский пишет: “В 1858 г. в Академии художеств положено было учредить для образования иконописцев особый класс. Около того же времени у нас начал выработываться особый стиль иконописи по византийским и древнерусским образцам с приемами живописи и отличающийся большею правильностью рисунка и колорита.”

Император Николай II ценил иконы древнего письма. Государь и имп. Александра Феодоровна дарили друг другу древние иконы, приобретение которых обычно поручали большому знатоку церковного искусства кн. А. А. Ширинскому-Шихматову. Последний, состоя с 1894 по 1903 г. прокурором московской синодальной конторы, собирал по всей России старые иконы древнего письма и лично их сортировал. Все, имевшее научную и художественную ценность и хорошо сохранившееся, он отдавал в патриаршую ризницу, в библиотеки патриаршую и синодального училища, или же размещал в витринах вдоль стен Мироваренной Палаты. Все обветшавшее отдавалось в починку, реставрировалось и посылалось бедным церквам.

В 1901 г. был Высочайше учрежден Комитет попечительства о русской иконописи, под председательством гр. С. Д. Шереметева. Целью его было изыскание мер к обеспечению развития русской иконописи; сохранение в ней плодотворного влияния художественных образцов русской старины и византийской древности; содействие иконописи в достижении ею художественного совершенства. Комитету предоставлялось право открывать иконописные школы, содействовать устройству при школах и вне их артелей иконописцев; издавать руко-

водства для иконописцев; открывать иконные лавки, организовывать выставки, устраивать музеи и т. д. (“Прав. Бог. Энц.”).

В 1905 г. Комитетом издан был первый том “Лицевого Иконописного Подлинника,” содержащего в себе иконографию Спасителя; в 1909 г. преступлено было к изданию второго тома, долженствовавшего состоять из снимков наиболее чтимых чудотворных и древних икон Богоматери, в пределах России, а равно и на православном Востоке. Работа эта была поручена известному русскому археологу Н. П. Кондакову, академику, доктору теории и истории искусств. Комитетом изданы были и два тома “Иконописного Сборника.” По ходатайству Комитета Св. Синод образовал в 1908 г., под председательством епископа орловского Серафима (Чичагова), комиссию по изысканию мер для улучшения иконописания. В ведении Комитета состояли учебные иконописные мастерские в Мстере, Холуе, Палехе и в слободе Борисовке, Курской губ. Комитет с 1903 г. начал борьбу с машинным производством икон, все более расширявшимся. В большом количестве печатались иконы литографией Фесенко в Одессе. В Москве фирма Жако и Бонакер стала изготовлять печатные иконы на жести и бумаге. Тяжело отразилось печатное дело на иконописцах Владимирской губ. Н. П. Кондаков представил Комитету докладную записку, характеризую растущее засилье машины в производстве икон. В 1909 г. о том же писал гр. С. Д. Шереметеву художник В. М. Васнецов. Выступления Комитета, встретив возражения со стороны министерства финансов и в 1905 г. обер-прокурора Свят. Синода кн. А. Д. Оболенского, успеха не имели.

В 1913 г. в Москве на Варварке в т. н. Деловом Дворе устроена была выставка древних икон, приуроченная к 300-летию Дома Романовых. Один из крупнейших знатоков иконописи, П. П. Муратов, писал: “Казалось, этот интерес достиг своего “апогея” весной 1914 года. Ведь не было никаких сомнений, что при религиозности Государя и Государыни и при большом их внимании к русской старине, особенно пробужден, ном юбилейным 1913-м годом, древняя русская религиозная живопись заинтересует их и найдет в них своих покровителей. Отчасти это и случилось, и для украшения Феодоровского собора в Царском Селе уже было приобретено несколько превосходных древних икон, которые могли бы составить гордость и московского собирателя” (“Возрождение,” 9 фев. 1933 г.).

С. С. Ольденбург пишет: “Организованная в 1913 г. в Москве Романовская церковно-археологическая выставка, устроенная в Чудовом монастыре, и выставка древнерусского искусства Императорского Археологического Института дали возможность широким русским кругам познакомиться с русским искусством XI-XVII веков, которое так ценил Государь. Художественное значение русской иконописи впервые получило должную оценку. “Эти выставки (отмечал кадетский “Ежегодник Речи”) — самое крупное событие в русской художественной жизни за последние годы” (“Царствование Императора Николая II,” т. II. Мюнхен 1949 г.).

Церковное пение.

В первые десятилетия XIX в. выдающееся значение приобрел уроженец г. Глухова, *Дмитрий Степанович Бортнянский* (1752-1825), о котором, до назначения его в 1796 г. директором Придворной Певческой Капеллы, упоминалось в пятой части (стр. 719; “С XV в. при дворах царей были церковные хоры, называвшиеся “государевыми певчими” или дьяками. В XVIII в. придворный хор стал именоваться Капеллой... Цвет одеяния дьяков — вишневый с золотом — сохранился и по настоящее время.” “Энц. Сл.” 1895). Занимая эту должность, он главное внимание обратил на ту распущенность, которая установилась в церквах. Нередко исполнялись в них произведения невеже-

ственных композиторов, носившие названия, напр., херувимских, в самом же деле рядом с мелодиями умилительного распева, выводившими разные веселые напевы. В церковное пение вводились арии из итальянских опер. И хорошие произведения писались неудобно для голосов. Все это побудило Синод, по представлению Бортнянского, постановить: 1) петь в церквях партесное пение только по печатным нотам; 2) печатать партесные сочинения Бортнянского (“В последнее время уточнен термин “партесные сочинения.” Партесными называются теперь не все хоровые произведения, а только те, которые написаны типичной польско-малороссийской техникой XVII — начала XVIII вв. (канты и псалмы). Крупнейшие представители: Николай Дилецкий и его ученик, московский диакон Иоанникий Коренев, как теоретики, дьяк Василий Титов, как композитор. Все — второй половины XVII в. Партес, как композиторская техника, задушил демество, а с ним и самостоятельное национальное развитие русского многогласия. Этим партес начинает эпоху подражания, ученичества Западу, продолжавшуюся до начала XX столетия, и отчасти до сего дня, несмотря на то, что к исходу XVIII в. партес был заменен итальянской композиционной техникой, а с 1837 г. — немецкой.” И. А. Гарднер), а также других известных сочинителей, но только с одобрения Бортнянского. Последний обратил внимание на мелодию. По его просьбе были напечатаны распевы, написанные крюками (“В 1772 г. были отпечатаны Синодом распевы в квадратной ноте. Первые печатные распевы в крюках были изданы в 1884 г. Императорским Обществом любителей древней письменности, под редакцией прот. Д. Разумовского.” (И. А. Гарднер). Он сделал попытку разработать древние напевы церковного песнопения, но труды его не достигли полного успеха. Под влиянием духа времени, Бортнянский, желая придать старинным русским мелодиям вполне определенную ритмическую стройность, иногда видоизменял эти мелодии, удаляясь от истинного духа. Из старинной церковной мелодии, служившей ему как бы канвою, он создавал нередко почти новую мелодию. Чувствовалось влияние на него итальянской школы. Но, конечно, Бортнянский сделал много для церковного пения.

Велико значение протоиерея *Петра Ивановича Турчанинова* (1779-1856), одного из самых видных духовных композиторов. Дворянин Киевской губ., он был полковым певчим, потом учился у Сарти и Веделя, руководил хорами в Киеве и в Севске. В 1803 г. он принял сан священника, а в 1809 г. был вызван в Петербург и назначен регентом митрополичьего хора. Позже он был учителем пения в школе Придворной Певческой Капеллы; участвовал в разных комиссиях по разработке и изданию духовных музыкальных сочинений. Панихидное пение, употребляемое повсеместно, написано почти все о. Турчаниновым. Духовно-музыкальные сочинения его строгого чистого стиля, певучие и задушевные, сделались достоянием всего православного мира и считаются образцами духовной музыки. Все сделанные им переложения, при сохранении основной мелодии, в гармоническом отношении отличаются величественностью и простотой. Самые выдающиеся переложения прот. Турчанинова — “Тебе одеющегося,” “ Да молчит всякая плоть,” ирмосы великого четверга и великой субботы.

Известный знаток русской духовной музыки, *Иван Алексеевич Гарднер*, ныне профессор мюнхенского университета по курсу русского литургического пения, пишет в брюссельском журнале “Русские Перезвоны” (июль 1962 г.): “В начале XIX-го века мы имеем совершенно иную картину русского церковного пения, чем то было в XVII веке. Столповое пение осталось только у дьячков (не считая старообрядцев, свято хранивших древнее пение во всей его полноте), да в Московском Успенском Соборе, где в уставе еще остались следы соборно кафедрального (“Великой Церкви”) богослужения. Партесное пение польского образца продолжало еще жить, но стремительно уступало место итальянскому стилю. Все же, песнопения кантового склада оставались прочно на клиросе, особенно в монастырях. Демественное и путное пение окончательно забылись и наряду с знаменным распевом (в квадратном изложении) получил право гражданства киевский и греческий распев, понемногу вытесняя знаменный распев, как более удобные для пения в два (параллельными терциями), или в три и даже четыре голоса. Место, принадлежавшее прежде демественному пению, заняли эффектные

произведения в итальянском стиле, в которых подчас невозможно провести границу между церковным и светским.

“Крупнейший духовный композитор той эпохи, Д. С. Бортнянский, ученик Галуппи, своим творчеством с одной стороны принадлежит к итальянцам, с другой же стороны дал новое направление русскому церковному и именно хоровому пению. Это новое направление сказывается в некоторых его великопостных песнопениях, тесно примыкающих к кантовому стилю, и в большей согласованности музыки с текстом, чем это наблюдается у его предшественников, не говоря об итальянцах. Бортнянский сознавал величайшую ценность русских древних распевов и их значение для развития национальной духовной музыки, а также понимал, что точно передают характер этих напевов только свойственные им безлинейные нотации. Поэтому он подал проект о необходимости напечатания наших распевов — знаменного и, вероятно, путного и демества, в подлинной безлинейной нотации, что, по его словам, должно послужить “развитию контрапункта отечественного.” К сожалению, линейная нотация и “партесное” (теперь стали его больше называть “нотное”) пение слишком укоренилось в практике церковных певцов и проект этот не был осуществлен.

“В качестве Директора Придворной Певческой Капеллы, Бортнянский получил право цензурировать духовно-музыкальные произведения, предназначенные для исполнения за богослужением. Ни одно новое произведение не должно было исполняться без предварительного одобрения Бортнянского. Однако, указ был составлен так, что можно было понять его двояко: или что право это дается только Бортнянскому лично, или же, что оно дается всем последующим директорам Капеллы. Так, преемники Бортнянского по директорству и поняли этот указ. В то время подобная строгая мера была необходима. В разных местах, в частных хорах, появились доморощенные, невежественные композиторы, которые стали сочинять музыку для богослужебных текстов, и не стеснялись при этом просто подтекстовывать арии из итальянских и французских опер.

“Бортнянский известен больше всего как автор многочисленных концертов, которым он дал стройную трехчастную форму, беря как текст отдельные стихи из псалмов. Концерты заняли в богослужении место причастных стихов, вытеснив собою уставный причастный стих, сведшийся к короткому речитативу вместо того, как прежде петься широкой, развитой (путевой) мелодией. До такой степени вытеснил уставный причастный стих концерт, что эту часть литургии многие стали попросту называть “концертом,” и лишь на рубеже нашего столетия стало понемногу входить в обычай название “запричастного” для тех песнопений, которые было принято петь для заполнения времени во время причащения священнослужителей в алтаре. В своих переложениях древних напевов Бортнянский очень свободно распоряжался обиходной мелодией, изменяя ее иногда до неузнаваемости.

Второй после Бортнянского директор Капеллы А. Ф. Львов (1799-1870), автор гимна “Боже, Царя храни,” большой друг и поклонник Рихарда Вагнера, явился проводником немецкого влияния на русское церковное пение. Ему принадлежит заслуга (довольно спорного, впрочем, свойства) издания полного круга богослужебных песнопений по придворному напеву, для смешанного хора. Придворный напев образовался в Придворной Капелле из киевского, греческого распевов, и обрывков знаменного распева, в сильно сокращенном, приновленном для коротких служб в придворных церквях, виде. Эту работу выполнил Львов не один, он только редактировал работу, которую по его поручению выполнили его сотрудники — Воротников, Турчанинов, Ломакин и другие. В придворном распеве, кроме того, что мелодии сильно сокращены, многие песнопения, которые положено петь на известный глас, изложены читком на одной ноте, многие голосовые мелодии изменены, чтобы получить возможность гармонизировать их в обычном мажоре или миноре (вместо свойственных им ладов), некоторые песнопения, для простоты изложены в другом гласе, чем предписывается уставом,

и т. д. С точки зрения музыкальной “обиход” Львова безупречен, с точки же зрения стиля русского церковного пения — не выдерживает критики. Он отнимает у русского церковного пения последнее, что еще оставалось после натиска польской, итальянской и — после Львова — немецкой музыки.

“Как директор Придворной Капеллы, получивший надзор над церковным пением всей России, Львов старался принудительными мерами (лишение регентского диплома и т. п.) ввести свой обиход в обязательное употребление во всей России, не взирая на местные обычаи и веками укоренившиеся напевы. В защиту последних выступил тогда всесильный Митрополит Московский Филарет, решительно высказавшийся против введения придворного пения в своей епархии и тем спасший древнюю московскую традицию. Тем не менее, чрез регентов, получивших образование в Придворной Капелле и разошедшихся по всей России, придворный обиход Львова весьма быстро получил распространение и вытеснил местные напевы даже в дьячковской практике. В 70-х годах прошлого столетия этот обиход был переработан (не в лучшую с стилистической точки зрения сторону) преемником Львова (с 1861 г.) по директорству, Н. Бахметевым (1807-1891) и известен больше под именем “бахметевского обихода.” Отсутствие научного интереса к церковному пению, которое рассматривалось теперь лишь с чисто музыкальной точки зрения, отсутствие знаний в этой области даже у ответственных за церковное пение лиц, не давали возможности достаточно критически отнестись к “обиходу” Львова-Бахметева, а авторитет Капеллы и пения “при Высочайшем Дворе употребляемого” гарантировало, в глазах только музыкально образованных регентов “доброкачественность” обихода...

“Все же древним напевам надлежало возродиться в новой, им подходящей многоголосной одежде. Начало этому положил протоиерей П. Турчанинов, деятельность которого выпадает на последние годы жизни Бортнянского (†1825) и на большую часть директорства Львова. Переложения знаменного и киевского распева, сделанные Турчаниновым, до сих пор не сходят с клироса. Малоросс, как и Бортнянский, Турчанинов в своих переложениях следует тому методу, который употребляли дьячки при пении на несколько голосов и который так характерен для кантов: параллельное сопровождение основной мелодии терциями. Основную древнюю мелодию, большей частью согласно с квадратно-нотными синодальными изданиями, Турчанинов все же иногда упрощает местами. Но простота и благозвучность его голосоведения, выбор гармонических сочетаний для данного места текста делают его переложения классическими. Можно сказать, что он положил начало возвращению к древним русским мелодиям после безудержного увлечения иноземными стилями. Однако, нужно заметить, что все эти стили перерабатывались в русской певческой практике и так усвоились, что считаются теперь характерным русским стилем. Крайности, например — эксцеллентирование, разрыв слов, излишняя напыщенная бравурность, плагиат из оперных арий, и т. д. были отброшены или отпали сами собой и осталось то, что было приемлемо для благоговейного молящегося слушателя, и что соответствовало и смыслу текста, и характеру богослужения.

“Композиторская деятельность для церкви, отчасти благодаря строгой (стилистически, правда, слишком односторонней) цензуре Капеллы, отчасти же благодаря общему повышению музыкальной культурности в русском обществе во второй половине прошлого века, входит в определенную колею. Духовно-музыкальные сочинения второй половины прошлого столетия отличаются от произведений композиторов итальянской школы, главным образом, спокойной мелодией, преобладанием гармонического элемента над мелодическим, отсутствием дешевых эффектов, стремлением согласовать текст с музыкой и подчинить его симметрическому ритму. Протестантский хорал, с его плавным движением мелодии, безупречной гармонией, оказал на творчество композиторов этой эпохи весьма сильное влияние, но преобразовался под влиянием русского музыкального гения и литургических требований

православной церкви. В результате получился тот русский церковно-певческий стиль, который характеризует произведения прежде всего Львова — главного проводника немецкого влияния на русский хоровой клирос, и его современников и последователей: Ломакина, Воротникова, Лирина, отчасти Львовского, Соколова, прот. Виноградова и др. — вплоть до, уже принадлежащего нашему столетию (†1924) Архангельского и ныне благоденствующего в США Рудикова. Это направление, исходившее от Придворной Певческой Капеллы, можно охарактеризовать как петербургскую школу духовных композиторов.

“Вторая половина прошлого столетия знаменательна еще тем, что в это время пробудился интерес к изучению церковного пения не только с практической стороны, как отдела общей музыки, но и со стороны теоретической и археологической. Еще в начале прошлого столетия появились ученые статьи о церковном пении митрополита Евгения (Болховитинова). Однако, автор, не обладая, с одной стороны, достаточными музыкально-теоретическими знаниями, с другой же стороны, недостаточно критически относившийся к обрабатываемому им материалу, высказал много положений, которые оказались впоследствии ошибочными. Около середины XIX века появились статьи о древнем церковном пении Сахарова, Ундольского, Безсонова, князя В. Одоевского и, наконец, В. Стасова. По инициативе кн. Одоевского в Московской Консерватории была учреждена кафедра истории русского церковного пения, занять которую был приглашен протоиерей Д. В. Разумовский.

“В 1869 г. прот. Разумовский выпустил первую часть своего капитального труда “Церковное пение в России.” Последователями Разумовского явились — С. Смоленский, А. Преображенский, и крупнейший археолог и палеограф церковного пения — прот. Металлов, занявший после смерти Разумовского его место в Консерватории. Исследование Металлова о богослужбном пении русской церкви в период домонгольский является первым действительно научным трудом в этой области; за этот труд прот. Металлов получил от Московской Духовной Академии ученую степень магистра. Работы ученых были посвящены не только общему обзору истории церковного пения. Они были направлены также и на исследование знаменной нотации (совершенно забытой к этому времени) и форм наших основных церковных распевов. В последней области нужно отметить труды протоиерея И. Вознесенского.

“Вместе с развитием хода исследований археологии нашего пения, пробудился интерес к древним напевам и у некоторых композиторов. Правда, композиторы петербургской школы не отказывались от обработки наших древних мелодий для хора. Но они обращали свое внимание, главным образом, на те распевы, которые легче всего поддавались гармонизации по правилам и в стиле учения о гармонии по западным, главным образом, немецким учебникам. Протестантский хорал для них оставался исходной гармонической схемой для переложений древних мелодий. Поэтому они обрабатывали, главным образом, мелодии греческого и киевского распева, как напевы с наименее выраженной ладовой основой, и потому легко втискиваемые в мажорно минорную схему, и гораздо легче поддающиеся гармонизации, нежели мелодии знаменного распева с их явно выраженной ладовой основой и совершенно своеобразной, прихотливой ритмикой. Для них еще не было найдено им свойственного способа облечения древней мелодии в многоголосную одежду.

“Кроме того, среди русских деятелей по церковному пению возникло тогда, отчасти под влиянием археологических изысканий, направившихся в ложную сторону, увлечение теорией, что русское церковное пение, и в частности знаменный распев, основано всецело на теории древнеэллинических ладов, и что церковное пение должно быть весьма простым. Исходя из этого, в 70-х гг. прошлого столетия Н. Потулов положил на четыре голоса для мужского хора весь круг песнопений, изложенный в квадратной ноте, причем, в основу своей гармонизации он положил строгий стиль протестантского хорала, т. е. применив почти к каждой ноте мелодии основное трезвучие или, в крайнем случае, секстаккорд преимущественно I, IV, V, и из-

редка VI и II ступеней, не допуская никаких диссонирующих сочетаний. В такой обработке мелодии знаменного распева, весьма подвижного по своей природе, потеряли свой характер; гармония получилась теоретически безупречно правильная, но настолько тяжеловесная и скучная, что обработка Потулова не получила распространения, как не получили распространения сделанные в том же духе и на тех же принципах переложения знаменного распева, сделанные Д. Соловьевым, В. Бирюковым и некоторыми другими. Мало того, такие обработки, скрывавшие совершенно мелодическое богатство и ладовый характер мелодий знаменного распева, как бы отпугнули от них слушателей, и регентов, вследствие чего на клиросе почти столетия держался прочно, с одной стороны, обиход Бахметева, с другой стороны, — композиции в духе петербургской школы, по стилю и фактуре весьма напоминающие так называемый “лидертафельстиль” немецких хоровых ферейнов (содружеств) того времени. Даже редакторы церковно-певческого сборника, изданного на рубеже нашего столетия Святейшим Синодом, не могли отделаться от обаяния этого чуждого стиля, а также от гармонизаторских приемов петербургской школы, равнявшейся не на основы народного русского природного многоголосия, а на композиторские приемы немецкой и чешской песни. Распространению и укоренению этого псевдорусского церковного стиля способствовало также и одностороннее (только музыкальное) образование регентов высшего разряда, при слишком поверхностном музыкальном образовании главной массы провинциальных приходских регентов, большей частью не имевших для оценки поемых произведений никакого иного критерия, кроме своего личного вкуса, воспитанного на композициях, производящих на невзыскательного слушателя впечатление или ложного пафоса, или слащавой чувствительности, принимаемой за “молитвенность,” но не имеющих никаких ни музыкальных, ни литургических достоинств.

“Резкий поворот в сторону восстановления древних распевов, и именно знаменного по преимуществу, произошел к самому концу прошлого столетия и им мы обязаны выдающемуся, но до сих пор еще не всеми по достоинству оцененному композитору А. Д. Кастальскому (1864-1926), ставшему во главе московской школы духовных композиторов. Выдающийся знаток русской народной песни, автор двух научных трудов по русскому народному многоголосию, знаток древних нотаций, Кастальский применил совершенно новый способ обработки знаменных мелодий, в основе которого лежит не немецкий протестантский хорал, а система подголосков, которыми сопровождает не умудренный музыкальной наукой и нотной грамотой деревенский певец основную мелодию своей ноты. Одновременно с Кастальским, или даже несколько ранее, петербургский композитор Н. А. Компанейский тоже обратился к такому методу обработки знаменного распева. Однако, Компанейский все же ориентировался в известной степени на западную теорию музыки, и потому его обработки уступают в оригинальности и подлинности стиля обработкам Кастальского, хотя они и представляют собой гигантский шаг вперед, по сравнению с прежде делавшимися переложениями.

“Из композиторов светской музыки, с мировым именем, Чайковский еще раньше обратился к древним распевам. В то время как его “Литургия” была сочинена им свободно, но в духе господствовавшего тогда церковно-музыкального стиля, в своей “Всенощной” Чайковский дает уже обработки древних распевов, преимущественно киевского и греческого. Но опять таки, он или обрабатывает строго эти мелодии на основании господствующего западного учения о гармонии (Кастальский иногда отступает от него), или же дает волю своему, воспитанному на светской музыке, музыкальному чувству. В сущности, Чайковский дал мастерские произведения, однако не указал новых путей. Этим и объясняется то, что он сравнительно мало уделил внимания знаменному распеву. “Литургия” Чайковского получила особое значение для русских духовных композиторов: она сломала монополию цензуры духовно-музыкальных произведений, которую со времен Бортнянского имела Придворная

Капелла. Крупнейшее в России нотное издательство П. Юргенсона, в Москве, издало написанную Чайковским “Литургию,” не испросив предварительно разрешения на то Придворной Капеллы, директором которой был тогда Бахметев, удовольствовавшись только разрешением духовной цензуры. Капелла возбудила против издательства Юргенсона судебный процесс за нарушение права цензурировать духовно-музыкальные издания. Однако процесс был Капеллой проигран: суд выяснил, что по смыслу указа о подобной цензуре, право это было дано в свое время только Бортнянскому и не переходило ни на Капеллу, ни на последующих директоров, а потому одной духовной цензуры было вполне достаточно для законного опубликования “Литургии” Чайковского и ее исполнения за богослужением. Тем не менее Бахметев запретил исполнение этой “Литургии.” Часть регентов, находившихся под обаянием Капеллы и ее распоряжений, последовала этому распоряжению; часть же, ссылаясь на разрешение духовной цензуры, запрещение не принимала во внимание.

“Судебное решение по вопросу о цензуре духовно-музыкальных произведений имело громадное принципиальное значение. Как духовные композиторы, так и регенты освободились им от надобности следовать и строго придерживаться стилистически крайне одностороннего стиля Капеллы и бахметевского обихода. Юргенсон широко открыл двери своего издательства духовным композиторам и тем дал возможность опубликовать свои произведения, написанные не в романтическом итальяно-немецком стиле, который исключительно культивировался в Капелле, согласно не русскому певческому преданию и особенностям русского музыкального гения, а согласно требованиям личного вкуса особ Императорской Фамилии. Несмотря на это, многие композиторы продолжали еще представлять на цензуру Капеллы свои произведения; одобрение Капеллы успокаивало совесть очень многих регентов.”

Церковного пения коснулись в частной переписке известный епископ Одесский и Херсонский Никанор (Бровкович) и К. П. Победоносцев. Владыка, скорбя о том, как совершаются богослужения в одесском кафедральном соборе, в числе прочего, писал 12 марта 1884 г.: “Прокимны все поют на одной ноте. Старые, многосодержательные напевы на глас забыты. Вообще эти обиходы Придворной Капеллы действуют на всероссийское древнее пение губительно... Сведущий, но легкомысленный до дерзости регент нанес мне несколько даже оскорблений, выезжая на утрированной итальянщине, против которой я восстал...” Победоносцев, отвечая ему 16 марта, писал, что ж в Петербурге в церквях о стихирах “и думать забыли, да певческие хоры не умеют и петь их.” — “Много бед,” продолжал он, “нам наделали ученые, легкомысленные священники, в академиях отвыкшие от красоты церковной и от богослужения. Великое дело — пение. Необходимо выводить безобразие певческих хоров и сводить пение к обиходу. Привычка петь все на один глас ужасная, и разведена придворным пением. Регента вашего приструньте; эту язву выводить надо. Надеюсь выслать вскоре из Синода строгий указ о пении...”

“Отрезок времени, примерно от 1885 г. до 1918 г.,” — пишет известный регент П. А. Александров, окончивший в 1912 г. по первому разряду Московское Синодальное Училище, — “можно назвать последним этапом извилистого пути русского церковного пения; этот этап характерен сильным развитием художественной церковной музыки, становлением ее на свой собственный национальный путь. Для своего роста и положительных сдвигов, как в области песнетворчества, так и в области исполнительского мастерства, духовная музыка получила ряд новых импульсов. Прежде всего большую роль в общем подъеме интереса к церковному пению у правящих церковных кругов, у церковной общественности, у крупных музыкантов и в высших сферах сыграли два специальных духовно-музыкальных учебных заведения — Придворно-певческая капелла в Петербурге и Синодальное училище в Москве. В 1883г. директором Придворной Капеллы был назначен граф С. Д. Шереметев; он привлекает

в качестве управляющего Капеллой М. А. Балакирева, а последний приглашает своим помощником Н. А. Римекаго-Корсакова. Ощутительные результаты от руководства Капеллой двумя знаменитыми композиторами и выдающимися педагогами не замедлили сказаться. Регентский класс был поставлен на серьезные профессиональные рельсы. Песнетворчество ближайших сотрудников Н. А. Римского-Корсакова и М. А. Балакирева стало ближе по духу русскому стилю. Учителя пения и талантливые регенты — Смирнов, Азеев, Копылов — исполнительское мастерство придворного хора довели до высокого уровня; он по праву считался первым образцовым хором в России и заслужил отличную оценку слушавших его крупных западных музыкантов.

“В Московском Синодальном училище еще лучше сложились обстоятельства. По счастливой случайности в стенах училища оказались три виднейших деятеля в сфере духовной музыки. Образовался, так сказать, “исторический” триумvirат: С. В. Смоленский — директор училища, В. С. Орлов — талантливейший регент хора и А. Д. Кастальский — исключительной силы духовный композитор. К этому еще надо прибавить удачное назначение в 1894 году на должность прокурора Московской Синодальной конторы князя А. А. Ширинского-Шихматова, который одновременно стал Управляющим Синодальным училищем и главным начальником Синодального хора. Как глубоко русский человек, князь хорошо понимал, что задачи Синодального училища и его хора не исчерпываются только обслуживанием большого Успенского собора в Москве. Он считал, что это учреждение должно давать надлежащий тон повсеместно в России, пропагандируя национальные начала в церковном пении и борясь с иноземным итало-немецким духом.” (“Церковная музыка в РОССИИ в конце XIX и в первой четверти XX века.” — “Православная Жизнь.” 1962 г. №№ 8-10).

Подтверждает сказанное И. А. Гарднер. Отмечая значение в этом вопросе царствований императоров Александра III и Николая II, он пишет: “В прежние царствования царило немецкое влияние, выработавшее тот, с одной стороны мертвящий стиль обиходов Львова-Бахметева, с другой стороны — “молитвенную” (но отнюдь не благоговейную) немецкую лирику, которая стала искренне считаться “истиннорусским церковным пением.” Крутой поворот к национальному наступил в царствование Александра III. Директор капеллы Бахметев (заморозивший русское церковное пение в школе Львова) был заменен Балакиревым, который вместе с Римским-Корсаковым расширил рамки духовно-музыкальной цензуры Капеллы в смысле одобрения опытов применения новой композиторской техники к церковному пению. Только в атмосфере покровительства русскому искусству со стороны Царя-Миротворца возможно было возникновение и расцвет московской школы. Прекращение преследования старообрядцев в царствование императора Николая II расширило возможность изучения древнего русского церковного пения и его памятников — крюковых рукописей, ставших теперь доступными более широкому кругу ученых. Сам покойный Государь предпочитал традицию Капеллы, особенно любил Бортнянского, Львова, но не препятствовал и развитию направления московской школы синодального хора, исполнение которого он ценил очень высоко. Прот. В. М. Металлов приводит слова Государя, сказанные им после одного духовного концерта в Москве в Высочайшем присутствии. Государь изволил сказать, что хор достиг самой высшей степени совершенства, дальше которой трудно себе представить, что можно пойти” (Металлов: “Синодальное Училище в его прошлом и настоящем”).

Директор Московского Синодального Училища, Степан Васильевич Смоленский, юрист по образованию, посвятил себя в молодые годы педагогической деятельности. Потом он увлекся изучением старинных распевов церковного пения. Побудило его к этому знакомство с старообрядцами и разбор рукописей библиотеки Соловецкого мон., находившейся в библиотеке Казанской Дух. Академии.

“Эта археологически-научная работа, в поисках замечательных памятников церковного пения седой старины,” пишет П. А. Александров, “поглотила С. В. Смоленского. При дружной поддержке таких выдающихся личностей, как проф. истории церковного пения прот. Д. В. Разумовский, свящ. Н. И. Ильинский и С. А. Рачинский, он из скромного учителя семинарии вырос в выдающегося русского ученого и педагога. Его неоднократно приглашали в Петербург для участия в комиссиях, созывавшихся Св. Синодом и Министерством Народного Просвещения. С его мнением считался обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. В 1888 г. С. В. Смоленский напечатал свой замечательный труд: “Азбука знаменного пения” (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца. Старец Александр Мезенец был председателем Комиссии, возникшей после Московского собора в 1667 г. для исправления текста богослужебных книг. С. В. Смоленский тщательно проверил текст “Певчей азбуки” и заново отредактировал его. “Этот труд (по отзыву исследователя церковного пения протоиерея В. М. Металлова) расширил круг существовавших познаний в области крюков и углубил взгляд исследователя в самую сущность крюковой системы нотописания.”

“Став директором Московского Синодального училища и одновременно заняв кафедру истории церковного пения в Московской консерватории, С. В. Смоленский с неустанной энергией и упорством принялся за проведение в жизнь своих заветных и давно обдуманых планов. Его созидательная работа в Синодальном училище дала серьезные результаты. Церковный хор, под талантливым управлением В. С. Орлова, о котором еще будет речь впереди, стал первоклассным художественным ансамблем. Само училище из заурядной певческой школы превратилось в серьезный музыкально-педагогический институт, с 9-ти классным курсом и подготовительным классом. Объем программ по ряду дисциплин сравнялся с консерваторским. Подбор преподавателей был серьезный. В числе педагогов были: В. В. Калинин, М. М. Ипполитов-Иванов, Н. Д. Кашкин, А. Д. Кастальский, В. С. Орлов, А. А. Эрарский и др. Энергия и трудолюбие Смоленского особенно сказались в устройстве при училище богатейшей библиотеки церковных рукописей; он собирал ее в течение ряда лет на свой личный страх и риск, не имея на это официального поручения и не получая никаких на то субсидий. Ценные памятники музыкальной старины приходилось разыскивать не только в Москве, но и в различных провинциальных монастырях, молельнях и даже за границей. Вообразите,” писал он, “что я достал из Ярославля не более как 12-хорную (48-голосную) обедню и к ней 2 концерта конца ХУП или начала ХVIII века. Вот каковы были русские-то!” Много преуспел С. В. Смоленский в деле привлечения к духовно-музыкальному творчеству не только своих ближайших помощников (А. Д. Кастальский, П. Г. Чесноков), но и других видных музыкантов, как например, А. Н. Корещенко, М. М. Ипполитова-Иванова, Ильинского, А. Т. Гречанинова. Смоленскому же принадлежит мысль об устройстве превосходных по замыслу и исполнению исторических концертов Синодального хора в 1895 году.”

Василий Сергеевич Орлов, сын дьячка, мальчиком был принят в синодальный хор, окончил духовное училище для малолетних певчих и московскую консерваторию, будучи в ней учеником П. И. Чайковского. По рекомендации директора консерватории Н. Г. Рубинштейна, он был в Москве регентом хора из рабочих типографии А. И. Мамонтова, с каковым с успехом исполнил в 1880 г. впервые только что написанную литургию Чайковского. По рекомендательному письму последнего К. П. Победоносцеву и прокурору Синодальной Конторы А. Н. Шишкову, Орлов был назначен в 1886 г. регентом синодального хора. “Последний,” пишет Александров, “до Орлова страдал особенным сентиментально-драматическим стилем исполнения церковных композиций. Этот стиль держался во всех хорах до конца XIX века и поддерживался таким авторитетным учреждением, как Придворная Певческая Капелла. Орлов был достаточно подготовлен к тому, чтобы обновить и, главное, *облагородить* стиль исполнения. Ломку Орлов проводил осторожно и при поддержке таких сведущих лиц, как П. И.

Чайковский и С. И. Танеев. При настойчивой, неутомимой работе Орлова Синодальный хор достиг высокой степени совершенства исполнения в смысле безупречной интонации и выдержанности стиля... Его ученик, теперь профессор Московской консерватории В. П. Степанов, так говорит о В. С. Орлове: “Мягкий в жизни, он делался стальным на эстраде. В момент творческого вдохновения он положительно преображался и стоял перед хором весь — власть, сила, огонь. Дирижер-вождь.”

В 1899 г. хор, под управлением Орлова, выступал в славившейся своей музыкальностью Вене. П. А. Александров пишет: “За неделю до выступления хора в той же Вене состоялся концерт хора в 120 человек с первоклассными солистами в сопровождении оркестра и органа под управлением прославленного итальянского композитора церковной музыки Лоренцо Перози. “Успех этого концерта,” писал Н. Д. Камкин, “не только не повредил успеху Московского хора, но даже способствовал ему, возбуждив желание сравнить исполнение итальянцев и русских. Аудитория слушателей состояла из представителей родовой и финансовой аристократии, католической знати Вены и выдающихся музыкантов. Отборные голоса Синодального хора звучали превосходно, и с первых аккордов можно было почувствовать, что ему не опасно сравнение. В обширную программу входили произведения Бортнянского, Львова, Турчанинова и сочинения А. Т. Гречанинова, А. Д. Кастальского, написанные в национально-самобытном стиле. Они-то и обратили на себя внимание иностранцев. Успех исполнения достиг своего апогея после виртуозного, в смысле динамических оттенков, исполнения 40-ка кратного “Господи помилуй” Львовского, возбуждившего восторг, доходивший до энтузиазма.” А музыкальные критики Вены писали: “Ансамбль хора, от первых сопрано до низких, глубоких, как пропасть, настоящих русских богатырей-басов, так хорош, что кажется, будто слушаешь великолепный, замечательно чисто настроенный, орган.” “У нас нет ничего равного этому Синодальному хору, — писала другая газета, — и полезно было бы задуматься, отчего же у нас этого нет, и как бы создал нечто такое же.” Этот концерт просто утвердил репутацию хора, как лучшего и образцового хора в России.”

В 1901 г. Орлов был назначен директором училища, вместо Смоленского, поставленного во главе Придворной Певческой Капеллы. Им завершено было преобразование училища в высшую школу церковного пения, чему весьма содействовал прокурор синодальной конторы Ф. П. Степанов. Объединенные хоры Москвы (в 500, 600, 1000 участников) предоставляли Орлову дирижировать их концертами. Скончался он в 1908 г., в 51-летнем возрасте.

Регентом синодального хора с 1901 г. был Александр Дмитриевич Кастальский (1856-1926), окончивший московскую консерваторию, с 1887 г. преподаватель синодального училища и помощник регента, “Кастальским издано 44 №№ духовно-музыкальных сочинений, которые при своем появлении обратили на себя внимание всех, интересующихся судьбами русской церковной музыки, — удачным разрешением трудной задачи соединять в одном музыкальном произведении, с одной стороны, характерную мелодию древних церковных напевов, с другой, — требуемую современною техникой художественную обработку их” (А. Преображенский, кандидат богословия, библиотекарь Придворной Певческой Капеллы. “Прав. Бог. Энц.” 1908 г.).

“Творчество А. Д. Кастальского, — пишет Александров, — полностью служило созданию национальной музыки в церкви. Его многоголосие народно и полно удивительно тонкого голосоведения. Он наглядно показал глубокую разницу между двумя системами — западноевропейской и российской народной системой многоголосия. В сочинениях А. Д. Кастальского это многоголосие засверкало яркой самобытностью и художественной ценностью, что сразу было отмечено нашей отечественной музыкальной критикой (прот. Лисицын, Н. Д. Кашкин, А. Сабнеев, С. Н. Кругликов, Ю. Сосновский) и музыкальными авторитетами Запада. Ряд композиций Кастальского, как-то: икос “Сам един еси бессмертный,” “Свете тихий”

№ 1, №2, особенно №3, “Ныне отпускаеши” демественного напева, “Милость мира” знаменного и сербского распево, “Достойно” царя Феодора, “Достойно” сербское, — остались по своему стилю и художественным достоинствам непревзойденными. Рассказывают, что С. В. Рахманинов, работая над “Всенощной,” в 40 случаях обращался за советом к Кастальскому и 28 его замечаний принял во внимание. Синодальное училище и его хор, благодаря упорной и настойчивой работе С. В. Смоленского, В. С. Орлова и А. Д. Кастальского воскресили старинный знаменный распев, свободный от итальянских и других западных влияний, сообщили церковному пению свойственный ему стиль и оценили по достоинству музыкальные сокровища оставленные нам в древнерусских распевах. Следует упомянуть о Наблюдательном Совете при Синодальном училище. В его компетенцию входило проведение экзаменов для экстернов, просмотр и утверждение репертуара для Синодального хора, просмотр новых сочинений духовной музыки и обсуждение учебных дел училища, Это был авторитетнейший орган, о чем говорит его состав. В разное время в нем заседали, наряду с администрацией Синодального училища, такие лица, как П. И. Чайковский, С. И. Танеев, В. И. Сафонов, А. С. Аренский, М. И. Иполитов-Иванов, Вик. Калинин, С. В. Василенко и другие.”

В Придворной Певческой Капелле и после улучшений, произведенных М. А. Балакиревым, продолжение, по отзыву И. А. Гарднера, традиция Львова — хор понимался, как один инструмент, мелодия подчинялась гармонии. С. В. Смоленский, который, по словам П. А. Александрова, пытался произвести решительный поворот в сторону развития национальных распевов, не нашел сочувствия и через два года покинул пост директора. До него во главе Капеллы были гр. С. Д. Шереметев (с 1883 г.), имевший свою собственную капеллу, певшую в его домово́й церкви, и его брат гр. А. Д. Шереметев. С. В. Смоленского заменили композиторы Н. С. Кленовский и С. Ф. Соловьев, известный музыкальный критик.

Наряду с упоминавшимися выше композиторами, И. А. Гарднер указывает на Фатоева, Азеева, Аллеманова, П. Г. Чеснокова, А. Никольского. Отмечает он “Всенощную” С. В. Рахманинова, в которой последним дан “гениальный синтез церковной канонической мелодии с общей музыкой.” По его словам, глубокие церковные корни имеет А. Т. Гречанинов. Но он держится за предписания общей музыкальной науки, что мешает ему в искании своих, новых путей.

“Ростки собственного монастырского творчества, более близкого по духу к национально-самобытному стилю, без присутствия иноземного духа,” пишет П. А. Александров, “стали про являться ярко и вылились в самостоятельные распевы Киево-Печерской Лавры, Почаевской, Валаамского и Старо-Симоновского монастырей.”

В 1910-1917 годы синодальный хор, под управлением Н. М. Данилина, достиг, по отзыву П. А. Александрова, совершенства времен В. С. Орлова. Выступления хора в Италии, Австрии, Германии и в Варшаве имели огромный успех. “В начале XX в.,” пишет Александров, “количество церковных хоров, отличавшихся высоким качеством исполнения более возросло. Лучшими из них в Москве были хор Ф. А. Иванова, хор Васильева, Чудовский хор, хор Храма Спасителя, хор талантливого регента-самородка И. И. Юхова. В Петербурге большо́й известностью пользовался хор, руководимый А. А. Архангельским. Отличительной чертой этого хора являлось участие в нем женских голосов. Церковно-певческая практика длительное время признавала только мальчиков для исполнения сопрановой и альтовой партий. Хор Архангельского отличался гибкостью в темпе, динамике и продуманной нюансировкой ... Славился хор Александрово-Невской лавры под управлением регента самородка Тернова, хороши были хоры Исаакиевского собора, Казанского собора, Почтамтский хор. В Киеве — хоры Калишевского, Надеждина, Кошица, в Нижнем-Новгороде — хор Рукавишникова, в Пензе — Касторского. Все архиерейские хоры по епархиям также отличались стройностью исполнения и хорошим подбором голосов.”

Владыкой Амвросием (Ключаревым), в бытность его епископом Дмитровским, викарием московской епархии (1877-82), основано было “Общество любителей церковного пения.” Последним в конце XIX в. издан был квадратною нотой московский обычный напев. Владыка Амвросий возглавил с 1882 г. харьковскую епархию.

Исключительно потрудился знаток и любитель церковного пения архиеп. новгородский Арсений (Стадницкий), впоследствии митрополит. Им в 1911 и 1913 годах созваны были в Новгороде съезды учителей пения духовно-учебных заведений епархии. Итогом работ съезда было напечатание, под руководством владыки Арсения, “Спутник псаломщика, Песнопения годовичного круга богослужений с требоисправлениями,” выдержавшего три издания (Книга сия воспроизведена в 1959 г. фотографически с благословения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей типографией преп. Иова Почаевского в Св.-Троицком монастыре (Джорданвилль. США)). Большим знатоком церковного пения был в начале XX в. владыка Гавриил (Ченур), викарий кишиневской епархии (с 1910 г.), с 1919 епископ челябинский, скончавшийся в Югославии в 1933 г.

Главу о церковном пении закончим выдержкой из слова, обращенного архиеп. Арсением к участникам первого новгородского съезда: “Вы, конечно, знаете, почему так нужно дорожить нашим древним церковным пением. Оно есть выражение духа нашего народа, воспитавшегося и возросшего под влиянием Церкви, которая была пестуном его, чадолюбивою матерью. Но если Церковь оказывала религиозно-нравственное влияние на народ, то и народ вносил многое от своего природного богатства и дарования в недра Православной Церкви, в виде мелодий, в которых отражаются глубина и сила его религиозного чувства и вообще его душевные качества. Эти мелодии, то возвышенно-простые, строгие и важные, то нежные, трогательные и умильные; народ, как лучшее достояние свое, от чистого сердца отдает своей матери — Церкви. Вот почему эти родные звуки дороги ему как передуманные, пережитые, пережитые, пережитые им. О многом они говорят русскому человеку: и о былом, и о настоящем, и об ожидаемом в будущем; будят в нем лучшие, благороднейшие порывы, святые чувства любви к вере, Царю-Отцу и родному Отечеству. Вот почему нужно дорожить этими родными мелодиями, как памятниками религиозно-народного песенного творчества. К сожалению, мы не дорожим им. Отсюда истинное церковное пение забывается, измышляется новое, чуждое духу нашего народа. Забота о сохранении и восстановлении древнего церковного пения является одною из главных забот тех, кому дороги интересы Церкви и народа...”

Церковное управление до восстановления патриаршества.

К началу XX столетия при Св. Синоде существовали следующие, подчиненные ему учреждения: 1) Синодальные Конторы Московская и Грузино-Имеретинская. Первая управляла ставропигиальными монастырями, за исключением Соловецкого, Успенским собором в Москве и московским синодальным домом с его церковною библиотекой и ризницей; она же снабжала епархии св. Миром. В 1892 г. при ней учреждено было Училище церковного пения. Вторая — управляла церковными делами в Закавказском крае и заведовала там церковными имуществами; представляла Св. Синоду кандидатов на архиерейские кафедры. Председателем первой конторы был митрополит московский, второй — экзарх Грузии. Членами первой — один или два настоятеля московских ставропигиальных монастырей, второй — четверо настоятелей и протоиереев. При обеих конторах состояли прокураны. 2) Канцелярия. 3) Хозяйственное управление (с 1839 г.). 4) Контроль. 5) Духовно-Учебный Комитет (с 1867 г.).

б) Училищный Совет (с 1885 г.). Все эти вспомогательные учреждения находились в ведении Обер-прокурора. В 1865 г. учреждена была должность Товарища Обер-прокурора. Избрание архиереев принадлежало Св. Синоду, который выбирал трех кандидатов. Государь утверждал одного из них. Прежнего разделения епархий на классы с 1867 г. не существовало. Архиереи считались равными, исключая митрополитов Киевского и Галицкого, Московского и Коломенского, С.-Петербургского и Ладожского и Экзарха Грузии, архиепископа Карталинского и Кахетинского. В некоторых епархиях устанавливались викариатства. Получив титул епископа одного из уездных городов епархии, викарии не обладали правом на самостоятельное управление в этом уезде (обыкновенно им давалось право поставлять в уезде причетников и смещать их. Заслуженный профессор прот. В. Г. Певцов “Лекции по церковному праву.” СПб. 1914).

Из учреждений, подчиненных епархиальному архиерею (стр. 758) — *консистории*, действовавшие согласно уставу 1841 года, получили в 1883 г. новый устав. Согласно таковому, “духовная консистория есть присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе православной российской церкви, именуемом епархией.” При образовании консисторий членами их могли быть только монашествующие, позднее получили доступ и представители белого духовенства. Консистории находились в ведении Синода. Делилась консистория на присутствие и канцелярию. Число членов присутствия определялось штатами. Начальник канцелярии назначался и увольнялся Синодом.

Успешному усовершенствованию епархиальной администрации долгое время мешало крайне бедное обеспечение ее органов материальными средствами. Нищенские оклады ее штатных служащих, начиная с ответственных за ход работы секретарей консисторий, и существование ряда должностей, остававшихся совсем без вознаграждения, неизбежно вызывало взяточничество и разные поборы. Зло это стало ослабевать с конца шестидесятых годов, когда были увеличены консисторские оклады. Тогдашнее царствование имп. Александра II, даровавшего широкие права самоуправления всем сословиям, отразилось и на духовенстве.

Важное значение в епархиальной жизни получили *съезды духовенства* — епархиальные и окружные — для совещания по сословным и епархиальным делам, оказывавшие благотворное влияние на все отрасли этой жизни, особенно в отношении изыскания материальных средств.

По Высочайше утвержденному положению 12 июня 1890 г., протопресвитер военного и морского духовенства (стр. 759) канонически зависит от епархиальной власти, как, равным образом, и духовенство придворное, управляемое особым протопресвитером, состоящим и духовником Их Величеств. Причты заграничных церквей, получая содержание от министерства иностранных дел, управлялись с. петербургским епархиальным начальством, кроме иерусалимской, пекинской, японской и др. миссий, состоявших в непосредственном ведении Синода.

Выше (стр. 759) отмечалось улучшение материального положения духовенства. К концу царствования имп. Николая I получали казенное жалование 55163 священно-церковно служащего, при 13214 церквах в 32 епархиях.

С 1860 г. вопрос об обеспечении духовенства подвергся особенно тщательному обсуждению и в правительственных сферах, и в литературе, и среди самого духовенства. В 1862 г. образовано было особое присутствие по делам духовенства из членов Синода, обер-прокурора, министров внутренних дел и государственных имуществ и др. лиц (действовало до 1885 года). В 1863 г. открылись в губерниях особые присутствия из представителей местной администрации, духовенства и общества, под председательством архиереев. В том же году уже наметился основной план последующих работ — расчет строился не столько на прави-

тельственные, сколько на общественные и, в частности, на приходские средства. Имелось в виду вызвать самостоятельность приходских обществ. Последнее проявилось в создании по приходам с 1864 г. приходских попечительств, восстановлении и открытии при церквях братств, в пожертвованиях на причты, в назначении им (напр. в Таврической г.) годового приходского жалования, в разных в пользу их постановлениях земств и пр. Духовенство, с своей стороны, предпринимало разные меры самопомощи, изыскивая средства для образования своих детей, заводя свечные заводы (епархиальные), учреждая эмеритальные кассы. Правительственные мероприятия состояли в новых нормальных штатах для соборных и приходских причтов и возвышении им окладов жалования (с 1864 г.), особенно в западном и прибалтийском крае, в распоряжениях об отводе им земель, постройке домов, отпуске леса, возвышении пенсионных окладов и т. д. (Знаменский).

В церковной жизни, как уже отмечалось, ознаменовано существенными мероприятиями царствование императора Александра III Миротворца. Положено, на этот раз, уже твердое основание обеспечению всего духовенства жалованием. На докладе об этом обер-прокурора Победоносцева государь высказал желание восстановить порядок, начатый в 1842 г., но подвергавшийся потом изменениям. 28 окт. 1892 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета об отпуске в 1893 г. на обеспечение духовенства жалованием 250000 руб. и в каждый последующий год вновь по такой же сумме к отпуску предшествовавшего года до назначения всем без исключения причтам жалования. 24 дек. 1892 г. имп. Александр III писал Победоносцеву: “Давно это была моя мечта, мое глубокое убеждение, что необходимо придти на помощь и обеспечить сельское духовенство, и теперь, слава Богу, мне это наконец удалось. Дед мой Николай Павлович начал это дело в сороковых годах, а я его только продолжаю.” Значительно улучшено было положение военного духовенства. В 1887 г. упорядочено назначение пенсий военному духовенству. В 1883 г. утвержден новый устав духовных консисторий. В 1884 г. издан новый устав духовных академий и семинарий. Профессорам и учителям увеличено содержание, применительно к ведомству народного просвещения.

По всеподданнейшему отчету обер-прокурора Св. Синода за 1900 г., число протоиереев доходило до — 2230, священников — 43784, диаконов — 14945, причетников — 43857. По тому же отчету, кроме заграничного, придворного и военно-морского духовенства, причты 24660 церквей получали казенное содержание. Средством содержания были и земельные наделы — от 33 до 99 десятин на причт, кроме усадеб, каковые земли никаким налогам не подлежали и могли быть отчуждаемы только с Высочайшего соизволения.

Монастыри, Подвижники.

Император Александр I, как и его отец, относился к монашеству благосклонно, в особенности в последние годы своего царствования, когда он посещал монастыри и схимников. Особенно известно посещение имп. Александром Валаамской обители в августе 1819 г. Государь редко отказывал монастырям в просьбе о пособиях. Многие обители успели при нем поправиться после разгрома их во второй половине XVIII в. и обстроиться почти заново. Весьма важное значение для материального обеспечения монастырей имело дозволение им — в 1805 и 1810 годах — приобретать с Высочайшего разрешения в собственность незаселенные земли.

В царствование имп. Николая I положение монастырей еще улучшилось. В 1835 и 1838 гг. обителям на содержание их положено было отвести земельные и лесные участки от 50 до 150 десятин из казенных земель и дач. Вследствие этих отводов, а также покупок и по-

жертвований многие монастыри успели обзавестись довольно значительными земельными владениями. В 1842 г. графиня Анна Орлова, почитательница архим. Фотия, пожертвовала по 5000 р. на 340 монастырей. Кроме того, она особо обогащала монастыри: Юрьевский, Соловецкий и Почаевский. Были и другие крупные благотворители. С 1859 г., как указывалось, помогало монастырям особое общество.

В 1802 г. был восстановлен по просьбе вологодских граждан, древний Спасо-Каменный мон., закрытый в 1775 г. после сильного пожара. В 1803 г. в Черниговской епархии открыт Максаковский мон., упраздненный в 1788 г.; он передан был единоверцам. Как упоминалось (стр. 623), восстановлены были и другие обители.

В 1828 г. был восстановлен Успенский Дивногорский мон. в Воронежской епархии, закрытый в 1786 г. В 1844 г. был восстановлен, по просьбе благочестивой Т. Б. Потемкиной, Успенский Святогорский мон. в Харьковской епархии, основанный в XV в. и упраздненный в 1787 г. В 1850 г. восстановлена была древняя Нило-Сорская пустынь в новгородской епархии, едва не закрытая в 1786 г. и оставшаяся приписной к Кирилло-Белозерскому мон. В 1884 г. был восстановлен древний Межигорский мон. обращенный в 1894 г. в женский.

Имп. Николай I в 1833 г. вызвал к себе игумена Игнатия, пользовавшегося его покровительством во время обучения в Николаевском инженерном училище. “Ты мне нравишься, как и прежде — сказал он ему, — ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе; ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, а избрал путь по своему произволу; уплати же мне на нем долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей.” Пустынь была основана в 1734 г. в 17 верстах от Петербурга. В ней находилась чудотворная икона преп. Сергия Радонежского.

Дворянин вологодской губ., Дмитрий Брянчанинов, род. в 1807 г.; он, по окончании училища, три года прослужил офицером и по болезни вышел в отставку. С детства глубоко религиозный, он давно стремился к иночеству. Первыми местами его подвигов были Александро-Свирский мон., Плещанская и Оптиная пустыни. В 1831 г. Дмитрий принял постриг с именем Игнатия и рукоположен в иеромонахи. В 1832 г. он был назначен строителем Пелыпемского Лопотова мон. в вологодской епархии, где, за возобновление и благоустройство его, возведен вскоре в сан игумена. Государь не ошибся в своем выборе. Архим. Игнатий, управляя почти 24 года Сергиевой пустынью, много потрудился для устройства обители, возведенной потом в первоклассную. Им воздвигнуты три храма и несколько строений. По его же почину, по обеим сторонам строившегося при нем Троицкого собора, на так называемом поясе, изображены все святые, прославленные Российской Церковью, начиная с княгини Ольги и кончая святителями Иннокентием, Митрофаном и Тихоном. С 1838 г. архим. Игнатий состоял благочинным всех монастырей с. петербургской епархии. В 1857 г. он был хиротонисан во епископа кавказского и черноморского. С большим вниманием относился епископ Игнатий к духовенству и особенно к нравственному воспитанию духовного юношества в училище и семинарии. В 1861 г. он, по расстроенному здоровью, уволен на покой и до кончины своей в 1867 г. жил в Николо-Бабаевском мон., Костромской епархии.

“Краса русского православного иночества, он был деятельным учителем монахов не только в своих аскетически-богословских сочинениях,” — пишет К. Здравомыслов, но и во всей жизни своей представлял дивную картину самоотвержения, борьбы человека со страстями, скорбями, болезнями, картину жизни строго иноческой, аскетической. Живя на покое, преосвященный Игнатий занимался составлением аскетических сочинений, пересмотром и приготовлением к печати статей, писанных им в разное время. Сочинения его — “Аскетические опыты,” “Аскетическая проповедь,” “Приношение современному монашеству — правила наружного поведения для новоначальных иноков и советы относительно иноческого ду-

шевного делания,” “Отечник,” “Слово о смерти” и др. выдержали несколько изданий” (“Прав. Бог. Энци.”).

Преемником еп. Игнатия в Сергиевой пустыни был архим. Игнатий. Он родился в 1811 г. в деревне Шишкине, Ярославской губ., служил у купцов в С. Петербурге. Встреча с архим. Игнатием побудила Ивана Малышева уйти в 1833 г. в его обитель. Архим. Игнатий, обнаружив у него выдающийся художественный талант, отправил юного послушника учиться живописи в Академии Художеств. Впоследствии им был расписан почти весь иконостас и написаны другие образа в монастырском Троицком соборе, сооружение которого происходило под его непосредственным наблюдением. В 1858 г. он был посвящен в архимандриты и назначен настоятелем пустыни. В 1859 г. состоялось освящение собора. Был он некоторое время благочинным монастырей петербургской епархии. Архим. Игнатий пользовался исключительным уважением и расположением имп. Александра III, императриц Александры Феодоровны и Марии Александровны. Помощниками в духовном окормлении братии были родные его братья, отцы Платон и Макарий. Архим. Игнатий вел подвижническую жизнь, обладал даром прозорливости; духовно близок был с о. Иоанном Кронштадтским, напутствовавшим его при переходе в 1898 г. в вечность. При рассмотрении проектов построения храма Воскресения на крови в Петербурге был одобрен Академией и утвержден имп. Александром III проект архим. Игнатия.

Современником владыки Игнатия был епископ Феофан, из своего позднейшего затвора в Вышенской обители поддерживавший тысячи людей в их духовной жизни, обличавший пороки и предвещавший опасности, грозящие России. Сын сельского священника Орловской епархии, Георгий Говоров, родился в 1815 г. Обучался он в Киевской Академии, приняв постриг еще до окончания курса. Окончив курс магистром, он последовательно был исп. должность ректора киево-софийских дух. училищ, ректором новгородской семинарии, профессором и помощником инспектора Петербургской Академии. Был он затем членом духовной миссии в Иерусалиме, ректором олонецкой семинарии, настоятелем посольской церкви в Константинополе, ректором петербургской академии, с поручением наблюдать за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях столицы. В 1859 г. архим. Феофан был поставлен епископом тамбовским, в 1863 г. переведен во Владимир. Владыка много ездил по епархии, всем сердцем жил с пасомыми, был замечательным проповедником. С детства его более всего привлекал Святитель Тихон, пример которого и побудил его оставить епархию и стать духовным кормильцем всего русского народа. В 1866 г. он удалился в Успенскую Вышенскую пустынь, тамбовской епархии. С 1872 г. до самой кончины его в 1894 г. он пребывал в полном затворе.

“В свободное от молитвы время святитель-подвижник Предавался богомыслию, и плодом его вдохновенных созерцаний явились его духовно-литературные труды ... Все, что писал Вышенский затворник, извлечено было из пережитого им духовного подвига и запечатлено самобытной свежестью и глубокой жизненностью. Полные духовно-благодатного помазания, писания святителя Феофана не только побуждают христианина грешника к покаянию, исправлению и благодатному обновлению жизни во Христе, но и ведут к действительному примирению с Богом, с людьми и с своею совестью, указывая самые надежные, Богом дарованные, средства к достижению всего этого. Считая необходимым на ряду с духовным занятием иметь “какое-либо нехлопотливое рукоделье,” святитель Феофан в короткие промежутки между молитвой и умственными трудами занимался иконописью, резьбой по дереву, токарным, столярным и переплетным мастерствами. Иногда он летом, в ясную погоду по вечерам, любил производить наблюдения над небесными светилами посредством телескопа. Глубоко сострадавая неимущим, Святитель Феофан всю свою архиерейскую пенсию рассылал вдовам, сиротам, и прочим нуждающимся (оставляя себе лишь небольшую часть для покупки

любимых книг); особенно много благотворений делалось им пред праздниками Рождества Христова и Пасхи. Еще обширнее были его дела милости духовной, состоявшей в его громадной переписке, которой он посвящал немало времени. Ежедневно со всех концов России поступали к нему, иногда сразу в количестве нескольких десятков, письма с выражением духовных и телесных скорбей, и ни одно из них не оставлялось им без ответа. Из тиши своего затвора, всегда зорко следя за всеми явлениями церковной и общественной жизни, он горячо вооружался по поводу уклонений ее от истинного пути, а в своих письмах ревностно изобличал заблуждения современных ему пашковцев, ирвингиан и толстовцев, побуждая и других противопоставлять им “духовное воинство.” Всего в настоящее время имеется в печати десять книг собрания писем святителя Феофана, представляющих истинное духовное сокровище. Вообще в лице святителя Феофана, посвятившего всю свою жизнь служению спасения ближних, мы имеем, как писал о нем Высокопреосвященный Никандр, архиеп. Виленский (Владыка Никандр Молчанов, архиеп. Литовский и Виленский, 1852-1910, магистр богословия, быв. ректором Петербургской дух. академии), общего христианского учителя при его безмолвии, общественного деятеля — в затворе, церковного проповедника, всюду слышимого, хотя и не являвшегося в последнее время на церковной кафедре; миссионера — обличителя сектантских заблуждений, хотя и не вступавшего на поприще открытой миссионерской деятельности; яркого светильника учения Христова для народа православного, хотя и укрывшегося от взоров народных; никакого почти недостатка материального не имевшего, но всех богатившего и богатящего духовным достоянием учения своего; не искавшего временной земной славы, но прославленного теперь и людьми, и наукою, и целыми учреждениями. И русский православный народ глубоко почитает память святителя-затворника, молясь об упокоении его души и возжигая свечи у его гробницы с молитвенными прошениями к нему о помощи в Своих нуждах” (С. В. Булгаков. Настольная книга для священно церковнослужителей. Изд. III. Киев. 1913).

В царствование имп. Александра II, при освобождении в 1861 г. крестьян от крепостной зависимости, монастырям, в замен прежней казенной прислуги, было ассигновано до 168200 руб. на наем таковой. Постепенно увеличивались штатные суммы на содержание обителей; к 1890 г. они возросли до 425.000 р.

В 1876 г. братство афонского Пантелеймонова (Руссика) мон. задумало устроить обитель на Кавказе на месте погребения Ап. Симона Кананита и послало туда иноков, которым удалось для этого получить в дар монастырю 427 десятин земли в Абхазии, в 25 в. от Сухума, на берегу Черного моря. В 1876 г. для руководства работами был послан иером. Иерон (Васильев). Крестьянин костромской губ., род. ок. 1830 г., образования домашнего, он с 1862 г. был послушником Пантелеймонова мон. Наделенный от природы большими способностями, сильным умом, неутомимую энергией и великими силами души, будучи иноком-подвижником, о. Иерон выработал из себя опытного архитектора и художника-инженера. Он решительно занялся постройкой зданий. Вспыхнувшая вскоре война с Турцией повлекла разграбление и сожжение устроенного им. По окончании войны иг. Иерон вскоре восстановил монастырь. В 1879 году освящена была новая церковь. В 1889 г. он поставлен был архимандритом. Им восстановлен древний храм во имя св. Ап. Симона Кананита. Архим. Иерон создал большое монастырское хозяйство — фруктовые сады, виноградники, водопровод, электрическое освещение и пр.

В XIX в. штатных монастырей (с определенным содержанием от казны) учреждалось немного, но общее число их сильно возросло. Имело в этом отношении значение присоединение Грузии и Бесарабии и обращение униатских монастырей — в православные. Всего более содействовало увеличению монастырей учреждение т. н. женских общин. Последние начали создаваться с издания штатов 1764 г. и состояли из сестер, исполнявших монастырские правила, но без пострижения, в роде послушниц и белиц. В эту страшную эпоху для мона-

стырей многие послушницы и белицы остались на произвол судьбы, после закрытия невошедших в штаты женских обителей и перевода их монахинь в штатные монастыри. Они оставались жить на прежних местах или селились при церквях, содержались милостынею от окрестных жителей. Последним они служили уходом за больными, обучением детей и пр. Постепенно в разных местах стали возникать и другие общины с целью давать приют женщинам, посвящающим себя Богу без пострижения, для служения ближним при общинных больницах, приютах, училищах и пр. Многие общины потом сделались настоящими женскими монастырями. Из 127 общин, возникших до 1890 г., до 78 преобразованы в общежительные обители. Число их потом все возрастало. Некоторые из них, образовавшиеся в раскольничьих местностях или среди инородцев и иноверцев Западного края, имели особенно важное значение, быв благотворными источниками просветительного и нравственного влияния на обширные округа. Таковым был напр., известный Богородицкий Леснинский мон., основанный в 1889 г. из существовавшей с 1884 г. женской общины. Находился он в посаде Лесно в 12 в. от г. Янова и состоял сначала в Холмеко-Варшавской епархии, а затем самостоятельной Холмской. Община создавалась для ограждения местного православного населения от латино-польской пропаганды. При монастыре имелась школа с большим интернатом для детей, в котором их обучали разным прикладным знаниям. Настоятельницей монастыря состояла матушка Екатерина (гр. Ефимовская; Во время первой мировой войны монастырь эвакуирован был в Шабский Вознесенский м. в Бесарабии, отсюда — в Хоповский мон. в Югославии, позже — в Фуркэ, вблизи Парижа).

В 1881 г. право открытия новых обителей и общин предоставлено было Свят. Синоду, без испрашивания на то Высочайшего разрешения, если при этом не встречалось надобности в назначении казенных средств. В 1893 г. К. П. Победоносцев испросил Высочайшее повеление о предоставлении обер-прокурору права увеличивать, сверх существующих штатов, число монашествующих в таких монастырях, где на это имелись местные монастырские средства.

Всех монастырей, пустыней, скитов и женских общин (не считая немногочисленных приписных монастырей, в которых жили несколько монахов для отправления богослужений) существовало к 1 июля 1896 г. 789 (в число это входили 15 единоверческих), из них 495 мужских, в том числе лавры: Успенская Киевская, Троицкая Сергиева Московская, Александроневская Петербургская и Успенская Почаевская, 64 архиерейских дома, 7 ставропигиальных. За всю историю России наибольшее число монастырей основано в XIX столетии — 241. Ранее более всего основано было в XVII столетии — 145. (Энцикл. Словарь. Монашество).

Ставропигиальные монастыри, состоявшие в непосредственном ведомстве Св. Синода: Новоспасский, Симонов, Донской и Заиконоспасский в Москве, Вознесенский (Новый Иерусалим), Спасояковлевский в Ростове и Соловецкий.

По данным всеподданнейшего доклада обер-прокурора Св. Синода, к началу 1908 г. состояло: в мужских монастырях — 9317 монашествующих и 8266 послушников, в женских монастырях и общинах — 12625 монашествующих и 40275 белиц. (С. В. Булгаков. 1913).

Как и конец XVIII в. (стр. 627-34), начало XIX в. было временем возрождения и нравственного подъема русского монашества. Вспыхивали добрые семена, посеянные архим. Паисием (Величковским). Проявлялось все больше то, что порождено было монахолобивой деятельностью митрополитов новгородского и петербургского Гавриила и московского Платона. В 1802 г. скончался игумен Феодосий (Маслов), ученик Паисиев, управлявший с 1779 г. древней (начало XV в). Молченской Софрониевой Рождество Богородицкой Печерской пустыней в курской еп. Им введен был в ней устав по чиноположению св. Афона. В Сарове закончил в 1809 г. свою подвижническую жизнь игумен Валаамский Назарий (Кондратьев), вернувшийся за пять лет до преставления в родную обитель. Под его руководством в там-

бовской и нижегородской губерниях образовался ряд женских обителей. После него осталось “Старческое наставление” для монашествующих.

Известными учениками Паисиевыми были: старец Адриан, вызванный митр. Гавриилом из Брынских лесов для настоятельства в Коневецком мон. (†1812 г.); Клеопа, строитель Введенской Островской пуст. владимирской еп.; схимонах Афанасий (Захаров) б. гусарский ротмистр, в пустынях Успенской Флорищевой владимирской еп. и Богородицкой Площанской орловской еп. (†1823 г.); схимонах Феодор, помогавший некогда Паисию в его переводах в Нямецкой обители, проживший около 20 лет в молдавских монастырях, в России же живший в разных монастырях и везде претерпевавший гонения за то, что принимал других монахов “на откровение помыслов,” т. е. за старчество, которое еще неизвестно было даже на Валааме (†1822 г. в Свирской обители); строитель Иоанно-Предтеченской Белобережской пуст. орловской еп. Василий, умерший в 1831 г. в Площанской пуст.; архим. Феофан (Соколов), управлявший 36 лет древним Кирилловым Новоозерским мон., скончавшийся в 1832 г. благочинным нескольких монастырей. Он особенно заботился о Горицкой обители, во главе которой была благочестивая и опытная игуменья Маврикия. Все они заботились исполнять заветы своего великого учителя, кто же из них стоял во главе обителей, вводить в оных духовное подвижничество архим. Паисия.

Духовною дочерью архим. Феофана была будущая игуменья Феофания (Готовцева), урожденная Шулепникова, дворянка костромской губ. (1787-1866). Воспитанница Екатерининского института в С. Петербурге, любимица имп. Марии Феодоровны, она потеряла мужа, выступившего в 1809 г. в поход через шесть недель после брака и вскоре убитого в сражении со шведами. Духовную поддержку оказал ей о. Феофан. В 1818 г. она приняла постриг в Горицком мон., где проходила послушания под руководством игуменьи Маврикии. Примеру ее последовали сестра и три родственницы. С 1845 г. мать Феофания была назначена игуменьею восстановленной имп. Николаем I обители, основанной имп. Елисаветой в столице и обращенной имп. Екатериной в общество благородных девиц (Смольный монастырь). Выбрана она была митр. Антонием, который хорошо знал ее. В 1849 г., по воле государя, началось сооружение в С. Петербурге Воскресенского Новодевичьего мон. Имп. Николай I говорил иг. Феофании: “Я сам буду вашим архитектором.” К 1861 г. монастырь был сооружен; через пять лет иг. Феофания скончалась.

Крепко держалось в Валаамском мон. истинное монашество, укрепленное игуменом Назарием. Особым благочестием выделились в XIX столетии строитель Иоанафан, строитель и благоустроитель обители, игумен Дамаскин (†1881 г.), схимонах Иоанн (1810-94), рясофорный монах Феодор (†1838), монах Вениамин и схимонах Агапий, скончавшийся в 1905 г. Недалеко от Коневского скита, с церковью во имя иконы Коневской Божией Матери, находилась пустынька иг. Дамаскина. Она была местом обитания подвижника; в ней находились четыре маленькие кельи, в одной из которых стоял деревянный неокрашенный гроб, в котором строгий пустынножитель, для памяти смертной, полагал на краткие отдохновения многотрудное тело свое (С. В. Булгаков).

Инок Валаамский Герман прославил себя подвижническим житием и миссионерством. Происходя из серпуховских купцов, он 16 лет вступил в Сергиеву пустынь (под Петербургом); через пять лет, получив чудесное исцеление от Пресвятой Богородицы, перешел на Валаам. Там он привязался душой к иг. Назарию, благословившему его жить в глухом лесу, дозволив по праздникам петь на клиросе. Он был выбран мудрым игуменом в числе нескольких иноков, отправленных в 1793 г. митр. Гавриилом на Аляску (см. стр. 648). Более сорока лет подвизался он близ о-ва Кадыяка на небольшом и живописном острове Еловом, названном им “Новым Валаамом.” Сухова была его жизнь. “Он таскал для топлива большие деревья, которые могли бы снести только четверо, возделывал огород, принося для удобрения его

в громадном коробе морскую капусту; на зиму делал запасы грибов и соли, добывая ее из морской воды. Все добытое он употреблял на пищу, одежду и книги для своих воспитанников-сирот,” пишет Е. Поселянин. Скучно было его питание. Постель состояла из узкой доски с изголовьем из кирпичей; одеяла не было. Тело свое, изнуренное бдением, сокрушал он 15-фунтовыми веригами, найденными после его преставления в 1837 г., на 81 году жизни. Алеуты часто приходили к нему. Он помогал им, разбирал их неприятности, мирил. Особенное самоотвержение проявил он во время повальной язвы в тех местах. Для просвещения алеутов о. Герман устроил жилище для сирот и учил их Закону Божию и церковному пению. Увлекательны были беседы, которые он вел после богослужений. При жизни и после кончины он проявил себя чудесами. (“Русские подвижники XIX века.”).

Справедливо наименование монахлюбцем благочестивого митрополита киевского Филарета (Амфитеатрова). Столь многим обязана ему Оптина пустынь, в бытность его епископом калужским (1819-25). В Киеве, в течение 30 лет, он чувствовал себя, как в родной стихии, среди братии Печерской Лавры, Выдубецкого мон., Голосеевской и Китаевской пустынь. Древняя обитель достигла при нем высшей степени благоустройства. Митрополит сам стал в ряды иноков, как простой, только старший, брат, называя себя “непотребным служкой Пресвятой Владычицы и св. Первоначальников обители сия.” Другом его и духовным отцом был лаврский духовник иеросхимонах Парфений (1790-1855), которого он немногим пережил. Парфений, в миру Петр Краенопевцев, сын причетника тульской еп., еще в юношеские годы имел необыкновенные видения. Не закончив семинарию, он ушел в Лавру, где первыми наставниками его были наместник Антоний (Смирницкий), будущий праведный архиепископ воронежский, прозорливые старцы Вассиан слепец и Михаил схимник. Парфений всецело предан был молитве, “которая,” по словам Е. Поселянина, “вросла в сердце и действовала даже во сне.” Необыкновенно было его усердие к Матери Божией. Величайшей отрадой Парфения было ежедневное служение литургии в домово́й церкви митрополита. Весну и лето он проводил с владыкой Филаретом в Голосеевской пустыни. Там, в чаще леса, была его келья. Многочисленны были посетители, искавшие его наставлений. Был он наставником отрока, исцеленного митр. Филаретом от немоты, оставшегося в Лавре, будущего старца Алексея Голосеевского, преставившегося перед самой революцией, предсказывавшего в январе 1917 года, что в России будут закрываться монастыри и храмы. Составитель жизнеописания митр. Филарета писал: “Велика была любовь святителя к старцу, но беспредельна и преданность старца святителю; и этот духовный союз, только на время прерванный смертью Парфения, составлял для обоих утешение в их подвижническом странствии в житии сем. Душа архипастыря, утомлявшаяся нередко многотрудными занятиями своего сана, отдыхала в беседе просвещенного духом, но младенствующего понятиями о всем земном, старца; а душа старца с безусловным доверием опиралась о мудрость архипастыря.” Преставился Парфений в день Благовещения, совпадавший в 1855 г. со Страстной пятницей. Владыка Филарет на своих руках выносил его гроб и схоронил его в Голосеевской пустыни, в храме Пресвятой Девы во имя ее Живоносного Источника. Современником старца Парфения был иеросхимонах Феофил (Горенковский), сын священника киевской епархии (1788-1853). Страшно было его детство. Возненавидевшая ребенка Фому мать несколько раз пыталась его утопить. Мальчика сначала воспитывали сердобольные люди; потом он был отдан дяде, иноку Братского мон. в Киеве; там учился в академической школе, не окончив ее, стал послушником. Будучи иеромонахом, он пострижен был в 1834 г. в схиму и принял на себя подвиг юродства. Проживал он в Голосеевской и Китаевской пустынях (Обе пустыни были приписаны к Лавре. Китаевская, в 9 в. от Киева, основана была, по преданию, в XII в. кн. Андреем Боголюбским; Голосеевская, в 8 вер. от Киева, основана в 1631 г. митр. Петром Могилою); больше в последней, где, предвидя время своей кончины, преставился 28 окт., в день памяти великомуч. Параскевы, им особенно чтимой.

Монахлюбие митр. Филарета отразилось и на Киевской Академии, которая никогда еще не выпускала из своих стен столько монахов, как при нем. В это же время в академию поступали и иностранцы православные, иногда оставляя для этого парижский и германские университеты. Большинство из них были уроженцы балканских стран. Среди них прославились в будущем митр. сербский Михаил, а также видные молдавские митрополиты Вениамин и Филарет (Попеску-Скибан).

Митр. Филарет преподавал братству Лавры пространные наставления. Он внимательно следил за монашескою жизнью и отдавал распоряжения о послушаниях и по другим предметам; требовал он сохранения во всей полноте и точности древнего лаврского благоговейного пения. Особые чин священнодействия в Лавре и пение произвели в 1816 г. такое огромное впечатление на имп. Александра I, присутствовавшего на литургии, совершавшейся митр. Серапионом (Александровским), что он заповедал сохранять на веки чин и пение. Митр. Филарет в своих наставлениях строго запрещал клирошанам разговоры, бесчинные взирания назад и по сторонам, запрещал допускать на клиросы петь кого бы то ни было, кроме клириков и канонархов.

В XIX столетии особенное значение приобрели Оптиная пустынь, Саровский и Дивеевский монастыри. Оптина Введенская пустынь расположена на левом берегу р. Жиздры в огромном сосновом лесу, в 4-х верстах от г. Козельска, калужской губ. Основание ее относят к XVI в. Предание приписывает название обители легендарному предводителю разбойников Опте, потом раскаявшемуся и сделавшемуся отшельником. Вернее же предположение, высказанное Е. В., составителем книги: “Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (калужской губернии). 1902.” Он полагает, что монастырь сначала был общим для старцев и стариц, имевших свои половины, и управлялся одним духовным лицом, что раньше допускалось. Московским собором 1499 г. общие монастыри были запрещены. По академическому словарю церковно-славянского и русского языка (1847 г.), слово “обет” употребляется в творительном падеже, обозначая целое количество. К этому добавим свидетельство Даля, что слова обет, опт обозначают общий.

Известно, что царь Михаил Феодорович пожертвовал землю, ладан и свечи обители, разоренной в смутное время XVII века и восстановленной в 1629 г. Упразднена она была в 1724 г., восстановлена в 1726 г. До конца XVIII в. обитель существовала скудно, главным образом, милостынями отдельных благотворителей; настоятелями ее были престарелые монахи. Решительный поворот в судьбе обители произошел благодаря владыке Платону (Левшину), митр. московскому и калужскому. Он посетил монастырь, нашел его местоположение очень удобным для пустынножительства, на подобие Песношского мон. Он вызвал в Москву настоятеля последнего, архим. Макария, состоявшего в переписке с архим. Паисием (Величковским). Владыка просил его дать из своего монастыря способного и вполне благонадежного инока. Макарий, с обычной простотой, ответил: да у меня нет таких, владыко святой; а вот разве дать тебе огородника Авраамия?” При личном свидании, последний понравился митрополиту и, вопреки своему желанию, был послан устроить обитель, которую нашел в очень запущенном состоянии, имевшей трех монахов глубокой старости. Архим. Макарий убедил нескольких иноков Песношского мон. перейти в Оптину. Руководствуясь заветами старца Паисия, он наставлял о. Авраамия, который очень много сделал для обители. Много забот в отношении ее проявлял первый епископ самостоятельной калужской епархии, владыка Феофилакт (Русанов), правивший с 1799 по 1809 г.г. Много потрудившийся, построивший два храма, иг. Авраамий скончался в 1817 г.

Владыка Филарет (Амфитеатров), свое епископское служение начал в калужской епархии. Со старчеством он ознакомился в бытность свою инспектором и ректором Орловско-Севской семинарии. Будучи одновременно настоятелем Брянского Свенского мон., он уста-

новил духовную связь с проживавшими в соседнем Челнском мон. схимонахом Феодором, учеником Паисиевым и настоятелем сей обители о. Леонидом (Наголкиным), духовным сыном Феодора. Епископ Филарет, при первом обзоре епархии, нашел месторасположение Оптиной пустыни весьма удобным для уединенной монашеской жизни и решил ввести там более благоустроенное общежитие со скитом для иноков-аскетов, способных к созерцательной жизни. Взор его обратился на известных по духовным подвигам старцев: Досифея, Варнаву, Никиту, Иакова, Василиска, Зосиму, Адриана, Афанасия и, присоединившихся к ним в 1811 г., Моисея и Антония, проживавших в Рославльских лесах смоленской губ., на земле помещика Броневского. Еп. Филарета осведомил о них оптинский схимонах Вассиан. Лично владыка познакомился с о. Моисеем, представленным ему настоятелем Оптиной пуст. иг. Даниилом. 15 дек. 1820 г. еп. Филарет предложил начальнику Рославльских старцев, Афанасию, переселить часть их в Оптину пустынь “для безмолвного и отшельнического жития, по примеру св. отцов пустынножителей.” Владыка дозволил им выбрать там подходящее для себя место. Дружина первых Рославльских отшельников, под водительством о. Моисея, 6 июня 1821 г. прибыла в Оптину пуст. и водворена была на монастырской пасеке. Старцы Афанасий и Досифей остались на своих местах. Для пустыни и скита введен был еп. Филаретом устав Коневского мон.

Архимандрит Моисей (Путилов), род. в 1782 г., сын серпуховского купца, начал свою службу в Москве у откупщика. С детства он и его два младших брата отличались религиозною настроенностью. Находились они под духовным влиянием старцев московского Новоспасского мон. Филарета и Александра. Большое влияние на юношей имела также и старица московского Иоанновского мон., монахиня Досифея (по общему мнению княжна Тараканова), направившая их к сим старцам. Моисей (тогда Тимофей) и брат его Антоний (тогда Александр) поселились в Рославльских лесах. Брат Иона ушел в Саров, где впоследствии был настоятелем. Под руководством старцев, вышедших из обители Паисия, они опытным путем учились “умному деланию,” т. е. внутреннему вниманию, искусству разбираться в своих помыслах, бороться со своими страстями, и преодолеть их непрестанною Иисусовою молитвою. В свободное от занятий время Моисей читал и переписывал святоотеческие книги. Он был первым устройтелем скита. В 1825 г. иг. Даниила перевели настоятелем в Добринский мон., рязанской епархии. 12 сент. 1826 г. новый владыка Григорий (Постников) утвердил о. Моисея в управлении и настоятельстве пустынью. Тридцать шесть лет стоял он во главе пустыни и скончался в 1862 г. Годы эти были временем наибольшего ее развития, как в духовном, так и в хозяйственном отношении. Желание владыки Филарета об установлении в пустыни благоустроенного общежития с высшими аскетическими подвигами вполне осуществилось. Понес архим. Моисей на себе и всю тягость забот об обеспечении братства пустыни и скита жизненными потребностями. В душеспасительном делании его помощниками были привлеченные им в обитель старцы: сперва — Леонид, потом — Макарий. Ближайшим же его сотрудником в последние годы был брат, игумен Антоний, поселившийся в пустыни и скончавшийся через три года после него. Прот. С. Четвериков (“Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания.” Париж. 1926) писал: “Если о. Моисею преимущественно был присущ дар мудрости, то о. Антонию было более свойственно нежное, любящее сердце, о чем свидетельствуют и его записки, и его письма, напечатанные после его смерти.”

Преемник о. Моисея, архим. Исаакий (Антимонов), сын богатого курского купца, с детства, под влиянием деда, был верующим. Глубокое религиозное чувство жило в нем и влекло его в иной мир. Выехав однажды на ярмарку, он, будучи 38-летним, свернул в пути в Оптину пустынь. После беседы с старцем Леонидом, который, не зная его, назвал по имени, он навсегда остался в обители. В скиту Исаакий прожил 16 лет. Прот. С. Четвериков пишет о нем: “Это был удивительный человек, олицетворение простоты, естественности, скромности и

глубокой молитвенной собранности. Он не мог без слез совершать литургию. Его преданность и послушание старцу было всецелым.” Отсутствие школьного образования он восполнил внутренним духовным опытом жизни и чтением святоотеческих книг, преимущественно Аввы Дорофея и Иоанна Лествичника. Приходя на церковные службы по первому удару колокола, он требовал того же от братии. Продолжал он хозяйственное устройство обители. Скончался архим. Исаакий в 1894 г., 85 лет от роду.

Первым, установившим особенности подвижничества Оптиной пуст., был иеросхимонах Леонид (Наголкин), в схиме Лев, ученик учеников Паисиевых. В мире Лев, он род. в 1768 г., был мещанином г. Карачева, орловской губ.; в молодости занимался торговлей. В 1797 г. он ушел в Оптину пуст. и, прожив там два года, перешел в Белобережскую пуст., где сблизился со своим земляком Феодором, учеником Паисия. Братия избрала Леонида настоятелем. Таковым он пробыл недолго и поселился в соседнем лесу, в уединенной келии, вместе с единоклассниками Феодором и Клеопой. Потом он подвизался в Валаамском и Александровском монастырях. По смерти в 1822 г. Феодора, он перешел в Челнский мон. орловской еп., а затем в Оптину пустынь. Поселившись в 1829 г. в скиту Оптиной пустыни, о. Леонид сделался средоточием духовной жизни обители, ее первым старцем. Он отличался необычайной живостью и яркостью внутренней жизни, но старался прикрывать свои дарования некоторым видом юродства. В нем не было ничего напускного, заученного, формального. Народ любил его и теснился к нему. Епархиальное начальство относилось к нему недоброжелательно, налагало на него разные ограничения, запретило даже носить схимническое одеяние. Но защитниками его являлись игумен Моисей и оба митрополита Филарета. Старец Лев скончался в 1841 г., 72 лет от роду.

Известны ученицы старца Льва, благодаря которым обычай руководства старцами перешел в начале сороковых годов в Крестовоздвиженский Белевский женский мон. Тульской еп. Ученицами его там были: Павлина — настоятельница, Магдалина — казначея и Анфия.

За семь лет до кончины старца Леонида в скит прибыл иеромонах Макарий (Иванов). Дворянин орловской г., он родился в 1788 г.; обучался в приходском училище, дополнив свое образование в семействе своих родных Предельских; занимался потом хозяйством. В 1810 г. он, по склонности к монашеской жизни, удалился в Площанскую пуст.; где подвизался десять лет под руководством старца Афанасия (Захарова.), по смерти которого установил переписку с старцем Леонидом. В 1817 г. он был рукоположен в иеромонаха. По прибытии в скит, он сделался ближайшим помощником старца Леонида. Прот. С. Четвериков пишет: “Семь лет продолжалась совместная жизнь и деятельность старцев Леонида и Макария. Тесная духовная дружба связывала их. Нередко они даже писали общие письма своим духовным детям за своею общею подписью. Между тем они были совершенно не похожи друг на друга ни по внешности, ни по характеру. Отец Лев, из купцов, крупный и представительный, был прям, грубоват и резок и отличался не столько начитанностью в духовных писаниях, сколько духовно-практическою мудростью. Отец Макарий, из дворян, был слабого сложения, некрасив, с неправильностью в устройстве глаз и в речи, обладал мягким и кротким характером, эстетическими наклонностями, в молодости даже играл на скрипке, знал и любил церковное пение, любил цветы, был очень начитан в церковной литературе, имел склонность к ученым, кабинетным занятиям. Оба старца как бы дополняли друг друга. Со смертью о. Леонида (Льва) бремя старчества легло всецело на одного о. Макария и он нес это бремя в течение 19 лет до самой своей кончины, последовавшей 7 сент. 1860 г. При нем деятельность Оптиноско-го старчества получила новое направление. Отец Леонид являлся по преимуществу руководителем душ, прибегавших к нему за помощью, и целителем их немощей и болезней. Он имел дело большею частью с иноками и крестьянами. При о. Макарии впервые началось сближение с Оптиной пустыней представителей русской науки и литературы. Произошло

это, главным образом, на почве издательства Оптиной пустынь рукописей старца Паисия Величковского, хранившихся в скитской библиотеке и занесенных туда в разное время разными лицами.”

Почин в этом деле проявили супруги Иван Васильевич и Наталия Петровна Киреевские, жившие в своем имении Долбино, Бельского уезда, в 40 в. от пустыни. Они были духовными детьми старца Новоспасского м. Филарета, от которого много слышали о старце Паисии и его творениях. Они сблизилась с отцами Моисеем и особенно с Макарием, бывавшим и в их имении. У них трех и возникла мысль напечатать драгоценные, в духовно-подвижническом отношении, писания. На это они получили благословение митр. Филарета (Дроздова). Старец Макарий написал первые страницы предисловия к изданию. В деле издательства принимали участие профессора Московского университета Ст. Петр. Шевырев и Московской духовной академии прот. Феодор Голубинский, который был и цензором издания. Во всех затруднительных случаях обращались за указаниями к митр. Филарету, который даже вызывал к себе старца Макария. В январе 1847 г. была напечатана первая книга: “Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского.” Потом последовало издание переводов старца Паисия святоотеческих книг. Издательская деятельность о. Макария с Киреевскими продолжалась до самой кончины Ивана Вас., последовавшей в 1856 г. В пятидесятых годах близкое участие в издательской деятельности о. Макария принимал Третий Ив. Филиппов, впоследствии государственный контролер. В эти же годы посетил Оптину пустынь и старца Макария Н. В. Гоголь.

Около о. Макария составила группа помощников, обладавших богословским и высшим образованием, в которую входили: о. Амвросий (Гренков), вполн. старец Оптинский; о. Леонид (Кавелин), вполн. наместник Троице-Сергиевой Лавры; о. Климент (Зедергольм), магистр филологии Московского университета; о. Ювеналий (Половцев), впоследствии епископ курский (с 1893 г.) и архиеп. литовский и др. После кончины о. Макария, заботами Н. П. Киреевской, были напечатаны его письма к монашествующим в 4 т. и к мирским особам в I томе, заключающие в себе драгоценные уроки христианской жизни, основанные на писаниях отцов-подвижников и собственном огромном опыте, чуткости и пронизательности смиренного и любящего сердца, изложенные с удивительной простотой, напоминающею творения этого рода св. Тихона Задонского.

С 1853 г. о. Макарий посвятил себя старчеству, сложив обязанности скитоначальника и братского духовника и передав эти обязанности старшему иеромонаху Пафнутию. Только некоторых монахинь и мирских особ продолжал он еще принимать к себе на исповедь до конца жизни, уступая усиленным желанием их и просьбам. Когда некоторые из духовных дочерей его спрашивали, к кому благословит он обращаться после его кончины, он одним указывал на о. Амвросия, другим на своего иеромонаха Илариона. Первый долго болел и сначала об его духовных дарованиях знали немногие посторонние лица. Посетители же о. Макария, встречая постоянно, около 20 лет, келейником при нем о. Илариона, по большей части, стали, по кончине о. Макария, относиться к о. Илариону, как к старцу. (“Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита.”).

О позднейшем скитоначальнике иеромонахе Иларионе известно, как о верном и опытном в духовной жизни ученике старца Макария. По кончине последнего он был духовным отцом Киреевской и был ею очень почитаем. Когда в 1874 г. о. Иларион скончался, начальником скита стал молодой еще иеромонах Анатолий (Зерцалов), учившийся в калужской духовной семинарии, ученик старцев Макария и Амвросия. Он — по словам прот. Четверикова — говорил о себе, что двадцать лет молил Бога дать ему простоту, и, наконец, вымолил ее. “Его,” пишет о. Четвериков, “считают опытным делателем Иисусовой молитвы. Когда впоследствии старцем Амвросием была устроена Казанская Шамординская женская община, о.

Анатолий стал ближайшим помощником старца в деле устроения этой обители и в духовном руководстве сестер. Имеются в печати его письма к монахиням, проникнутые особенным, восторженным, каким-то “пасхальным” одушевлением, и в этих письмах он постоянно напоминает о необходимости неустанной внутренней Иисусовой молитвы и указывает, как можно научиться и преуспеть в этой молитве. Будучи весьма скромным, он обладал чувством высокого личного достоинства и во всяком обществе умел быть одинаково общительным, занимательным и учительным. Шамординские сестры сохранили о нем самое светлое воспоминание, как о своем мудром и любвеобильном старце. Со старцем Амвросием у него всегда были самые искренние и близкие сыновние духовные отношения.” Отец Анатолий скончался в январе 1894 г.

Старец иеросхимонах Амвросий (Гренков) был сыном причетника тамбовской епархии; род. в 1812 г. Он окончил духовную семинарию, был преподавателем Липецкого духовного училища. Дав еще в семинарии, во время опасной болезни обет постричься в монахи, он не сразу выполнил его. Посетил он подвижника Илариона Троекуровского и выслушал от старца указание: “Иди в Оптину пустынь — и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет таких опытных старцев, как прежде” (преп. Серафим преставился незадолго перед этим). Он так и поступил в 1840 г. Старец Леонид с любовью принял его под свое ближайшее руководство и, умирая, передал Амвросию о. Макарию, сказав при этом: “Передаю его тебе из полы в полу. Уж больно он ютится к нам, старцам.” Отец Амвросий помогал о. Макарию в его издательской деятельности, продолжая заниматься этим и после его кончины. Но вообще то у него не было склонности к книжным и кабинетным занятиям. “Его душа,” пишет прот. Четвериков “искала живого, личного общения с людьми, и он скоро стал приобретать славу опытного наставника и руководителя в делах не только духовной, но и практической жизни. Он обладал необыкновенно живым, острым, наблюдательным и проницательным умом, просветленным и углубленным постоянною сосредоточенною молитвою, вниманием к себе и знанием подвижнической литературы. По благодати Божией его проницательность переходила в прозорливость. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Легким, никому незаметным намеком, он указывал людям их слабости и заставлял их серьезно подумать о них.”

Е. Поселянин в брошюре: “Детская вера и Оптинский старец Амвросий” (Петерб. 1901 г.), пишет: “Меня покорила его святость, которую я чувствовал, не разбирая в чем она, и та непостижимая бездна любви, которая, как следствие его святости, была в нем. Я теперь стал понимать, что назначение старцев благословлять и одобрять жизнь и посылаемые Богом радости, учить людей жить счастливо и помогать им нести выпадающие на их доли тягости, в чем бы они ни состояли.”

К о. Амвросию прибегали за советами и помощью православные и иноверцы, простые люди и ученые. В числе его ближайших пасомых состоял иером. Климент (Зедергольм), в мире Константин, бывший реформат, окончивший историко-филологический факультет Московского университета, принявший в 1853 г. в скиту православие, служивший некоторое время в Св. Синоде, с 1862 г. поступивший в скит. Он помогал болезненному о. Амвросию в обширной переписке с духовными чадами и принимал деятельное участие в изданиях Оптиной пустыни. Превосходное знание им древних и новых языков делало его незаменимым сотрудником по переводам святоотеческих трудов. Известны и его самостоятельные труды.

Скончался он в 1878 г. Духовным сыном о. Амвросия был известный писатель и философ, бывший русский консул в Турции, знаток православного Востока, Константин Ник. Леонтьев (1831-91). Он поселился в 1887 г. в Оптиной пустыни, в которой бывал и ранее. Через четыре года Леонтьев принял там тайный постриг, с именем Климента, и, по указанию о. Амвросия, переехал в Черниговский скит Троице-Сергиевой Лавры. Скончался он в Серги-

евом посаде. Имеется его брошюра: “Православный немец Климент Зедергольм” (1880). В 1878 г. приезжали к о. Амвросию Ф. М. Достоевский и философ В. С. Соловьев, Три раза был у него гр. Л. Н. Толстой. После последнего его посещения в 1890 г., о. Амвросий сказал про него: “Горд очень.”

С. В. Булгаков в своей “Настольной книге” пишет о старце Амвросии: “Толпы народа со всей России, изо дня в день и с утра до вечера, осаждали его пустынную келию, ища его благословения, помощи, утешения, совета и разрешения сомнений, а за народом пошли к нему великие и ученые мира сего. Старец встречал и провожал всех с отеческою любовью и лаской, и всякий, пришедший к нему, выносил от него неизгладимое впечатление. Обладая даром прозорливости и исцеления, он весьма многих отпускал с умиротворенною душою с облегченным сердцем и с зачатками лучшей жизни, и в его келии, под его влиянием, произошло не одно духовное возрождение. Его советы и наставления отличались необычайною жизненностью, его прозорливость поражала всех своею широтою и глубиною, теплота его любви ко всем притекающим к нему, была неистоцима. Несмотря на слабость своего здоровья, он до последних минут своей жизни никому не отказывал в совете, наставлении и помощи. Стекавшиеся к нему от его почитателей значительные пожертвования он обыкновенно делил на три части, употребляя одну часть на нужды скита и на помин жертвователей, малую часть на лампадное масло и восковые свечи, самую же большую на бедных. В последние годы своей жизни он много также жертвовал на женскую Казанскую общину в Шамордине. Подобно другим русским подвижникам последнего времени, старец Амвросий признавал великую нужду в женских обителях и старался об их умножении, склоняя преданных ему состоятельных людей к устройению женских общин (обращенных впоследствии в монастыри) и способствуя сам этому. Его заботами была устроена община в г. Кромах, Орловской еп.; много сил положено им на устройство Гусевской общины в Саратовской еп.; по его благословению возникли Козельщанская община в Полтавской еп. и Пятницкая община в Воронежской еп. Но главное его творение, его кровное и любимое детище была Шамординская община.”

В 1884 г. о. Амвросий основал в Шамордине, в усадьбе, пожертвованной его духовной дочерью, орловской помещицей Ключаревой, в иночестве Амвросием (†1881 г.), Казанскую женскую общину, с 1901 г. наименованную Казанской Амвросиевской пустынью. Обитель расположена в 12 вер. от Оптиной пуст. Начальницей обители старец выбрал свою духовную дочь, богатую и родовитую помещицу Софию Мих. Астафьеву, урожд. Болотову, скончавшуюся схимонахиней Софией. Прот. С. Четвериков пишет: “Имя старца Амвросия привлекло в обитель сестер со всех концов России, из всех классов общества. Пришли сюда и молодые курсистки, искавшие и находившие у старца указание смысла жизни; пришли богатые и знатные помещицы, вкладывавшие свои материальные средства на созидание обители. Были здесь и любительницы благочестия из купеческого звания, принимавшие иногда тайный постриг еще до поступления своего в монастырь. И особенно много было простых крестьянок. Все они составили одну тесную семью, объединенную безграничною любовью к собравшему их старцу, который со своей стороны любил их также искреннею отеческою любовью. С особенною любовью принимал он в свою обитель всех обездоленных, несчастных, бесприютных: “Таких-то, говорил он, нам и нужно.” “Внимательно следил старец за благоговейным и уставным выполнением церковных служб. По благословению о. Амвросия сестры, во всех своих монастырских нуждах, старались сами себя обслуживать. Заботился старец и о том, чтобы в его обители процветали не только молитва и труд, но и дела милосердий и помощи нуждающимся. В Шамордине был открыт детский приют, была устроена богадельня для неспособных к труду старух, не только монахинь, но и мирских, открыта школа для приходящих крестьянских детей. Неутомимыми и постоянными помощниками старца в Шамордине

были скитоначальник о. Анатолий, иеромонах о. Иосиф, буд. преемник старца, о. Венедикт, буд. заместитель о. Анатолия, о. Шор, буд. духовник обители и др. братья из Оптиной пустыни. Усердной исполнительницей воли старца была первая настоятельница обители, схимонахиня София, память которой чтится, как истинной праведницы. Преемницей ее была слепая игуменья Евфросиния, после нее мать Екатерина, а затем игуменья Валентина, при которой большевики произвели разгром монастыря. Она происходила из купеческого звания. Еще до поступления в монастырь, куда она не могла сразу прийти по семейным обстоятельствам, она приняла тайный постриг. В Шамордине и скончался старец Амвросий 10 окт. 1891 г. Погребен он был в Оптиной пустыни.

После кончины о. Амвросия старчество сперва распределилось между двумя его ближайшими учениками и помощниками — скитоначальником о. Анатолием и иером. о. Иосифом. По смерти же в янв. 1894 г. о. Анатолия, главным старцем стал о. Иосиф. Он жил в келье о. Амвросия, и, своею кротостью, смирением и преданностью памяти своего наставника, приобрел общую любовь. Про него о. Амвросий говорил своим духовным чадам: “Я поил вас вином с водой, а Иосиф будет поить вас цельным вином.” Преемником о. Анатолия по старчеству был для многих его преемник по должности скитоначальника, о. Венедикт. Он был воспитанником смоленской духовной семинарии и некоторое время священником в своей родной епархии. Отличаясь благоговейной жизнью, он, овдовев, пришел в Оптину пустынь, где исполнял обязанности письмоводителя при о. Амвросии. Под руководством отцов Амвросия и Анатолия он приобрел духовную опытность. Окончил он свою жизнь, в сане архимандрита, настоятелем Боровского Пафнутиева монастыря.

Другим учеником скитоначальника о. Анатолия был иеромонах о. Нектарий, опытный делатель умной Иисусовой молитвы. Он поступил в скит еще мальчиком, и большую часть своей жизни, провел в глубоком уединении, под руководством о. Анатолия. По кончине о. Иосифа, скончавшегося в 1911 г., о. Нектарий, с благословения настоятеля пустыни, поселился в келье о. Амвросия и стал принимать посетителей. Скончался о. Нектарий в 1926 г.

Среди бывших учеников о. Амвросия особенно выделился иеромонах о. Анатолий младший, который, после смерти о. Иосифа, стал главным старцем Оптиной пустыни. О. Анатолий,” пишет прот. Четвериков, ли по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостно любовному и смиренному обращению с людьми, напоминал преп. Серафима Саровского.” Скончался он, по-видимому в 1922 г.

Привлекала многих богомольцев Глинская Рождество-Богородицкая пустынь, в курской еп., находившаяся в 40 в. от г. Путивля. Основана она была в 1557 г. на р. Обесте, на месте явления в “глинском урочище” (в нем горшечники добывали глину) иконы Рождества Богородицы, на одной из сосен, из под которой истекал источник чистой воды. Здесь в сооруженной часовне поставлена была икона, перенесенная в собор, заложенный в 1770 г. Обитель прославилась своими духоносными мужами при возобновителе ее, игумене Филарете (1773-1841), видевшем у себя в пустыни душу преп. Серафима, уносящуюся 2 янв. 1833 г. в селения райские. Известны составленные Филаретом четыре устава для женских монастырей разных епархий. Устав, введенный им в пустыни, привлек в нее иноков, стремившихся к аскетической жизни. Известны монах Досифей (†1874), лицезревший в алтаре Божию Матерь; о. Лаврентий, предвидевший свою кончину в 1881 г.; келейник о. Филарета о. Евфимий, тело которого благоухало после кончины его в 1866 г.; инок Евгений (†1894); замечательный подвижник схимонах Архим. (†1896). В четверти версты от пустыни находился Ближний скит, где, около храма свв. Иоакима и Анны, под скромной чугунной плитой покоился иеросхимонах Макарий, 36 лет подвизавшийся в пустыни и преставившийся на 63-м году жизни в 1864 г.

В Саровской обители продолжал сиять старец Серафим, о котором писалось в части пятой (стр. 628). Когда он подвизался в т. н. “Дальней пустыньке” в глухом лесу, в 1804 г. на него напали, с целью ограбления, три крестьянина, нанеся ему тяжкие повреждения. Связанным бросили они его в сени келии, которую перевернули вверх дном в поисках денег. Нашли же разбойники только икону и немного картофеля. С трудом добрался потом старец до обители. Никто не надеялся, что он выживет, но исцеление последовало от, посетившей его в тонком сне, Божией Матери. Преступниками оказались окрестные крестьяне. Благостный старец настоял на не наказании их, заявляя, что в противном случае покинет обитель. На всю жизнь о. Серафим остался согбенным; ходил опираясь на топорик, мотыгу или палку. По выздоровлении, он снова удалился в свою пустыньку. Там посетил старца незадолго до своей кончины настоятель обители, о. Исаия, очень его почитавший. Когда о. Исаия ушел на покой, то братия выбрала настоятелем о. Серафима, но не получила его согласия. Новый настоятель о. Нифонт, достойнейший инок, очень любил старца. После смерти в 1807 г. о. Исаии, старец принял на себя подвиг молчаливчества, который продолжал и вернувшись в 1810 г. в монастырь. “В 1815 г. Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей,” пишет архим. Серафим (Чичагов; Архим. Серафим Чичагов, впоследствии архиепископ, написал большой труд “Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря.” С. Петербург. 1903 г.), данные которого здесь использованы), “повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставив себе в пример великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению,” 25 ноября 1825 г. Мать Божия, явившись в сопровождении святителей Климента, папы римского, и Петра Александрийского, память коих празднуется в сей день, разрешила о. Серафиму выйти из затвора и посещать обитель. С этого года началось попечение его о Дивеевской женской общине. Многочисленны были проявления старцем прозорливости и исцелений больных по его молитвам. Переписывался он с благочестивым архиепископом воронежским Антонием. Почитал о. Серафим духовника Саровской обители иером. Илариона, ученика игумена Назария, о котором не раз упоминалось. Старец Серафим направлял к нему приходивших дивеевских послушниц для исповеди и пострижения им их в рясофор. Посещал о. Серафима его давнишний духовный сын, старец Тимон, подвизавшийся в Надеевской пуст., костромской еп., и устроивший ее. Известно одно из наставлений, данных им ему: “Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от своего господина; но отдавай его торжникам: пусть куплю делают...” Близкими старцу Серафиму духовными людьми были, исцеленные им Михаил Вас. Мантуров и Николай Александрович Мотовилов. Последний опубликовал потом многое из сказанного ему святым старцем. Время кончины его, как видно из ряда слов и действий старца, было ведомо ему. Преставление его 2 января 1833 г. узвано было иноком, соседом старца по келии, вышедшим к ранней литургии. Он почувствовал сильный запах дыма, как оказалось от тлевших вещей и книг. Старец Серафим найден был скончавшимся на коленях, со сложенными крестообразно руками, перед образом Божией Матери Умиления.

С именем преп. Серафима неразрывно связана дальнейшая судьба Дивеевской обители, о которой упоминалось выше (стр. 625-6). С 1815 г. старец начал посылать туда сестер и поручил М. В. Мантурову купить в с. Дивееве землю; позднее же научил его как надо измерить поле. В 1826 г. на этом месте сооружена была мельница, питательница Дивеевских “сирот” — сестер. В 1825 г. о. Серафим решает создать вблизи старой обители свою собственную, в которую принимает одних девиц, почему она и называлась “Девичьею.” Архим. Серафим пишет: “До сих пор духовно работая над собою, он только готовился выйти на поле об-

щественного служения. Теперь настало такое время, с которого о. Серафим, ставши в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигу веры и душеспасительного назидания и руководства ближних... Он мог, по заповеди матушки Александры, обратить все свое внимание на устройство Дивеевской обители, обетованной Божией Материю.” Место для новой обители ему указала Сама Богородица, Которая обошла пределы будущего монастыря Своими стопами. Здесь преп. Серафим велел вырыть “канавку.” В 1827 г. создалась “Мельничная” община, в 1829 г. в ней выстроен был каменный храм во имя Рождества Христова. В 1842 г. общины соединены были в одну, с наименованием Серафимо-Дивеевской. В 1861 г. община возведена в Серафимо-Дивеевский Троицкий монастырь. В соборном храме во имя Живоначальные Троицы, оконченном сооружением в 1875 г., пребывала драгоценная святыня — икона Божией Матери “Умиления,” перед которой молился и скончался святой старец. В обители имелось многое, связанное с его памятью. В деревянном домике, как бы в футляре, находилась ближняя пустынька преп. Серафима. К началу XX столетия в монастыре было более 950 сестер. Обитель имела пять храмов, богадельню, больницу, училище для девочек, две гостиницы и много различных мастерских, мельницу, угодия.

В Дивеевской обители подвизалась блаженная старица, Христа ради юродивая, Пелагея Ивановна (Серебренникова), которой преп. Серафим, при первой встрече с ней, заповедал поселиться в сем святом месте. “Иди, матушка, иди немедленно в мою обитель,” сказал ей старец, “побереги моих сирот-то, и будешь свет миру и многие тобою спасутся.” Она прибыла в обитель в 1837 г. и преставилась в 1884 г. По указанию Пелагеи Ивановны, после ее кончины, поселилась в Дивееве, приходившая туда иногда и ранее, юродивая Прасковья Ивановна, крестьянка тамбовской губ., называвшаяся Паша Саровская, как спасавшаяся почти 30 лет, в вырытой ей пещере, в трудно проходимом тогда саровском лесу. Архим. Серафим, отмечая, что она бывала то чрезмерно строгой, сердитой, грозной, то ласковой и доброй, то горько-горько грустной, пишет: “Детские добрые, светлые, глубокие и ясные глаза ее поражают настолько, что исчезает всякое сомнение в ее чистоте, праведности и высоком подвиге. Они свидетельствуют, что все эти странности ее, иносказательный разговор, строгие выговоры и выходки — лишь наружная оболочка, преднамеренно скрывающая величайшее смирение, кротость, любовь и сострадание.” Во время открытия мощей преп. Серафима, ее посетила имп. Александра Феодоровна.

В 1812 г. в г. Мещовске, калужской губ., скончался юродивый Андрей, родившийся в 1744 г. в благочестивой деревенской семье. Придя в возраст, он много молился, особенно ночью. Поселившись в городе, Андрей ходил почти голым с топориком; одежду и все ему даваемое раздавал нищим. Одарен был он даром прозорливости. Погребен он был в выбранном им месте в Георгиевском Мещовском мон., где чтим был панихидами над его гробом. В Ростове почитался иером. Амфилохий (1748-1824), долгое число лет, стоявший у раки Свят. Димитрия. Он был духовником в Спасо-Яковлевском Дмитриевом мон. Советы и наставления о. Амфилохий предлагал тоном скорее друга, чем наставника, отличаясь большой пронизательностью. Митрополит с. петербургский Серафим писал о нем настоятелю обители: “Сие светило, столько лет озарявшее святую обитель вашу и окрестные грады и веси, склоняется уже к западу. А посему я долгом своим считаю молить купно с вами Отца небесного, дабы Он долее и долее продлил тихое сиянье его к сердечной радости сынов Церкви и к нашему утешению.” Погребен о. Амфилохий в притворе соборного храма. Впоследствии рядом с ним был погребен его племянник, архим. Иннокентий, тоже прославившийся строгою жизнью. В Старо-Ладожском Успенском мон., петербургской еп., известна была игуменья старица Евпраксия. Происходя из купеческого звания, она с детства имела склонность к иноческой жизни. Десять лет она провела в монастырях г. Арзамаса, нижегородской еп.; пострижение

приняла в 1777 г. в Старо-Ладожском мон., где через два года, была поставлена игуменьей. Повышен был ею нравственный уровень обители; предметом особых забот ее было церковное благолепие. Управление монастырем лишило ее прежнего безмолвия; для уединенной молитвы она во все времена года уходила в глубину густого леса. Когда состоялось увольнение иг. Евпраксии, по старости, на покой, она перешла в тесную келью, в которой и скончалась в 1828 г., прожив 91 год.

Богородицкий мон. в г. Задонске, воронежской еп., в котором с 1769 г. подвизался, ушедший на покой, Святитель Тихон, там и преставившийся в 1783 г., был средоточием подвижников. Дворянин вологодской губ. Георгий Машурин с детства любил уединение и чтение священных книг. Таким остался он и будучи корнетом Казанского драгунского полка. В 1818 г., имея 29 лет, Георгий поступил послушником в Задонскую обитель. Через год после вступления в монастырь он затворился в самой худшей, тесной келье. Позднее, не оставляя затвора, Георгий начал принимать приходивших к нему за наставлениями, проявляя большую прозорливость. Намеревался он перейти в другой монастырь, т. к. письма и посетители развлекали его. В это время прибыл к нему странник из Сарова, сказав от имени старца Серафима, которого он не осведомлял о своем предположении: “Стыдно, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.” Георгий был тайно пострижен в монашество с именем Стратоника. Преставился он в 1836 г. В г. Ельце, орловской губ., в семье дьячка, родилась в 1769 г. Матрона Наумовна Попова, рано осиротевшая. С юных лет она стремилась поступить в монастырь, но старица Мелания, жившая в затворе в Знаменском мон., направила ее в Задонске, заповедав принимать там странников и питать сирот. Матрона, в начале сама во всем нуждаясь, начала в Задонске помогать другим. Доброе дело встречено было некоторыми сочувственно, ей стали жертвовать, что давало ей возможность все больше помогать бедным. Богомольцы именовали ее “матушка кормилица.” Удалось ей позднее обзавестись домом, который полон был бедными, убогими, больными. В 1844 г. приняла она тайный постриг с именем Марии. Вела она подвижническую жизнь; духовность ее и опытность развили в ней прозорливость. Скончалась она в 1851 г. Дом свой отдала она перед смертью монастырю; завещав и другой дом и землю для устройства там общины сестер милосердия. В 1869 г. тело ее перенесено было в создавшуюся общину и погребено в Скорбященской церкви. В Задонске подвизался юродивый Антоний Алексеевич, родившийся в семье крепостных в бедном селении задонского у. Пользовался он большим почитанием многочисленных богомольцев, стекавшихся в монастырь. Был Антоний прозорливцем, обладал даром исцеления. Юродство проявилось в нем в семилетнем возрасте; почил он в 1851 г. на 120-м году. В Задонске жила Евфимия Григорьевна Попова, родившаяся в тамбовской губ. в набожной семье однодворца. С четырнадцатого года жизни она проводила ночное время в молитве на церковной паперти, посещала все церковные службы, держала строгий пост. В зрелом возрасте она ушла в затвор, поселившись в небольшой хижине около сельской церкви. Через несколько лет Евфимия приняла на себя подвиг юродства Христа ради, проявляя дар прозорливости. В Задонске, в котором она поселилась в 1808 г., уважавшие ее лица выстроили ей дом, в котором создалась женская община, посвятившая себя странноприимству. Евфимия была в ней старицей. Она обращалась за советами к Илариону Троекуровскому, сама же наставляла будущего затворника Георгия. Читил ее юродивый Антоний Алексеевич. Она скончалась в 1860 г., имея извещение о близкой смерти. Прожила она 110 лет. Тело ее погребено было, при огромном стечении народа, в часовне Задонского Богородице-Тихонова Тюнинского женского мон. (в 1 в. от Задонска), рядом с затворником Георгием, в ряду других Задонских подвижников.

В Задонске жил некоторое время Иоанн затворник Сезеновский (1791-1839), сын крепостного бедного помещика тамбовской губ. Было что-то жалостное в его детском лепете; с десяти лет он стал искать уединения. Много тяжелого, безропотно им переносимого, пришлось ему пережить в молодые годы. Он в Киеве, Воронеже, Задонске прибегал к советам выдающихся по духовности лиц, потом стал юродствовать. В 1817 г. князь Несвицкий дал ему землю и лес для постройки келии в своем селе Сезенове. Там и пребывал Иоанн в затворе, нося тяжелые вериги. Стекались к нему толпы народа. С приходившими он беседовал через запертую дверь приветливо и убедительно, проявляя прозорливость. Много говорил он о будущем монастыре в Сезенове. Вокруг него селились вдовы и девы, которые должны были стать, по его желанию, первым звеном обители. Погребен Иоанн в храме воздвигнутом на месте его келии. В 1840 г. община была утверждена, в 1853 г. возведена в Иоанно-Казанский мон., тамбовской еп. Старец о. Исаия, в схиме Игнатий (1780-1852), был сыном набожного крестьянина новгородской губ. С 18 лет почувствовал он влечение всего себя отдать Богу. Поселился он в своем же саду в уединенной келии; ходил на богомолье в Киев и в Соловки; жил с братом отшельником в дремучих лесах псковской губ.; уходил на Афон, где принял монашество с именем Исаии. По возвращении на родину он поступил в затерявшуюся среди густых лесов Задне-Никифоровскую пустынь олонецкой епархии, где почивали мощи преп. Никифора и Геннадия Важеозерских. Установил он в пустыни общежитие, со всеми иноками исполнял монастырские послушания. Поучал Исаия всех любви и смирению. Стал он известен в С. Петербурге; был вызван туда обер-прокурором Св. Синода; беседовали с ним многие высокопоставленные лица, которых он поражал смиренным и доброжелательным простосердечием. Возобновленная им обитель в 1846 г. сделана была самостоятельной (до этого была приписана к Александрo-Свирскому мон.); в 1909 г. переименована в Важеозерско-Никифорово-Геннадиевскую. В 1849 г. он принял схиму с именем Игнатия; задолго знал о времени своей кончины. Подвижнической была жизнь Илариона (Фокина), затворника Троекуровского (1774-1853), крестьянина рязанской губ. С раннего детства он полюбил церковь и в своей религиозности был утвержден дедом, с которым ходил на поклонение к святым местам в Киев, к Троице. На 20-м году, оставив жену, он тайно удалился в лесное уединение, где принял на себя самые тяжкие аскетические подвиги. Затем, после многих испытаний и странствований, приняв тайно постриг, он в 1824 г. поселился в келии, построенной для него благочестивым помещиком И. И. Раевским в своем тамбовском имении Троекурово. Здесь Иларион, в течение 29 лет, обладая великими дарами, принимал во множестве стекавшийся к нему народ. Им дан был совет А. М. Гренкову, будущему старцу Амвросию, идти в Оптину пустынь. Им создана была в Троекурове женская община, чего желал и посещавший его преосвященный тамбовский Арсений, буд. митрополит киевский. В 1857 году Троекуровская община была утверждена духовною властью, в 1871 г. переименована в Дмитриевский жен. мон. Над могилой старца Илариона выстроен был в 1893 г. новый храм.

В Смоленске и Москве пользовался почитанием сын священника Иван Яковлевич Корейш, окончивший Духовную Академию, учительствовавший, позднее же принявший на себя подвиг юродства. По злобе влиятельного лица он был помещен в московскую Преображенскую больницу для умалишенных. Там три года его держали в одиночном подвальном помещении, прикованным к углу. Освобожденный новым старшим врачом, он помещен был последним в простую комнату, в которой, тесня себя во всем, прожил сорок лет. Имел он высокие духовные дары, был прозорливцем, исцелял больных. Скончался Корейш в 1861 г.

Пятьдесят лет подвизался в реконских лесах в тихвинском у., новгородской губ. схимонах Амфилохий (Шапошников), восстановитель древней Реконской пустыни. Е. Поселянин пишет о нем: "Смирняя тело свое, старец надевал на голову железный обруч, или в горечи сознания греховности своей привешивал к шее большой камень, носил железные вериги или

проволочную рубашку, а в руки часто брал железный посох ... Он питался гнилыми корками хлеба или овсяным толокном, смешанным с золою или песком, древесной корой, мхом и кореньями.” Верующие добирались до его менявшихся убежищ по жердям, положенным на топкой почве, иногда идя по пояс в воде. Когда, отстаивая права пустыни на лесную дачу, он присужден был к ссылке в Сибирь, спасло его заступничество Т. Б. Потемкиной и обер-прокурора гр. Протасова, доложившего о нем имп. Николаю I. Почитал Амфилохия митр. Филарет московский. Скончался схимонах Амфилохий в 1865 г., на 125-м году жизни.

В Сибири известен был своею подвижническою жизнью старец Даниил (Делие) Ачинске (1784-1843) С 1807 г. по 1822 г. он был на военной службе, участвовал в Бородинском сражении, был в Париже. Много тяжелого пришлось ему претерпеть, когда созрело у него желание предаться уединению и молитве. За оставление военной службы был он сослан в Сибирь, где исполнял тяжелые работы. По получении свободы, Даниил поселился в г. Ачинске, последние же годы жизни провел в деревне Зерцалы, вблизи Ачинска. Там келия его была в размер гроба; ограничивал он себя во всем. Народ шел к нему за благословением. Духовною силою, любовью и умилением были исполнены беседы Даниила. Местные архиереи очень почитали Даниила и бывали у него. Скончался он в женском мон. в Енисейске, в котором провел последние три месяца жизни. В Томске почиталась юродивая Домна Карповна (Слепченко). Она помогала, как выражалась, “слепеньким” — прохожим и проезжим, любила животных. Была большой молитвенницей. Почитал ее владыка Порфирий (Соколовский), еп. томский (1860-64).

Светильниками веры были пастыри: священник Иоанн (Борисович) и протоиерей Матфей (Константинович), известный под именем Ржевского. Первый из них родился около 1750 г. в семье воронежского священника и священствовал в г. Ельце, орловской губ. Сохранились наставления, данные юному иерею Святителем Тихоном Задонским. Ежедневно совершал о. Иоанн литургии и акафисты, особенно заботился о благочинии в храме, был крайне воздержан в пище и щедрым милостивым. Посещал он, главным образом, прихожан, замеченных им в дурном поведении и нередко склонял к покаянию. Был он прозорливцем. Скончался о. Иоанн в 1824 г. Прот. Матфей (1791-1857) был настоятелем кафедрального собора в г. Ржеве, тверской губ. Сын диакона тверской еп., он с юных лет прилежал к церкви; любимым его чтением были творения Свв. Василия Великого и Иоанна Златоуста. Был он строгим постником, проявлял великую ревность о храме, совершая ежедневно литургию. Был он удивительным проповедником, сиял милосердием. В пасомых искал добрые качества и избегал осуждения, обращал раскольников. Почитала его Т. Б. Потемкина. Вызванный в Петербург для совещания о воздействии на раскольников, он стал известен в столице по строгости жизни и мудрости. Под большим его влиянием был Н. В. Гоголь, написавший в 1845 г. замечательное “Размышление о божественной литургии.” Почитался как прозорливец в Угличе священник Петр (Томаницке), живший с 1782 г. по 1866 г.

Приведены выше краткие сведения лишь о некоторых подвижниках, упомянутых в труде Е. Поселянина “Русские подвижники 19 века.” Данные о благочестивых русских людях, преисполненных неослабевающим всю жизнь порывом ко Христу, можно почерпнуть и в замечательных “Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков,” составленных владыкой Никодимом (Кононовым), епископом Рыльским, викарием курской епархии. А. В. Карташев в сочинении своем “Очерки по истории Русской Церкви,” пишет, что “частные опыты собирания сведений (напр. Е. Поселянина) и данные церковных журналов выявляют более ста новых кандидатов для канонизации.”

Подвижничество, так ярко и множественно проявившее себя с конца XVIII в., и происшедшее с того же времени, по словам Карташева, “широкое разлитие по лицу земли русской монашества и монастырей” побудило его, видного либерала, поместить, в своем труде,

выше упомянутом, следующие справедливые строки: “Словом, по всем внешним и внутренним признакам,, следует дать отставку устаревшей односторонне-пессимистической оценке синодального периода и увидеть в нем высшее, исторически восходящее выявление духовных сил и достижений русской церкви” (том II, стр. 320).

Ярко выявлены эти духовные силы у всероссийского батюшки, протоиерея отца Иоанна Сергиева Кронштадтского (1829-1908), великого светоча Православия, сиявшего еще в начале нынешнего века.

“В отце Иоанне,” пишет прот. Сергей Четвериков (“Духовный облик о. Иоанна Кронштадтского и его пастырские заветы,” 1939), “особенно поразительна цельность и жизненность его пастырского служения. Он не выделяется ученостью, не является суровым подвижником-аскетом, но он весь горит духом пламенной ревности и самоотверженной любви к Богу, действенной, сострадательной любви ко всем труждающимся и обремененным людям, в служении которым он не знает ни отдыха ни утомления ... Как воспитался в нем этот пастырский дух? И если он был свойствен ему по природе, то как он мог в себе сохранить, углубить, довести до высокой степени напряжения,, не охладить и не растерять его в житейской, суетливой повседневности и деловитости, как это нередко бывает с другими пастырями?”

“На все эти вопросы он сам дает ответ,, ясный и определенный в своей знаменитой книге “Моя жизнь во Христе” и в других своих писаниях, беседах и книгах. Из этой его исповеди, мы узнаем, что уже с самого раннего детства он не жил обычными житейскими интересами, но всею душой уходил в мир небесных созерцаний, и этому очень содействовала окружающая его обстановка. Родившись в бедном селе Архангельской епархии, в семье бедного псаломщика, хилым и болезненным мальчиком, он впервые в своей деревенской убогой церкви познал красоту православия и всею душой полюбил эту красоту. Он горячо отдавался молитве и уже в это время удостоился небесных явлений. “Когда ему было 6 лет,” рассказывает его жизнеописатель, “он однажды увидел в комнате ангела, блиставшего небесным светом, и очень смутился, но ангел сказал ему, что он его Ангел-Хранитель, соблюдающий, охраняющий и спасающий его от всякой опасности.”

“Идя в школу, мальчик никогда не проходил мимо своей приходской церкви, не остановившись перед нею для молитвы. Он сопровождал своего отца в церковь и знакомился там с содержанием богослужебных книг и на всю жизнь полюбил чтение этих книг. Впоследствии он не раз говорил, что все свое духовное содержание он почерпнул из этих книг. Это его признание имеет чрезвычайно важное значение: на богослужебных книгах воспитывалось его православное, пастырское самосознание.

“В своем дневнике он пишет: “Если вы хотите видеть во всем небесном свете образ православия нашей Церкви, прочитайте весь круг наших богослужебных книг, и вы увидите, какое это чудное учреждение на земле, не человеческое, а божественное. В каком сиянии, в каком величии, в какой божественной красоте, представляются тут (в этой книге) благодетельные образы Иисуса Христа, Его Пречистой Матери, Святых Ангелов и всех Святых! В каком свете изображено все бедствие, все растление погибающего в грехах человечества, вся немощь и греховность наша, а с другой стороны — вся вера, упование, подвиги, и любовь к Богу и ближним всех святых, их совершенства, при помощи благодати Божией, подаваемой Церковью, приобретенные ими; их спасение, их победы над миром и дьяволом, их действенные молитвы за нас” (Мысли о Церкви, стр. 180).

“Когда вы входите в храм, вы входите в иной мир: время исчезает, и начинается вечность.”

“В годичном круге богослужения изображена вся история, вся судьба прошедшая, вся жизнь нашей Церкви православной, все ее учение и нравоучение,, все догматы, все жития, все подвиги, все страдания как Самого Господа Иисуса Христа, Божией Матери, так и всех

апостолов, пророков, мучеников, преподобных, бесребренников и праведных; своим богослужением она поучает всех христиан молитве, славословию и благодарению Бога; сама молится за всех, всех утешает, располагает к покаянию во грехах, к умилению, к исправлению, к добродетельной жизни, требует плодов покаяния, напоминает о смерти, о Страшном Суде, изображая грозное судилище Господа над всем миром; представляет наше страшное греховное растение, от которого невозможно избавиться без Спасителя, без врачества веры, без Таинств, без поста, без подвигов умерщвления плоти, без милостыни.”

“Богослужение научает, утешает, и питает, и врачует и укрепляет души; оно возвышает и радуется без числа дух христианина. Это — небесное сокровище на земле, данное нам милосердным Господом и Искупителем нашим; это — сокровищница всех благ, всех даров Св. Духа, сокровищница всех сил к животу и благочестию, всех добродетелей — в лицах, в примерах, достойных подражания” (Мысли о Церкви, стр. 230).

“Семенем и корнем этих позднейших размышлений о. Иоанна были несомненно впечатления, полученные им в родном деревенском храме.

“В духовном училище о. Иоанн учился на первых порах плохо. У него была слабая память. Этот свой недостаток он преодолел усилием веры и горячей молитвы. Он сам об этом рассказывал так: “Ночью я любил вставать на молитву. Все спят. Тихо. Не страшно молиться. И я молился чаще всего о том, чтобы Бог дал мне свет разума, на утешение родителям. И вот, как сейчас помню, однажды, был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне. Я по-прежнему не мог ничего уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала. Я упал на колени и стал горячо молиться.

“Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно завеса спала с глаз; как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок, и я вспомнил, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и — о, счастье! — читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так как раньше, все понимаю, все остается в памяти. Дал учитель задачу по арифметике — решил, учитель похвалил даже. Словом, в короткое время я подвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше успевал, и в конце курса одним из первых был переведен в семинарию.”

“Я привожу эти случаи из его детства, чтобы отметить, что уже тогда в нем обнаружился облик будущего о. Иоанна с его горячей верой и пламенной молитвой, с его молитвенной настойчивостью, которыми он преодолевает человеческие немощи.”

“Когда о. Иоанн, в 26-летнем возрасте, — продолжает на дальнейших страницах о. Сергей, — сделался священником, он с первого же дня своего священства, твердо и определенно наметил линию своего пастырского служения — всецелой, самоотверженной верности Богу, и такого же самоотверженного служения людям, нуждающимся в его пастырской помощи.

“К прежним средствам своего духовного укрепления, теперь у него прибавилось еще одно, самое могущественное: ежедневное служение Божественной Литургии и соединенное с этим ежедневное Причащение Св. Христовых Таин. Это новое благодатное средство сделалось отныне для о. Иоанна основанием и корнем его духовной и пастырской жизни, источником его духовной силы, бодрости и крепости, его животворной духовной пищею, его пастырской опорой.

“С этих пор он уже окончательно не принадлежал себе. В его жизни начался пастырский подвиг, требовавший чрезвычайной решимости и осуществимый только при том всецелом предании себя Богу, какое было свойственно о. Иоанну.”

“В то время как началась пастырская деятельность о. Иоанна, Кронштадт был местом административной высылки из столицы всякого рода бродяг, непомнящих родства и т. п. людей. Люди эти ютились на окраинах города в землянках и лачугах, шатались по улицам, попрошайничали, пьянствовали.

“О. Иоанн принял их под свое покровительство, заботился о них, раздавал милостыню. Кроме такой голытьбы в Кронштадте было много чернорабочего люда, работавшего в порту. Мужья — пьянствовали, жены с детьми жили в беспросветной нужде, в голоде и холоде. Среди этого беспросветного мрака, как яркий луч Божий, явился молодой, вновь назначенный священник Кронштадтского Андреевского собора, о. Иоанн Сергиев. Он стал посещать эти лачуги землянки, утешал матерей, ласкал детей делился с бедными своими собственными средствами, и иногда возвращался домой даже без сапог, отдав их неимущим.

“С течением времени, о. Иоанн увидел, что одной бессистемной помощи бедным и раздачи денег нищим — недостаточно. И тогда по его инициативе, при помощи благотворителей, возникло в Кронштадте учреждение Трудовой Помощи — так называемый “Дом Трудолюбия” и при нем “Ночлежный Дом.”

“Но эта материальная забота о бедняках и безработных Кронштадта была только началом, первой ступенью в деле помощи о. Иоанна ближним. Главная его помощь людям заключалась не в материальных пособиях, а в молитвенной помощи страждущим и болящим. Этот последний вид пастырского служения о. Иоанна и прославил его и сделал имя его известным по всей России и обратил его во всероссийского пастыря, молитвенника.

“На этом именно пути и излились через о. Иоанна многократные милости Божии людям, скорбящим и страждущим от телесных и душевных недугов.”

“Это был великий подвижник Божий во всей своей жизни, — пишет архим. Димитрий (Вознесенский), впоследствии епископ Хайларский (“Приснопамятный протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский.” Издание Казанско-Богородицкого мужск. монастыря, г. Харбин. 1933 г), “но подвижник — в мире; это была праведная и чистая в Боге душа, но вся проникнутая идеальным Христовым пастырством, вся вылившаяся в форму деятельной, до конца самоотверженной, любви, безраздельного на весь мир — открытого служения ближнему, особенно всем изнемогающим под тем или иным давящим бременем жизни. Это был подлинно — отец духовный, всякому к нему приходившему, становившийся сердечно близким, более, чем родным; который всему многомиллионному народу русскому мог сказать, как апостол Павел Коринфянам: *“сердце наше открыто к вам, соотечественники, и вам в нас не тесно”* (2 Кор. VI:11-12).”

“Пламенной верой своей, которая подлинно могла двигать горами, огненной молитвенностью, уподобившей его древним отцам-молитвенникам и подвижникам, поразительной прозорливостью, бесчисленными чудотворениями, исцелениями неизлечимых больных, чудесной помощью и явлениями на расстоянии о. Иоанн на себе самом неопровержимо доказал и показал, что и в наш мнимо-просвещенный век все прогрессирующего отступления от веры возможно появление святых, возможны чудеса. Ни у кого из близко знавших о. Иоанна и испытавших на себе силу его пламенной веры, силу его огненной молитвы, нет никаких сомнений в его святости, хотя формально он до сих пор еще не причислен нашей Церковью к лику святых,” — пишет владыка Аверкий (Таушев) епископ Сиракузо-Троицкий (“Светлый образ Православия.” “Православный Путь”). Св. Троицкий монастырь. 1958 г), с архипастырского благословения которого начат был сей труд, по милости Божией, ныне законченный.

13/26 августа 1962 г. День памяти Святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца.